

А716
К-82
СО

**КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ**

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ**

СБОРНИК ОБЗОРОВ

Москва · 1985

Серия: "КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ,
РЕФОРМИЗМА И РЕВИЗИОНИЗМА"

Редколлегия: БЕРГЕР Я.М., ВОЛКОВ Л.Б. (отв. ред.),
ЧАЛИКОВА В.А., КАПЛАН А.Б.

Литературный редактор В.Н.ЛИСТОВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Теория модернизации и ее место в современном буржуазном обществоведении. Вступительная статья	5
Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно–политическое развитие, (Обзор англо–американской литературы)	25
Теория модернизации и идеологическая борьба. (Дискуссия ученых ГДР)	93
Между “марксизмом” и веберизмом. “Вторая волна” теории модернизации в западногерманской “социально–исторической” школе	109
Рационализация или волюнтаризм? Веберовская проблематика в современной западноевропейской литературе по вопросам развития	159
Методологические основы теории модернизации в общей теории действия Т.Парсонса в трактовке его последователей	198
Культурные ориентации, идеологические группы и динамика традиционных обществ в работах Ш.Эйзенштадта	227

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

Вступительная статья

Теория "модернизации" представляет собой коллективную попытку большой группы буржуазных и реформистских ученых дать ответ на основные политические вопросы современности, причем ответ, который не уступал бы по значению и фундаментальности научному анализу капиталистического общества и его перспектив, осуществленному основоположниками марксизма.

Хотя большинство сторонников теории "модернизации" скептически относится к эпистемологическому понятию "закон", суть этих попыток состоит в стремлении вывести или хотя бы очертить закон всемирно-исторического развития, а именно закон его неравномерности, грозящей человечеству в условиях современного промышленного производства и НТР глубоким и может быть фатальным конфликтом рациональных и иррациональных общественных тенденций.

В центре понятия "современность", по мысли этих ученых, лежат достижения европейского рационализма и просвещения. Именно они способствовали формированию и распространению во всемирном масштабе современной науки, техники, права и методов управления, современных представлений о культуре человеческих взаимоотношений и отношений между социальными группами, обществами и государствами. Однако социально-историческое воплощение этих достижений оказывается неполным и неравномерным как внутри разных обществ, так и в международном масштабе. При

этом историческое напряжение возникает между социальными системами, которые смогли самостоятельно реализовать рациональные тенденции настолько, что изнутри достигли стадии технически эффективного, политически уравновешенного, более или менее целесообразно устроенного общества, и теми, которые пошли или вынуждены были пойти по пути заимствования рациональных моделей и оказались в состоянии "смешанного" общества, иррационально сочетающего в себе "разумное" с "неразумным", "современное" с "архаичным" и т.п.

Это сочетание, как утверждают сторонники теории "модернизации", является источником как открытых, так и глубоко скрытых внутренних противоречий "опоздавших" обществ и одновременно источником международной опасности. Оно является причиной основных катаклизмов XX в. "Опоздавшая модернизация" — погоня за техническими или социальными достижениями передовых наций — приводит, по их мнению, к националистической политике и усугубляет внутреннюю дисгармонию производственных, политических и культурных структур тех, кто "опоздал". В условиях опоздавшей модернизации не может быть устойчивой "настоящей" демократии и трудно рассчитывать на мир. В конечном счете ускоренная "модернизация" оказывается неэффективной, т.к. ведет к иррациональному индустриализму, поглощающему ресурсы, но не способному к действенной отдаче.

Основная причина такого хода истории, как пытаются показать сторонники теории "модернизации", заложена в особенностях человека — как производительной силы, социального существа и, соответственно, личности. "Современность" требует от огромной массы людей определенного типа мышления, знания, определенной психики и поведения. Обретение этих свойств — длительный и многогранный исторический процесс, протекающий на разных уровнях и по разным каналам. И если личность не прошла поколение за поколением всех граней этого процесса, то она не может действовать так, как этого объективно требует современная среда. Ее действия распадаются на фрагменты, и сама личность как бы раздваивается, утрачивает целостность. Каждый ее поступок

становится многослойным, неся в себе штрихи "современного" и "прошлого", рационального и иррационального (с точки зрения требований современной технологической, экономической и административной среды). На этой основе возникает специфика социальной дифференциации, политической организации и экономики "опоздавших" обществ. Таков вкратце общий смысл теории "модернизации" на нынешнем этапе.

Родословная этой теории достаточно пестра и разнообразна: от взглядов "классической" политэкономии А.Смита и Рикардо до "понимающей социологии" М.Вебера. Не чурается она и заимствований из Маркса. Значительная часть приверженцев теории "модернизации" склонна зачислить в свой резерв едва ли не всю буржуазную (а некоторые и марксистскую) социологию, социальную психологию и политическую науку XIX-XX вв. Уже одно это свидетельствует о масштабе претензий теории "модернизации", хотя и вынуждает некоторых ее сторонников признаваться в "эклектизме". Теория "модернизации", по словам одного из ее западногерманских адептов П.Флоры, отличается гибкостью и эвристичностью, позволяющими ей создать эскизную картину общественно-исторического развития, хотя и менее стройную, но более "живую", чем марксизм.

Советские обществоведы уже не раз критиковали буржуазных теоретиков "модернизации". Особенно детальной критике подвергнуты взгляды представителей этой теории на социальную проблематику развивающихся стран и на историю революционного движения и строительства социализма в нашей стране. Эта критика отражена, например, в работах П.Н.Федосеева¹⁾, Ю.Б.Красина²⁾, Б.И.Марушкина³⁾, Н.В.Ро-

1) Федосеев П.Н. Диалектика современной эпохи. - 3-е изд., доп. - М., 1978. - 656 с.

2) Красин Ю.Б. Социальная революция в кривом зеркале буржуазной идеологии. - Пробл. мира и социализма, Прага, 1972, № 2, с. 5-14.

3) Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. - М.,

мановского¹⁾, Э.Н.Хилтухина²⁾, Ю.И.Игрицкого³⁾, Т.Д.Крупиной⁴⁾, И.Н.Олегиной⁵⁾, З.С.Чертиной⁶⁾, С.В.Егорова⁷⁾ и др.

Продолжение сноски со с. 7.

1977. - 279 с.; Марушкин Б.И. Советология: расчеты и просчеты. - М., 1976. - 160 с.

1) Романовский Н.В. Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции. - Вспр. истории, М., 1977, № 10, с. 124-136; Романовский Н.В. Буржуазная историография трех революций в России. - История СССР, М., 1976, № 3, с. 192-214; Романовский Н.В. Критика фальсификаций роли ленинской партии в трех революциях. - М., 1979. - 284 с. 193-202.

2) Хилтухин Э.Н. Крушение легенды: Критика апологии вестернизации. - М., 1979. - 62 с.

3) Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974. - 271 с. Игрицкий Ю.И. Новые работы западных советологов о социально-политическом развитии СССР. - История СССР, М., 1977, № 3, с. 193-202.

4) Крупина Т.Д. Теория "модернизации" и некоторые проблемы развития России конца XIX - начала XX в. - История СССР, М., 1971, № 1, с.191-205.

5) Олегина И.Н. Капиталистическая и социалистическая индустриализация в трактовке А.Гершенкрона. - История СССР, М., 1971, № 2, с. 181-202; Олегина И.Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. - Л., 1971. - 222 с.

6) Чертина З.С. Буржуазная теория "модернизации" и реальное развитие народов советской Средней Азии. - История СССР, М., 1980, № 2, с. 203-212.

7) Егоров С.А. Политическая система, политическое развитие, право: критика немарксистских политологических концепций. - М., 1983. - 223 с.

Вопросам критики теории модернизации уделяют внимание ученые социалистических стран. Так, участники дискуссии по теории "модернизации" в ГДР отметили, что назрела необходимость в фундаментальной систематической критике данной теории как одной из крупных идеологических стратегем современной буржуазной общественной науки.¹⁾

Среди западных критиков теории "модернизации" нередко высказывается суждение о том, что эта теория в настоящее время утратила значение, уступив место более новым и политически актуальным теориям. Действительно, в практически-политическом плане теория модернизации, особенно в ее первоначальном виде, не играет первостепенной роли. Однако, на наш взгляд, не означает, что ею можно пренебречь. Сам факт постоянного критического обращения к данной теории как консервативно-либерального, так и радикального крыла западных обществоведов, свидетельствует о том, что эта теория не отказалась от своих притязаний. Другое дело, что нынешняя теория "модернизации" представляет собой некоторый новый вариант, весьма существенно отличающийся от того первоначального, который опирался на неоклассическую политэкономия и пытался найти теоретические формулы, "разъясняющие" и оправдывающие главным образом политику неокOLONIALИЗМА. Это обстоятельство часто упускается из виду. И это один из аргументов в пользу необходимости критически разобраться не только в работах отдельных авторов, выступающих с позиций теории "модернизации" и не только дать оценку отдельным ее аспектам, но и рассмотреть данную теорию как целое, в процессе ее становления, внутреннего развития, противоречий и тенденций. Имен-

1) Zur theoretisch-methodologischen Analyse und historiographischen umsetzung bürgerlicher modernisierungstheorien; Materialien der 4. Tagung der Fachkommission "Theorie, Methodologie und Geschichte der Geschichtswissenschaft" der Historiker-Gesellschaft der DDR am 26 März 1981 in Berlin. - B., 1982. - 97 S.

но эту задачу имел в виду авторский коллектив данного издания, приступая к работе.

Теория "модернизации" возникла в США и развивалась прежде всего как взгляд на проблемы послевоенного развития, тесно связанный с выбором политики США в отношении стран Азии, Африки, Латинской Америки и "союзников" США в Европе. Отталкиваясь от кейнсианской неоклассической политэкономии, эта теория рассматривала "модернизацию" как определенную политику, рассчитанную на приведение менее развитых и слаборазвитых стран в соответствие с общими стратегическими задачами США на основе систем "экономической помощи" и государственных инвестиций. Однако, столкнувшись с реальностью, оказавшейся значительно более сложной, чем представляли себе кейнсианские теоретики, американские социологи и политологи стали постепенно критически переосмысливать их первоначальные постулаты. И именно из этой критики возникла теория "опоздавшей модернизации" как набор теорем о трудностях развития, перспективах и формах их преодоления. Этот этап, связанный с формулированием концепций относительной "самостоятельности" политического развития, "смешанных политических культур", "частичной модернизации" или "квазимодернизации" и с одновременным обращением социально-политической науки к проблематике общего и особенного в историческом развитии, и в частности, к особенностям развития индустриализации в Европе, является предметом первого обзора, помещенного в настоящем сборнике. Центральным для данного этапа представляется развитие общесоциологических концепций "традиционного" и "модернизированного" ("рационального") общества, само по себе не новое, но по-новому примененное в теоретизировании данного типа. Трудности "модернизаций" рассматриваются как трудности переходного периода, в процессе которого меняются все параметры "традиционного общества": личность, социальная структура, экономические отношения, политический строй, причем меняются в направлении приспособления к задачам обеспечения современного промышленного производства. Однако перемены эти не только неравномерны, но и неоднозначны,

поскольку в результате возникают устойчивые новообразования, задающие новые и, по мнению по крайней мере части исследователей, тупиковые направления "развития". Но что же при этом понимается под "трудностями?". Речь прежде всего идет о трудностях становления буржуазной демократии. Именно эта проблема лежит в основе исследований американского политолога Г.Алмонда, когда он пытается рассматривать проблематику "политической культуры"¹⁾ и делает это, отталкиваясь от концепций столкновения "традиционных" и "рациональных" начал в исторически наличных политико-культурных конгломератах США, Англии, Франции, Германии, Италии, развивающихся стран и т.д.²⁾. В обзоре прослеживается эволюция, а вернее сказать, инволюция взглядов Алмонда³⁾, поскольку его исследования во многом задали тон всему направлению "модернизационной" политологии, с одной стороны, и ее радикальной критике — с другой. Сам Алмонд в своей последней работе от специфически политологической проблематики "политической культуры" и "политической системы" переходит к рассмотрению общей проблематики "прогресса"⁴⁾.

1) Almond G.A. Political development: essays in heuristic theory. - Boston, 1970. - 331 p.

2) Almond G.A., Powell J.B. Comparative politics: A developmental approach. - Boston, 1966. - 348 p.; Almond G.A., Verba S. The civic culture: Polit. attitudes in five nations. - Princeton, 1963. - 562 p.

3) The civic culture revisited: An analytic study /General ed.; Almond G.A., Verba S. - Boston; Toronto, 1980. - 421 p.

4) Almond G.A. Progress and its discontents / Ed. by Almond G.A. et al. - Berkley etc., 1982. - XIV, 565 p.

Вместе с тем центр тяжести обзора сосредоточен на концепциях Мариона Леви¹⁾ и Д.Рюшемейера²⁾, поскольку они в большей степени, чем взгляды Алмонда, выражают социологический пессимизм общей буржуазной теории модернизации и являются как бы логическим завершением рассматриваемого в обзоре этапа развития этой теории.

Следует сказать, что подходы к проблематике модернизации в США осуществлялись не только с разных сторон, но и реализовались в различных специфических направлениях. Одним из таких направлений стало исследование, а точнее-попытка новой интерпретации фашизма. Выше уже отмечалось, что одной из главных политических задач теории модернизации было рассмотрение узловых политических проблем современности и современной истории. Отсюда ее явно выраженная политологическая окрашенность, отсюда же и стремление обратиться к проблеме фашизма как важному и "удобному" объекту исследования, позволяющему "проверить" гипотезу теории модернизации. Возникновение фашизма в европейских капиталистических государствах после первой мировой войны стало рассматриваться как результат трудностей "модернизации" отсталых капиталистических стран Европы (вопрос о Германии стоит особо), как следствие "опоздавшей" или "отложенной" модернизации (термин М.Матоссян)³⁾. Взгляды американских политологов на проблему фа-

1) Levy M. Modernization and the structure of societies - Princeton, 1966. - Vol.1-2.

2) Ruschemeyer D. Partielle Modernisierung. In: Theorien des sozialen wandels / Hrsg. Zapf W. Hain, 1979, S.382-398.

3) Matossyan M. Ideologies of delayed industrialization; some tensions and ambiguities. - In: Political change in underdeveloped countries: Nationalism a. communism /Ed. by Kautsky J.H. N.Y.; L., 1962, p.252-268.

шизма, однако, разделились. Одни, как Дж.Грегор¹⁾, ориентируясь на неоклассическую теорию модернизации и пограничные с ней взгляды У.Ростоу, все более настойчиво стремятся изобразить фашизм (в частности, итальянский) как эффективную, хотя и связанную с серьезными политическими издержками, политику модернизации, доходя фактически до "научной" апологии фашизма. Другие, как, например, А.Ф.Органский²⁾, приходят к противоположному выводу: фашизм, хотя и был вызван к жизни ситуацией опоздавшей модернизации, но его политика оказалась неэффективной и в конечном счете привела к остановке как индустриализации, так и вообще экономического роста.

Проблематика фашизма в теории модернизации, несомненно, занимает серьезное место, и это отражено в обзорном материале сборника. Вместе с тем — это особая тема, требующая, на наш взгляд, отдельного рассмотрения в последующей информационно-аналитической работе.

Еще более важным объектом критики представляются попытки проложить связи между теорией модернизации и рассмотрением развития России, русского революционного движения и строительства социализма в СССР, а также в социалистических странах Восточной Европы.

В данном направлении, как уже упоминалось, советски-

1) Gregor A.J. Interpretation of fascism. - Morristown (N.J.), 1974. - V, 281 p.; Gregor A.J. Italian fascism and developmental dictatorship. - Princeton (N.J.), 1979. - XV, 427 p.

2) Organsky A.F.K. Fascism and modernization. - In: The nature of fascisme: Proceedings of a conf. held by the Reading univ. Graduate school of contemporary Europe studies / Ed. by Woolf S.J. L., 1968, p.28-54.

ми учеными проделана большая работа, и авторы настоящего издания считали возможным ограничиться лишь кратким упоминанием о значении данной проблематики в изучении теории модернизации. Работа эта, несомненно, может быть продолжена как в плане вычленения и критики общих методологических предпосылок теорий А.Гершенкрона и Б.Мура, так и в плане освещения попыток их последователей, таких, как уже упоминавшийся Дж.Грегор, английские историки Ю.Карр, Р.Окей, американский историк Т.Лауз и ряд других.

Дж.Грегор, в частности, настойчиво стремится провести идею общей "модернизаторской" заданности революционного марксизма последней четверти XIX - начала XX в. и проложить через взгляды Ж.Сореля, революционного синдикализма и "национал"-синдикализма связь между учением и пролетарской революции и "модернизаторскими" устремлениями начального этапа фашистского движения¹). С иных позиций пытаются отыскать связь между теорией модернизации, а также самой модернизацией и марксизмом представители новой западногерманской школы "социальной истории" - Г.-У.Велер, Ю.Кокка, В.Цапф, и П.Флора.

Интересы этой группы ученых сосредоточены в основном на проблематике современной германской истории, на попытках заново разобраться в истоках германского консерватизма, милитаризма, фашизма и в перспективах капиталистического развития Западной Германии. Но для решения этих проблем они считают необходимым создать новую широкую теоретическую основу, новую интерпретацию исторического развития и провести на этой основе широкий круг эмпирических исторических исследований социальных, экономических, культурных и политических параметров развития. Для этого, с их точки зрения, наиболее полезной является теория модернизации, своеобразную трактовку которой и принимают Г.-У.Велер и др.

1) Gregor A.J. Young Mussolini and the intellectual origins of fascism. - Berkley etc., 1979. - XII, 271 p.

Поиск новой теории и методологии социально-исторических исследований школы "социальной истории" является темой второго обзора данного сборника. Его примечательной чертой представляется стремление западногерманских авторов включить в свой методологический багаж наследие Маркса. Однако не следует обманываться насчет "марксизма" школы "социальной истории". Воздавая должное Марксу, такие ее представители, как Велер, Флора и Цапф, на самом деле истолковывают Маркса в духе Вебера или ориентированной на Вебера американской социологической теории Т.Парсонса и его последователей. Достаточно сказать, что, несмотря на все призывы к изучению экономической истории и указания на роль Маркса как творца целостного естественноисторического взгляда на социально-экономическое развитие вообще и на социально-экономическое развитие европейского капитализма, в частности, никто из представителей западногерманской школы "социальной истории" пока не попытался использовать Марксов анализ товарного производства, товара как основной эпистемологической категории капиталистического общества, несущей в себе все главные "моделирующие" характеристики и противоречия капиталистической индустриализации, как концентрата ее "качественной" неравномерности и двойственности.

Для марксистской оценки теории модернизации и, в частности, попыток ее применения, в исследованиях по современной истории Германии, а также сравнительно исторических исследований большой интерес представляет упоминавшаяся выше дискуссия ученых ГДР. В ходе дискуссии, открытой статьей проф. Г.Розе в "Историческом журнале" в начале 1980 г.¹⁾ и затем продолженной рядом других ученых, наметились общие принципы марксистского критического под-

1) Rose G. Modernisierungstheorien und bürgerliche Sozialwissenschaften. - In: Zeitschrift für Geschichte, B., 1981, N 1, S.3-18.

хода к теории модернизации на данном ее этапе и вместе с тем были выявлены спорные вопросы, касающиеся оценки отдельных аспектов теории модернизации в ее применении к истории Германии и к другим обществоведческим проблемам, например к проблеме фашизма.

По мнению большинства участников дискуссии, совокупность теоретических разработок буржуазных ученых, объединяемых под общей рубрикой "теория модернизации", представляет собой новый и достаточно усложненный вариант буржуазного истолкования проблематики общественно-исторического развития, связанный с неудовлетворенностью плоско эволюционными и прямолинейно апологетическими концепциями "индустриального общества", "конвергенции" и т.п. Мобилизуя широкий арсенал средств современной буржуазной социальной науки, ряд ученых, опираясь на общие предпосылки теории модернизации, выявил некоторые новые конкретные данные, касающиеся сложных процессов развития капитализма в западных странах. Вместе с тем теория модернизации, пытаясь, особенно в трудах реформистски мыслящих ученых, как, например, Г.-У.Велера, объявить себя чуть ли не одним из вариантов развития марксизма (Велер считает, например, что "марксизм Маркса" должен рассматриваться как один из исходных вариантов теории модернизации), извращает марксизм и оказывается не в состоянии выйти за идеологические рамки буржуазного мировоззрения. Представляя собой перевернутое, превращенное изображение действительности, она требует серьезной фундированной марксистской критики, опирающейся на углубленный конкретный анализ общественного развития, умение на этой основе сосредоточить внимание на новых моментах теории модернизации, использовать содержащиеся в буржуазных исследованиях новые фактические данные и "рациональные зерна" в целях критики буржуазного общества и буржуазных представлений о его прошлом, настоящем и будущем. Обсуждение отразило и ряд дискуссионных моментов. По мнению К.Ирмшлера, теория модернизации не содержит самостоятельных концепций, а лишь синтезирует широкую совокупность разработок так называемого "девелопментализма". В особенности, по

мнению Ирмшлера, это относится в западногерманской "социально-исторической школе". Действительно, такие западногерманские авторы, как П.Флора, в своих теоретических исканиях склонны к весьма широкой и плюралистической трактовке теории модернизации, ее методологических и концептуальных истоков. Однако трудно оспаривать наличие определенной самостоятельной концептуализации "запоздалой модернизации" в Германии в работах Г.-У.Велера. Справедливая критика методологического плюрализма и теоретического эклектизма исследований по модернизации, предпринимаемых и обосновываемых такими учеными, как П.Флора, не дает тем не менее оснований для отождествления теории модернизации лишь с комплексом первичных, ориентированных на неоклассические взгляды разработок.

Ряд соображений возникает в связи с критикой взглядов сторонников теории модернизации на фашизм. Р.Баум, анализируя "модернизаторскую" интерпретацию фашизма рядом итальянских историков и политологов, считает, что ее главная цель — противопоставление итальянского фашизма германскому. Однако такого рода противопоставление не составляет специфики теории модернизации. Ряд буржуазных ученых, не связанных с теорией модернизации, давно уже настаивает на том, что фашизма как общего явления капиталистического общества никогда не существовало, а были лишь национально особые и связанные с различными историческими причинами и обстоятельствами политические движения и режимы в Германии, Италии, Испании, Франции и других западных странах.

Кроме того, лишь часть интерпретаторов итальянского фашизма, придерживаясь неоклассической концепции модернизации, рассматривает режим Муссолини как конструктивный вклад в социально-экономическую модернизацию, и прежде всего в индустриализацию Италии. Противоположная концепция, как показано выше, исходит из того, что итальянский фашизм был не только порожден противоречиями и тупиками опоздавшей модернизации, но и сам по себе оказался тупиковым путем "развития".

Методологические поиски теоретиков "модернизации" обнаруживают существенные разночтения и разногласия между западными обществоведами относительно интерпретации своей методологической родословной. В основном это попытки лавирования между Вебером и Марксом. Однако и в интерпретации самого веберовского учения они далеко не едины. Американская социологическая школа вслед за Т. Парсонсом в основном не столько отталкивается от взглядов Вебера, сколько "отталкивает" их от себя. Вебер как личность и как теоретик представляет собой двойственную фигуру на горизонте буржуазной социологии. Его двойственность, на наш взгляд, отражает двойственность ситуации в Германии конца XIX — начала XX в., остро переживавшуюся Вебером и переданную в его дуалистических категориях "харизмы" — "рационализации", "творческого порыва" — "бюрократизма" и т.д. Полуагностик и в основном исторический пессимист, Вебер в определенной степени обобщал и универсализировал в категориях "идеально-типического" специфические тенденции современной ему немецкой истории. Американские же социологи, используя отдельные категории веберовского анализа, "рационализируют" Вебера, в то время как их европейские коллеги стремятся подчеркнуть присущий Веберу общий скептицизм и исторический пессимизм. Это ярко проявляется, например, в различной трактовке американским политологом Алмондом и бельгийским веберологом Вейенбергом веберовских категорий "торга" и "компромисса" как характеристик становления определенной социально-исторической культуры. Для Алмонда "торг" и "компромисс" — черты сбалансированной демократической политической культуры, которую он рассматривает как "веселую" и "игровую". Для Вейенберга, наоборот, "компромисс" и "торг" — проявления серости и неспособности к игре "рациональной" буржуазии. Все это, на наш взгляд, оправдывает включение в настоящий сборник раздела, посвященного разбору методологических предпосылок теории модернизации — взглядов М. Вебера, Т. Парсонса, и Ш. Эйзенштадта. Обзор франкоязычной литературы о Вебере, не претендуя на сколько-нибудь полный анализ взглядов немецкого социолога, дает, как нам кажется,

достаточное представление о том, насколько двойственными являются эти взгляды и насколько противоречивым отношение к ним современных западных обществоведов. Он позволяет судить о том, насколько "правомерны" попытки нынешних теоретиков модернизации соединить Вебера и Маркса. Обзоры взглядов Парсонса и Эйзенштадта дополняют это представление.

Обзор теоретических воззрений Т. Парсонса и его последователей дает ясное представление об идеалистических установках общей теории действия, которая, при всех ее притязаниях на "многофакторный" анализ исторической реальности, на самом деле концентрирует главное внимание на "нормативной культуре" как основной детерминанте социальных изменений. Вместе с тем обзор показывает, почему теория Парсонса и его последователей смогла стать методологической основой концептуализации именно процессов развития, в том числе и исторического развития, несмотря на упрощенную трактовку ее как теории социально-исторической статистики, к которой нередко прибегают буржуазные и лево-радикальные критики Парсонса. Восстановление подлинного смысла взглядов крупного буржуазного теоретика имеет важное значение для правильной ориентации критики этих взглядов, отнюдь не случайно широко используемых в буржуазной социологии развития, и в частности в теории модернизации. Консерватизм теории Парсонса проявляется не в отрицании исторического развития, а в специфике его системной трактовки как перехода от менее дифференцированных и менее адаптивных систем к более дифференцированным и эффективным по мере перестройки нормативной культуры и самого человека. При этом эталонной системой Парсонс (и это особенно ярко демонстрируют его последователи) в сущности считает "рациональную" систему буржуазно-либерального типа, хотя сам Парсонс утверждает это в крайне абстрактной и нередко амбивалентной форме.

Именно такую систему, где, по теории действия, доминирует "универсалистская" ориентация личности (определенный тип нормативной культуры) и соответствующая ей социальная и институциональная дифференциация, обеспечиваю-

шая рациональную взаимосвязь всех подсистем, всех структур и функций, Парсонс и его последователи рассматривают как способную постоянно снимать напряжения и адаптироваться ко всякого рода возмущениям и напряжениям без потери устойчивости, без антагонистических конфликтов и разрушительных для человека последствий.

По достижении этого эталонного уровня историческое развитие для теоретиков действия в сущности заканчивается и остается только рутинная динамика политико-реформистского типа. Это и составляет квинтэссенцию парсонсовского либерального консерватизма, сложнейшему теоретическому обоснованию которого на основе использования достижений системной теории он посвятил свою жизнь. И становится понятно, почему парсонсовская методология оказывается столь притягательной для современной буржуазной теории модернизации, несмотря на двусмысленность применяемой им категории "социальное изменение"¹⁾.

Следует иметь в виду, что присущая Парсонсу и его школе тяга к нарочито абстрактной манере изложения мысли приводит к явному злоупотреблению терминами, и в частности термином "система". В свою очередь это злоупотребление оказывается чреватым постоянно возникающей двойственностью логического и конкретно-исторического (социального, географического и т.п.). "Система" в теории Парсонса означает и общий абстрактно-логический уровень рассмотрения человеческой деятельности, при котором теория как бы отвлекается от представлений о конкретных уровнях рассматриваемой системы (территориальном, временном, этническом и т.п.) и сосредоточивается на "вертикальных"

1) По Парсонсу, развитие социальной системы — это, с одной стороны, опрокинутое в историю формирование 10 "универсалий", а с другой — и после их формирования возможны социальные изменения на основе новой дифференциации и т.п. С этим, в частности, Парсонс связывал движения молодежи, женщин, негров, к которым он не относился отрицательно.

аспектах системы – подсистемах, структурах, функциях и их "логическом" взаимодействии. Но "система" может означать и "горизонтальную" связь компонентов – более или менее конкретизированный конкретно-исторический тип системы, или даже конкретное общество или его подсистему (например, культурную), рассматриваемую сквозь призму общих логических представлений о "системе" как высшем уровне логической абстракции. При этом в конкретном тексте не всегда легко отличимы сами уровни рассмотрения – высший уровень логической абстракции (система вообще) от высшего уровня эмпирического обобщения (историческая система, глобальная система и т.п.). Например, "десять универсалий" Парсонса предстают как категории чисто абстрактного типа, логически присущие "системе" вообще. Но вместе с тем они обозначают определенные конкретно-исторические типы или этапы в развитии эмпирических систем. На этом примере, кстати сказать, видна и другая черта мышления парсоновской школы. Она стремится предпослать рассмотрению реалий предварительную их логическую конструкцию. "Десять универсалий" выглядят как чисто логические выводы из неких системных предпосылок. Однако на самом деле логика Парсонса остается лишь логикой эмпирического обобщения, выраженного как бы в имманентно-логической форме. Гипотеза "десяти универсалий" есть не более чем эмпирическая гипотеза, введенная на основе не продемонстрированных исторических эмпирических обобщений, как бы остающихся "в уме". Поэтому и проверка концепции "десяти универсалий", проведенная Баком и Джекобсоном (см. с. 203–205 настоящего издания), – не что иное, как обычная социологическая, точнее статистическая верификация эмпирической гипотезы, возведенной в ранг имманентно-логического, чуть ли не математического постулата.

Что касается влияния теоретических построений Парсонса на теорию модернизации, то оно связано не столько с общими системными конструкциями американского социолога, сколько с применением разработанных им социокультурных параметрических дихотомий "универсальность" – "партикулярность", "примысливание (аскриптивность) – результатив-

ность" (достижимость); "расплывчатость" (диффузность) - "точность" (специфичность); "аффективность" - "сдержанность" (аффективная нейтральность), которые в своей совокупности создают сложный системно-динамический исторический континуум развития ориентаций личности, групп, сообществ и т.п. и применяются для объяснения и построения различных моделей перехода общества от стадии относительно иррациональной традиционности к стадии рациональной современности.

В этом смысле наиболее последовательными истолкователями Парсонса являются М.Леви и Д.Рюшемейер, в определенной мере Г.Алмонд, которые пытаются рассмотреть различные и, в частности, застойные варианты сочетаний указанных типов ориентаций в переходных обществах в виде явлений "частичной модернизации", "тупиковой модернизации", "квазимодернизации" и т.п., и которые в той или иной степени приходят к тому, что в результате вторжения иностранных влияний в традиционное или полутрадиционное общество в нем образуются на основе этих сочетаний дисфункционально направленные структуры, придающие росту и развитию общества характер распространения раковой опухоли - одновременно устойчивой, экспансивной и разрушительной.

Что касается теоретических воззрений Ш.Эйзенштадта, то значение их для буржуазной науки представляется неизмеримо меньшим, хотя данный автор и претендует на охват в своих построениях очень широких исторических пластов. В сущности Эйзенштадт не сообщает ничего нового. Разрабатываемая им "теоретическая" схема более всего напоминает попытку инвентаризации или каталогизации исторических процессов, хотя и выраженную в усложненных терминах и категориях. Эйзенштадт берет за основу "эсхатологическую" концепцию Вебера, расширяет ее, опираясь на идею "осевого времени" К.Ясперса и истолковывает в духе, близком к "циклическим" воззрениям Шпенглера и Тойнби. Однако живое и напряженное изложение противоречивой исторической реальности, связанное с буржуазно-ограниченным, но все же критическим поиском объяснения исторических противоречий, Эйзенштадт подменяет мертвой описательной

схемой, сконструированной в терминологии теорий социальных систем. За основу исторического "развития" берется деятельность духовных и политических элит, в фокусе ее — типология религий и государственно-религиозных образований. По мысли Эйзенштадта, такого рода системное типологизирование должно облегчить сравнительное изучение и описание процессов исторического развития. На самом деле поверхностные конструкции этого автора лишены реальной критериальной основы, и все попытки наложить их на действительный ход истории оказываются малоубедительными. Так, в типологии Эйзенштадта средневековые империи и феодальные монархии представляют собой "согласованный" тип развития. Вместе с тем в рамках этого типа одни империи и монархии выступают как образцы полной рассогласованности "модернизации", тогда как другие — наоборот. С другой стороны, "рассогласованные" типы могут давать реальные примеры более высокой согласованности развития. Объяснить это фактическое явление Эйзенштадт не пытается. Он просто подгоняет историческую фактологию под "системные" категории. В результате предложенная им "система" взглядов не столько служит эмпирии сравнительных системных исследований, сколько убеждает в невозможности такого исследования, если иметь при этом в виду какое-либо его объяснительное значение. Не случайно за пределами внимания американского ученого остается вся социально-экономическая практика (которая все же занимает солидное место у М.Вебера), равно как и реальная социокультурная практика (играющая в плане идеи адаптации социальных систем важную роль в теории действия Т.Парсонса). И именно в этом "системном" выхолащивании реального социального содержания процессов исторического развития, открывающем широкий простор для любых манипулятивных построений, для, в сущности, любой политической практики, заложен идейно-теоретический смысл айзенштадтовских разработок относительно "модернизации". В своих более прагматизированных публикациях Эйзенштадт не идет дальше рекомендаций использовать в ходе модернизации (а точнее вестернизации) традиционную культурно-религиозную символику.

Теория модернизации в современном ее виде является сложной многоплановой теорией. В отличие от более модных и нередко рассчитанных на сенсацию радикальных попыток пересмотреть перспективы развития человечества с позиций иррационального отрицания прогресса, эта теория исходит из предпосылок необратимости истории и необходимости признать сделанный человечеством выбор в пользу прогресса. Она пытается, не пересматривая этого выбора, использовать аппарат научного знания — теоретического и эмпирического — для выяснения и устранения того, что препятствует прогрессу. Однако перспективу прогресса теоретики модернизации связывают с капитализмом и капиталистической "рациональностью", обеспечиваемой путем той или иной политики, тех или иных реформ. Эта перспектива методологически опирается по существу на идеалистический взгляд на историю и отвергает революционный путь преобразования общества, ведущий к строительству социализма как новой общественно-экономической формации. В этом коренная противоположность между теорией модернизации и марксизмом. И этим определяются особенности ее критики. Освещение этапов развития общих теоретических предпосылок в различных "национальных" школах теории модернизации, предпринятое в настоящем издании, будет, как надеются авторы, способствовать осуществлению этой критической работы.

Л.Б.Волков

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ – ПЕРЕСМОТР ЛИБЕРАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

(Обзор англо–американской литературы)

То, что в современном буржуазном и реформистском обществоведении в настоящее время называется "теория модернизации", на самом деле представляет собой спектр методологически разнородных теорий, моделей, концепций и эвристических приемов, в помощь которых большая группа ученых стремится дать ответы на вопросы, поставленные XX в., путем обращения к общему представлению о природе общественного развития. Особенность этих теорий связана с тем, что в противовес все более нарастающим тенденциям к субъективистскому, основанному на "видении" и "внутреннем голосе" стремлению отвергнуть всю послепросвещенческую историю как "заблуждение" человечества, ее представители хотят держаться рамок "объективного" научного подхода, воспринимают историю человечества как необратимую и, хотя и критически относятся ко многим аспектам и последствиям Просвещения, все же ориентируют процессы развития на функцию познания и познавательной, рациональной трансформации человеческого мышления и вообще человека. Вместе с тем поиск новой теории продиктован и тем, что, как критически мыслящие интеллигенты, они не могут оставаться удовлетворенными прямолнейными представлениями либерально–демократической общественной мысли прошлого об однозначности капиталистического прогресса как практического

воплощения идей Просвещения, особенно в условиях грандиозных катаклизмов XX в., неустойчивости самого западного капитализма, которые никак не укладываются в объяснительные рамки прежних воззрений. Формирование теории модернизации связано и с накоплением определенных методологических разработок, эмпирических знаний, новых методов и приемов — словом, с обращением ко всему арсеналу средств, накопленных за последние полстолетия буржуазной социальной наукой.

В настоящее время в исследованиях по модернизации преобладает ее теоретическая сторона — стремление сформулировать некоторую гипотезу или спектр гипотез, объясняющих общественное развитие за истекшие два столетия с отчетливым прицелом на выявление структурных параметров "отклонения" от задуманного отцами Просвещения проекта и вместе с тем попытка прогнозирования будущего. Тем не менее эмпирические, с одной стороны, и методологические — с другой, проблемы заставляют теоретиков вносить все новые изменения и создавать все новые аспекты названной теории. С другой стороны, в рамках самой теории все более нарастает потребность в обращении к новым эмпирическим данным и к новым методологическим ориентациям. В силу этого теория модернизации движется в пространстве буржуазного обществоведения как бы волнами, то затухая, то давая новые всходы. При этом она постепенно проникает во все большее количество областей знания, специалисты по которым находят для себя заманчивым обращение к этой теории для решения своих специальных проблем, а также во все новые страны.

В настоящем обзоре основное (хотя и не исключительное) внимание будет уделено общим американским теориям модернизации и полемике вокруг них, поскольку, во-первых, "первая волна" теории модернизации связана именно с американской социологией и политологией, во-вторых, развитие этих теорий в других странах и применение их к более специальным предметам составят особую тему других разделов данного издания и, в-третьих, потому, что они в настоящее время служат как объектом критики, так и источни-

ком заимствования в общественной мысли стран капиталистической Европы.

Теория модернизации представляет собой попытку теоретически раскрыть "человеческие" механизмы и социально-структурные процессы, которые с большей или меньшей неизбежностью повлекли и влекут за собой внутренние перемены, обуславливающие как переход самых различных обществ к "современному" виду, так и внутренние особенности возникающего социального устройства.

Термин "модернизация", которым широко пользуются в настоящее время буржуазные историки, социологи, политологи и экономисты, на самом деле не более, чем условная категория, призванная обозначить переход общества из исторического состояния, достаточно очевидно отличного от состояния нашего времени, к современному состоянию. Его русским эквивалентом является "осовременивание". Хотя интуитивно категория "осовременивания" кажется очевидной, однако применение ее связано с целым рядом проблем методологического и идеологического характера. Прежде всего термин "модернизация" одновременно отображает процесс перехода и само переходное состояние, а стало быть некий общественный тип, общество "в состоянии осовременивания". Эта двусмысленность категории "модернизация" дает веские основания критиковать теории модернизации как попытки противопоставить понятие "модернизация" понятию "общественно-экономическая формация". При всей справедливости этой критики, она, на наш взгляд, однако, требует некоторого уточнения. Действительно, вводя понятие "осовременивание", буржуазные теоретики как бы разбивают историю каждого общества на два этапа: "современный" и "досовременный", между которыми лежит переходный период, именуемый фазой модернизации. Критерием при этом является не общественный и не экономический строй, не система собственности как таковая, а степень приближения существующих в данном обществе моделей деятельности (в одежде, взаимоотношениях, общении, производстве и т.д.), к тем, которые были разработаны главным образом в условиях европейского Просвещения и легли в основу того, что интуитивно оценивается как "современность", "модерн".

Но неприятие развитой в теории научного коммунизма концепции общественно-экономических формаций само по себе не составляет специфики теории модернизации. Ее особенность заключается в том, что, вводя категорию "осовременивание", она как бы рассматривает процессы исторического развития в ином ракурсе, параллельном формационному развитию. Модернизация из переходного периода превращается в типологическое состояние, в неизбежную историческую фазу, иногда длительную и обладающую собственными закономерностями, притом фазу, находящуюся вне или над формационными процессами. Центр тяжести осовременивания концентрируется в политической системе переходной фазы. И таким образом буржуазно-либеральная демократия, фашизм (политические системы капитализма), Советская власть или народная демократия оказываются как бы внутренними формами модернизации. Не общественно-экономическая формация (капитализм, социализм) определяет свои политические формы, а характер и тип осовременивания создает те или иные переходные политические, экономические и социальные системы — таков главный антимарксистский тезис теории модернизации.

Вторая методологическая проблема связана с тем, что теория модернизации пытается играть роль междисциплинарной системной теории. С одной стороны, понятие осовременивания обычно ассоциируется с переходом от средневековья к новому времени, и таким образом возникает естественный соблазн занести теорию модернизации по классу сугубо исторических теорий. Надо заметить, что этому соблазну нередко поддаются как буржуазные историки, так и критики теории модернизации. В их представлении теория модернизации в основном связана с выяснением и объяснением некоторых специфических сторон перехода к новому времени в тех или иных исторических обществах (Окей, Перкин). Однако на самом деле теория модернизации, хотя она все теснее связывает себя с историей, претендует на значительно более универсальные задачи. Средние века, новое время — исторические категории, связанные в европейской историографии с развитием европейской цивилизации. Осовреме-

нивание же понимается в теории модернизации как универсальная категория, независимая от конкретной истории данной цивилизации и от ее периодизации. Если в истории Англии начальный этап модернизации опережает переход к новому времени, то в истории России, напротив, модернизация осуществляется и набирает силу значительно позднее нового времени, а в обществах Востока — модернизация и традиционная периодизация вообще не поддаются соотнесению.

Если для традиционного историка—“универсалиста” процессы перехода от средневековья (ассоциируемого обычно с моделью средневековой Европы) к новому времени и далее к новейшему хотя и осуществляются в разных обществах несколько разными темпами, но более или менее однотипны и в общем совпадают с модернизацией, а для историка—“партикуляриста” или “циклиста” каждое историческое развитие сугубо индивидуально или же ограничено замкнутым циклом конкретной цивилизации, то наиболее последовательные представители теории модернизации пытаются преодолеть и тот, и другой подходы. Именно из несовпадения социокультурной модели цивилизации и исторической периодизации внутри конкретных обществ они пытаются вывести универсальный закон осовременивания как закон исторической, глобальной дисгармонии инноваций и пытаются конкретизировать его, рассматривая каждое историческое общество (прежде всего общества нашего времени) как форму проявления данного закона¹⁾.

Таким образом, теория модернизации выступает и как историческая теория, в том смысле, что она пытается оттолкнуться от реальной истории и вводит в свою методологию фактор времени, и как сравнительно—социологическая (или социально—экономическая) теория, в том смысле, что она концентрирует внимание на несовпадении развития различных элементов и параметров того или иного общества меж—

¹⁾ Мы не касаемся здесь общеметодологического вопроса об отношении буржуазной науки к категории “закон”. — Прим. авт.

ду собой и в сравнении с аналогичным развитием других обществ в каждый данный момент. Не случайно группа относительно молодых сторонников теории модернизации как наиболее перспективной современной "эвристической теории" общества (В.Цапф, Г.У.Велер и др.) сформировалась вокруг идеи "социальной истории" (группа "Зоциальгешихте").

Отмеченные выше черты можно отнести к теории модернизации в том ее виде, который она приобретает в настоящее время. Однако в своем формировании эта теория, которая, впрочем, до настоящего времени не может считаться систематически выраженной и однозначной, прошла несколько фаз и, в сущности, имела несколько совершенно различных направлений. Одно из нередко критикуемых направлений теории модернизации связано со взглядами неоклассической экономической школы (Кейнс и др.). Оно относится к наиболее ранним периодам формирования теории и связано с чисто практической задачей найти способы влияния на страны, освободившиеся от колониальной зависимости, и другие развивающиеся страны, с целью включения их (независимо от исходных особенностей социально-политической системы) в общее русло развития современного капитализма.

В основе этой "теории модернизации", которая, собственно говоря, не представляла собой еще никакой особой теории, лежал неоклассический взгляд на роль капиталовложений как основного модернизирующего фактора. С точки зрения представителей данной школы, увеличение капиталовложений в экономику развивающихся стран должно было автоматически вести к росту национального валового продукта, а это, в свою очередь, должно было столь же автоматически влечь за собой рост потребления, культуры, производительности труда, развитие демократии и достижение буржуазного благосостояния. Критериальным, с точки зрения данного взгляда, является достижение определенного уровня дохода на душу населения, после чего страна может считаться "модернизированной". Историческая практика, и это отмечают радикальные критики неоклассической теории модернизации, не подтвердила эти расчеты. Связанная с интересами неоколониализма политика капиталовложений привела лишь

к усилению внутренних противоречий в развивающихся странах — прежде всего противоречий между различными экономическими укладами и связанными с ними социальными и социокультурными группами. За средними цифрами роста ВВП и дохода на душу населения скрывалось колоссальное неравенство доходов — обогащение верхушки и обнищание масс. Кроме того, обострившиеся противоречия повлекли за собой в ряде случаев катастрофическое снижение темпов роста, делавшее капиталовложения нерентабельными, а производство иррациональным. Стало ясно, что неоклассическая теория модернизации не выдерживает критики и что процесс развития в решающей степени зависит от реальных политических, социальных и культурных перемен. Без осуществления указанных перемен система оказывается неспособной к адекватному перевариванию капиталовложений. Неоклассическая теория модернизации неоднократно подвергалась критике в советской литературе.

Действительно, неоклассическая теория модернизации, будучи в своей основе антиисторической и внесоциальной, т.е. не опирающейся на методологию системного социально-исторического анализа, брала за основу западную модель развития промышленного капитализма, притом в ее сугубо апологетической интерпретации.

Игнорируя тот факт, что капиталовложения имеют определенный эффект лишь при наличии определенной сложившейся социально-экономической, политической и культурной структуры (так же, как, например, капиталовложения в сельское хозяйство имеют эффект лишь при определенной структуре почв, сложившейся системе их культивации и т.п.), неоклассики добивались увеличения так называемой "помощи" развивающимся странам, не в последнюю очередь в целях укрепления прозападных режимов. Результаты, как констатировал ряд радикальных критиков неоклассической теории и основанной на ней практики "модернизации", оказались весьма плачевными. В социально-экономической области, как констатирует, например, директор Института исследования развития при Сассекском университете Д.Сирс, "распространение по многим каналам потребительских обычаев бо-

гательных стран влечет за собой рост безработицы в более бедных странах и, видимо, связано с замедлением экономического роста. Передача технологии, рассчитанной на богатые страны, имеет тот же эффект, наличная технология во все большей мере перестает соответствовать мировым стандартам. Рост различий в доходах на душу населения стимулирует "утечку мозгов" и создает напряжение в сфере оплаты профессионального труда" (27, с. 21).

В политической области, как отмечает другой критик Д.К.О'Брайен, "модели большинства (новых, - Л.В.) государств продемонстрировали, что простые эволюционные представления относительно модернизации являются насмешкой над реальной динамикой их развития" (33, с. 55).

Опираясь в основном на эмпирико-аналитическую модель американского политолога Ф.Риггса (38), О'Брайен характеризует политическую реальность "неоклассической" модернизации как господство политически эффективной, но неспособной к компетентному повседневному управлению элиты, в основном занятой собственным обогащением на фоне инертных и политически аморфных масс. Опорой такой политической системы служит политическая культура, которая состоит из разрозненных пластов, отличающихся по языку, обычаям, навыкам и т.п. и по характеру иллюзий относительно целей и возможностей общества в целом и представлений о задачах и интересах отдельных групп и индивидов. Такого рода "полиморфность" социальных структур и норм создает атмосферу моральной неустойчивости, благодаря которой существует мало сдерживающих моментов для лиц и групп, преследующих своекорыстные интересы. В результате процветает двусмысленность, коварство и насилие. В обстановке нормативной двусмысленности и институционализированной неопределенности управленческой деятельности, пишет О'Брайен, коррупция и фаворитизм становятся постоянной характеристикой бюрократии на всех ее уровнях. Начальники берут взятки с подчиненных за покрытие их темных махинаций и т.п. Это мир, "где мало что в действительности является таким, каким кажется" и где для описания процессов управления "наиболее выразительным" является словарь криминологии (33, с. 58).

Таким образом, констатируют радикальные критики "неоклассической" модернизации, ориентация на рост национального валового продукта и дохода на душу населения как критерий модернизации представляется несостоятельной, равно как и вообще представление о "модернизации" как о плоско эволюционном процессе преобразования "осовремененных" обществ в западном духе.

"Использование данных о национальном доходе ненадежно и потому непрофессионально, если нет личного знания о том, какова практика в каждой стране, области и т.д.", — пишет Д.Сирс (41, с. 15).

Другое дело, что критика неоклассической теории модернизации и эволюционистских политических теорий приводит радикальных авторов к выводу о радикальном же пересмотре всей концепции общественного развития и, в частности, перспективы индустриализации развивающихся стран. "Никким образом не очевидно, — заявляет Д.Сирс, — что остальной мир способен повторить историю промышленных стран, даже если бы он хотел этого" (41, с. 10). А автор предисловия к сборнику "Теории развития" Д.Леман, вынося "обвинительный приговор" теории и практике экономического, социального и политического развития, сложившейся за последние 20–30 лет под влиянием англосаксонских теорий, мотивирует его тем, что в их основе лежат идеи эволюции разделения труда, индустриализма, классовой борьбы, социальной интеграции, условий возникновения капитализма, отношений между государством и обществом, а не идеи спонтанного творчества масс. "Индустриализация остается главной темой в изучении развития", — сетует Д.Леман (8, с. 1). Единственное, что утешает Лемана, это, проявляющиеся в полемике по поводу модернизации "отголоски старого спора" между "западниками" и "славянофилами", "народниками" и "марксистами", поскольку он считает, как и Сирс и другие авторы сборника, что перспектива развития связана с политическими, а не экономическими решениями и с выбором самобытных, исторически-автономных путей развития, опирающихся исключительно на национальное самосознание и активность масс.

С точки зрения радикальных критиков теории модернизации, своего рода политологической параллелью неоклассической теории явились взгляды известных американских политологов Г.Алмонда и С.Хантингтона. Действительно, концепции Г.Алмонда и С.Хантингтона по времени совпадают с неоклассическими теориями. Кроме того, оба автора отталкиваются в своих теоретических построениях от проблематики развивающихся стран, а в качестве эталона для сравнительного исследования используют англосаксонские модели социально-политического развития. Наконец, в основе выдвигаемых ими концепций лежит идея обеспечения политического и социального эквилибриума, "порядка", выступающего как критерий и цель политического развития (что принципиально не устраивает леворадикальных критиков), причем, особенно у Алмонда, порядка, опирающегося не столько на принуждение, сколько на рациональность социальной организации и гармоничность (гомогенность) политической культуры. На этом, однако, сходство между теориями Алмонда и Хантингтона, с одной стороны, и неоклассическими теориями модернизации — с другой, заканчивается, ибо их отношение к реальности развивающихся стран, а также во многом и к исторической и социологической реальности ряда западных стран представляется весьма скептическим. Более того, в противоположность неоклассическим взглядам, и Алмонд и Хантингтон полагают, что политическое и культурное развитие обладают существенной самостоятельностью и отнюдь не склонны усматривать в росте капиталовложений ключ к решению всех проблем модернизации.

Хотя, по мнению О'Брайена, Г.Алмонд является одним из отцов эволюционной теории модернизации, однако, строго говоря, он в своих исследованиях термином "модернизация" не пользуется. Центральной категорией у Алмонда является "политическая культура", которую он рассматривает как продукт конкретно-исторического развития каждого общества и как объект социологического исследования. Однако по существу "политическая культура" Алмонда концентрирует в себе проблематику "модернизации", и в этом смысле его английский критик прав. Основной и вполне справедливый уп-

рек, адресуемый Алмонду О'Брайеном, состоит в том, что последний отождествил понятие "модернизированный" с понятием "западный". Политическая модернизированность, по Алмонду, как пишет О'Брайен, тождественна представительной демократии и достигает высшей точки в США. "Эквилибриум и эволюция были и остаются краеугольными камнями алмондовского варианта консервативного либерализма" (33, с. 53). И хотя его авторитет несколько упал в самих США, однако он становится все более ощутимым за их пределами. "Комбинация культурной диффузии с политическим патронажем должна позволить современным обществам передать свои дары переходным системам: в этом дуалистическом процессе решающую роль призваны сыграть политические элиты переходных систем" (33, с. 54), — в таких словах характеризует О'Брайен основной политический смысл теории Г. Алмонда. Главную проблему, по его мнению, Г. Алмонд и его коллеги видят в "традиционализме" народных масс при одновременном тяготении их к западным образцам. Определенный, хотя и умеренный оптимизм в отношении перспектив демократического развития "недомодернизированных" стран Алмонд, по словам О'Брайена, связывает с надеждой на влияние модернизированной культуры, технологии, международного сотрудничества и с верой в просветительную миссию политической элиты.

При всей справедливости критики апологетического, вестернизаторского характера концепции Г. Алмонда, принятой О'Брайеном и его радикальными коллегами, она, однако, представляется упрощенной, и взгляды Алмонда, занимающего видное место среди авторов "теории модернизации", требуют более подробного критического рассмотрения.

Центральной в концептуальной схеме Г. Алмонда является, как уже было отмечено, категория "политической культуры" или, в другой интерпретации, "культуры гражданственности" (civic culture), которая не тождественна политической системе, но может быть либо более, либо менее адекватна ей. И именно через расхождение с институциональной системой политическая культура оказывает существенное влияние на функционирование и развитие политической

системы и общества в целом. Уже этим идеи Алмонда методологически резко отличаются от взглядов неоклассических сторонников теории модернизации, не придающих значения социокультурным факторам как самостоятельно действующим факторам развития. При этом следует отметить, что, указывая на особое значение политической культуры, Г.Алмонд, в отличие, например, от А.Вебера, не считает ее выключенной из общего хода социальной истории, оторванной от экономики и общей культуры, хотя и не считает политическую культуру совпадающей с общей культурой. Связь между различными сторонами общественной эволюции, по Алмонду, устанавливается через человека – более или менее активного участника социальных процессов – и выявляется через систему реализуемых им ролей. Существенный элемент роли – ориентация актера. "Каждая политическая система окрещена особым типом ориентации на политические действия", – пишет Алмонд. – Я счел полезным назвать это политической культурой" (2, с. 4). С данным определением связана и другая особенность концепции Алмонда – существенным моментом ориентации он признает познание, а следовательно, и эволюцию культуры (и, в частности, политической культуры), представляет не как этнически замкнутый процесс, а как универсальный процесс в ходе приспособления человека к внешней среде. "Неспособность придать должное значение факторам восприятия и познания, равно как и познавательной автономии политической культуры, ответственна за упрощения и преувеличения современной литературы "национального" характера", – заявляет Алмонд (там же).

В самих ориентациях таким развивающимся элементом, с его точки зрения, рисуется "познавательная карта" (cognitive map), различная у различных людей и групп.

1) Автор имеет в виду попытки отнести тот или иной тип развития или ту или иную общественно-политическую систему главным образом на счет этнической исключительности того или иного народа, на счет "национального характера". – Прим. авт.

но повсеместно подверженная изменению и расширению. Вместе с тем существенную роль играют эмоционально окрашенные "установки" (attitudes) ¹⁾, в соответствии с которыми производится оценка внешней реальности и выбор поведения на том или ином уровне познания. Таким образом, если изменение "познавательной карты" представляет собой долгосрочный исторический процесс, то эмоциональные моменты установок — непосредственно действующие двигатели поведения, а различные комбинации того и другого определяют наличную ориентацию индивида. Их совокупность и составляет, по Алмонду, исторически сложившуюся политическую культуру. В зависимости от содержания и структуры ориентаций осуществляется дифференциация общества на группы и "субкультуры". Главное "открытие" Алмонда, являющееся следствием его методологического подхода, — "смешанная", или "фрагментарная", культура, наличие которой он обнаруживает в подавляющем большинстве современных обществ, как в рамках европейской цивилизации, так и за ее пределами. Именно сложность культурного конгломерата, отличающего его от более или менее единообразной системы институтов и систематизированных доктрин (идеологий), составляет, согласно взглядам американского политолога Алмонда, главную проблему политики — степень ее "проводимости" в наличном социальном материале. Разнородность политических ориентаций, несоответствие "познавательных" карт и "установок", возникновение своеобразных конфигураций того и другого, с одной стороны, способствуют искажению выдвигаемых целей политики и идеологических программ как в рамках самого политического аппарата, так и среди населения, а с другой — влияют и на самое формулирование целей и на формирование политики. Связь данной концепции с проблемой модернизации обнаруживается, когда Алмонд пытается проследить этот процесс на примере "вестернизации".

1) В данном тексте применяется термин "установки", хотя в советской специальной литературе пользуются такими терминами, как "отношения", "аттитюды" и др. — Прим. авт.

рующихся" обществ, которые он рассматривает как "доиндустриальные" или "частично индустриальные".

"Доиндустриальные или частично индустриальные вестернизирующиеся политические системы, — пишет Алмонд, — может быть лучше всего определить как смешанные политические культуры и смешанные политические системы... Парламенты здесь нечто иное, нежели обычные парламенты, партии и группы давления действуют необычными методами, а политическую систему в целом окружает атмосфера непредсказуемости и взрывчатости.

...Натиск западной рациональной системы на традиционную систему или системы часто открывает простор для насилия. Одним из типичных проявлений конфликта политических культур является часто возникающий в этих районах харизматический национализм. Его частично можно понять как движение к принятию новой системы политических норм или как движение к подтверждению старых традиционных норм, часто оба движения выступают в своеобразных комбинациях..

Мы сталкиваемся с политической системой, в которой большие группы имеют фундаментально различие "познавательные карты" политической жизни и прилагают различные нормы к политическому действию" (2, с. 7).

Характеризуя в таких словах процесс столкновения двух или нескольких типов политических культур, Алмонд отмечает как его следствие повышенную иррациональность возникающего целого: низкую степень структурной дифференциации, высокую степень смешения (подмены) ролей — бюрократии исполняют законодательные функции, то же самое может делать армия, "политическая партия может захватить раньше других функцию ведения политики или может явиться толпа и на короткий срок стать в ее центре" (2, с. 8). Здесь нет стабильного разделения политического труда, зато есть постоянно скрытый политический интерес, часто принимающий форму непредсказуемого спонтанного насильственного действия. Нарисовав таким образом довольно зловещую картину парадоксальности и иррациональности общества, формирующегося в процессе столкновения западной (рациональной, по определению Алмонда) и местной (традиционной, "доза-

падной") культур, Алмонд тем не менее призывает не рассматривать это состояние как патологию. "То, что было бы "коррупцией" в западном парламенте, — заявляет он, — является нормально ориентированным поведением в парламенте "смешанного" типа (2, с. 9). Нравственный смысл своего выступления американский политолог связывает со стремлением предупредить своих ученых коллег, а также практических политиков от подхода к переходным обществам на основе традиций западного мышления, с призывом к ним искать в каждом случае "специфическую модель сплавления рациональных ролей с традиционными" (2, с. 9).

Разумеется, концепция Г.Алмонда является откровенно вестернизаторской. Однако этой констатации недостаточно для полного раскрытия взглядов американского политолога и выяснения их влияния на судьбы теории модернизации.

Дело в том, что свою концепцию "смешанной" ("фрагментированной") культуры Алмонд распространяет и на большинство европейских обществ. Так, культуру Франции, с его точки зрения, отличает наличие крупных пластов представлений и поведенческих моделей, унаследованных от прошедших эпох: нетерпимость, фанатизм в достижении иллюзорных идеологических целей, ориентация на традиции. Соответственно он обнаруживает здесь менее четкую дифференцию структур по функциям: роли различных институтов, учреждений и отдельных лиц часто смешиваются, вызывая иррациональные последствия и приводя к искажению прокламированных задач и целей. В еще большей степени указанные черты характеризуют, с его точки зрения, политическую культуру Италии и Германии. Результатом такого рода структурных особенностей оказывается нестабильность политических режимов, постоянные колебания между демократией и авторитаризмом. Интересно отметить, что если парадоксальное развитие неевропейских стран Алмонд связывает с прямым вторжением западной культуры, то "смешанной" политической культуре европейских стран он пытается найти иное историческое объяснение. Для исторического наследия этих стран, указывает Алмонд, характерно то, что средний класс в них не смог провести в XIX в. "всестороннюю секуляризацию поли-

тической культуры" (2, с. 13). Одной из причин иррациональных, по его мнению, проявлений форм политики во Франции, Италии и Германии американский политолог считает наличие там остатков "прежнего среднего класса, который до сих пор занимается секуляризацией (т.е. рационализацией, — Л.В.) политической системы" (там же). Вообще в указанных странах Алмонду видятся три основных субкультуры — доиндустриальная (концентрат которой — районы католического старого порядка), переходная (охватывающая трансформирующийся старый средний класс) и индустриальная. Но современные "индустриальные элементы" ограничены в своих возможностях в силу наличия двух вышеупомянутых субкультур, оказывающих на них сильное обратное влияние. В целом, по мнению Алмонда, политическая культура в указанных странах "не адаптирована к политической системе", построенной по англо-американским моделям буржуазно-либеральной демократии, основой которых он считает сугубо рациональный "политический рынок" и "политическую игру", опирающуюся на ясные правила при относительно невысоких "ставках". Поскольку в континентальных странах на протяжении прошлого столетия политические вопросы затрагивали не отдельные практические ситуации, а самое существование перечисленных субкультур, политические актеры здесь приходят в политику не как на рынок, каждый со своим "товаром" и с готовностью к соглашению, а как носители "антагонистических проектов политической культуры и политической системы", а это влечет за собой "дальнейшую фрагментаризацию на уровне идеологии и политических организаций" (6, с. 13). Более того, партии выступают как движения и секты, основанные на вере, политики вместо решения практических вопросов управления занимаются проповедями, прозелитизмом, а если "обмен" все же происходит, то он принимает форму сделок из-под полы. Неизбежное следствие этой комбинации фрагментированной политической культуры и формально рационализированной политической системы американский политолог видит в общей деморализации политической жизни и в ее специфическом иммобилизме, что чревато цезаристскими переворотами.

Эту свою концепцию Г.Алмонд попытался развить и эмпирически обосновать в совместных с другими авторами работах по "культуре гражданственности" (4).

В работе, написанной совместно с С.Вербой, Алмонд, углубляя концепцию смешанной культуры, наряду с идеями модернизации, как универсального (свойственного всем обществам) столкновения рациональных влияний и традиционных устоев, начинает склоняться к представлению о специфически самобытных для каждого общества путях формирования современной политической культуры.

В центре внимания данной работы – такие европейские страны, как Германия и Италия, США и Англия, с одной стороны, и Мексика – с другой, иллюстрируют полюса рассматриваемого политико-культурного континуума.

Методологически Алмонд и Верба акцентировали роль личностного фактора развития, подчеркивая значение, которое имеет для характеристики и типологии ориентаций представление человека о самом себе и о своем месте и роли в политической системе. Схематически различаются три уровня познавательной, эмотивной и оценочной ориентаций личности – уровень системы в целом, уровень отдельных ее частей и подсистем, местный уровень.

Гипотетически история развития должна охватывать три соответствующих типа культур – патриархальную (точнее, "местечковую" – *parochial*), верноподданническую и культуру участия. Первый тип связан с ограничением ориентаций актеров местным уровнем, своей общиной, деревней, городом и т.п., чему соответствует слабая дифференциация статусных ролей, выступающих как расплывчатые политико-экономическо-религиозные роли. Другими словами, человек ориентирован на личность и на первичный коллектив, а не на функцию. В этой культуре существуют вожди и начальники, с одной стороны, ведомые и подчиненные – с другой. Распределение ролей диктуется в основном традицией. Представление о более широком круге взаимосвязей за пределами первичного коллектива отсутствует.

Второй исторический тип культуры связан с появлением централизованных монархий. Здесь личность уже ориентиро-

вана в отношении центральной власти ("системы"), находящейся за пределами первичного коллектива, и на проводимую ею политику (по терминологии Алмонда, личность ориентирована на "выход" системы).

Наконец, третий тип предполагает ориентацию личности как на систему в целом и ее выход, так и на свое собственное участие в функциях системы и на "вход в систему", т.е. на формирование политики.

Однако, продолжает Алмонд, реальность исторического развития такова, что практически ни один из типов культуры ни в одном современном обществе не выступает в чистом виде. Политическая культура каждого общества представляет собой амальгаму из различных исторических типов. Более того, в большинстве случаев такого рода амальгамированная структура присуща и каждой личности, несущей в себе в той или иной пропорции ориентации всех трех типов. Центральный вопрос политического функционирования и развития современных обществ, таким образом, сводится к тому, в какой пропорции и в каком сочетании находятся в нем различные типы ориентаций личности и какова общая социально-культурная доминанта этих сочетаний в общенациональном масштабе. Второй вопрос — как эта общая доминанта соотносится с самой институциональной структурой. Происходящие в обществе изменения вызывают различные реакции социальной среды в зависимости от того, как сложилась амальгама политических ориентаций. По мере этих изменений "структура и культура часто оказываются неконгруэнтными друг другу" (4, с. 6).

Там, где процесс развития обеспечил более или менее гармоничное сочетание в личности различных типов политикокультурных ориентаций, где, например, человек, сохраняя уважение к первичному коллективу и его авторитетам, одновременно лояльно относится к централизованной системе правления, не забывая при этом и о своей собственной роли, о своих правах и обязанностях при участии в формировании системы управления и принятии решений, — там система действует более или менее согласованно и демократично. Там, где этот баланс нарушен, возникают различные формы

парадоксального поведения и иррациональные ситуации. Такого типа "систематически смешанные" общества могут оказаться исторически устойчивыми. Хотя их политические системы нестабильны, но смешанная культура сохраняется, порождая время от времени более или менее повторяющиеся варианты авторитарных или квазидемократических систем. Именно такого рода "неустойчивая устойчивость" характерна, по мнению Алмонда и Вербы, для новейшей истории Германии, Италии и Франции, существенным компонентом политической культуры которых являются "верноподданные", отрицающие правомерность "культуры участия". В силу этого, пишут Алмонд и Верба, ориентированные на участие сегменты населения лишены возможности выступать как компетентные, уверенные в себе и обладающие опытом деятели, они остаются на ролях демократических "аспирантов" и оказываются в ситуации отчуждения. С другой стороны, авторитарно ориентированные группы могут создавать впечатление "демократической игры" на основе популистских установок.

Концепция "культуры гражданственности" представляет собой не только теоретическое развитие модели "смешанной политической культуры", но и гораздо более осторожную оценку различных типов культур, чем первоначальный вариант алмондовской теории. Так, если он в первой работе противопоставлял всем типам смешанных или смешавшихся в процессе модернизации культур однородную (гомогенную) культуру Англии, США, Голландии и Скандинавских стран, полностью опирающуюся на прагматические рациональные ориентации населения, "веселую" культуру политического торга и политической "игры" с ясно очерченными правилами и соответствием между культурой и системой, то в новой работе, возможно не без влияния более критически настроенного С.Вербы, Алмонд признает в англосаксонской культуре принципиально такую же "смесь", как и в других. Более того, он допускает возможность критических ситуаций, при которых не исключается поляризация субкультур и в этих странах. Критериальным индикатором устойчивости у Алмонда все же остается капиталистический "рациональный" средний класс. Но он глухо намекает на то, что и в Англии могла возник-

нуть ситуация, при которой неспособность капиталистических элементов принять социализм путем парламентских реформ могла бы привести к крушению парламентской системы. По крайней мере, указывает Алмонд и Верба, в Англии существовало, особенно в 30-е годы, направление, державшееся данной точки зрения и рассматривавшей фашизм как последнее решительное усилие со стороны капиталистического строя предотвратить победу социализма. Вместе с тем Алмонд и Верба, считая французскую буржуазную революцию половинчатой, находят последствия этой половинчатости в виде расхождения между "участниками", с одной стороны, и "верноподданными" и "местниками" — с другой, причем роль активных "участников" авторы отводят не кому-нибудь, а социалистам и коммунистам, признавая вместе с тем последних "отчужденными" от политической системы.

И все же концепция Алмонда и в этом варианте остается наивно вестернизаторской по своему духу. И притом не просто вестернизаторской, а ориентированной исключительно на англосаксонский тип общества, ценности которого — прагматизм, рациональность (отождествленную с культурой торгового компромисса) — Алмонд не может обосновать ни путем обращения к требованиям, предъявляемым политике законами производства, ни путем обращения к законам этики, ни каким-либо другим путем. Он их просто провозглашает, хотя и с меньшей, чем прежде, верой, поскольку добавляет к ним "верноподданнический компонент". И, несмотря на то, что историческое преимущество этого типа обществ (а также Скандинавских стран) он усматривает в полноте и завершенности "секулярной" (буржуазной) революции к началу XIX в., концепция Алмонда представляет собой столь же одностороннее преувеличение политических и культурных (психологических) факторов развития, как неоклассическая теория модернизации — одностороннее преувеличение экономического фактора капиталовложений. Это особенно видно на примере новой публикации Алмонда, подводящей итоги сделанного им (вместе с С.Вербой) вклада в буржуазную социальную науку и вместе с тем весьма важной для понимания мотивов обращения этой науки к концепциям "модернизации".

В статье "Интеллектуальная история концепции культуры гражданственности" (6), после краткого введения, в котором он отдает дань политической классике – Платону, Аристотелю с их "непревзойденным по ясности" видением значения политической культуры, Макиавелли, Монтескье и Руссо, считавшему, что "мораль, обычай и общественное мнение", будучи "законами сердца", являют собой законы более сильные, чем правовые акты в собственном смысле слова, и, наконец, "блестящему анализу "Токвиля, созданному не без влияния взглядов Руссо, Г.Алмонд сосредоточивается на вопросе: почему же вдруг, несмотря на всю эту интеллектуальную предысторию и казалось бы полную ясность проблемы "политической культуры", она вновь приобрела популярность в 60-е годы нашего столетия? Ответ совершенно однозначен: "кризис Просвещения и либеральных ожиданий в отношении политического развития и политической культуры требовал объяснения, а исследования в области политической культуры были призваны дать ответ на возникшие вопросы. Развитие же социальной теории XIX и XX вв. и методологии социальных наук после второй мировой войны (особенно полевых исследований) открывало возможность дать решение возникшей проблемы" (6, с. 6).

Отталкиваясь от этой специфической трактовки, связывающей политическое развитие с развитием общественных наук, Алмонд прослеживает взгляды ряда известных мыслителей и ученых конца XIX – начала XX в. Так, теорию естественного права и ее разновидность – утилитаризм он считает в основном теориями политической социализации и политической культуры. "Наука и светское знание должны были, с одной стороны, увеличивать богатство наций и расширение благосостояния, а с другой – обеспечивать рационализацию организации управления и правовой системы и, следовательно, демократизацию... Просветительская политическая теория была психологической теорией, выводившей и обосновывавшей политические и правовые институты из природы человека как носителя "неотчуждаемых прав", как гедониста, стремящегося избежать страданий, и как творца, распространителя и потребителя знаний" (6, с. 6-7).

Со второй половины XIX в. на фоне промышленной революции, успеха социальных реформ в Англии и успехов Америки, на фоне торжества эволюционной биологии и т.п. эти представления приняли оттенок необходимости развития и прогресса, либо кумулятивного, либо диалектического.

Алмонд в этой связи дает весьма своеобразную трактовку марксизма, подменяя понятие классов понятием субкультуры. "Маркс, разумеется, опирался на традиции Просвещения, но он по-иному расставлял теоретические переменные и рассматривал исторический процесс скорее в диалектических, чем в кумулятивных категориях. Не интеллектуальное совершенствование толкает вперед материальный и морально-политический прогресс в заданной последовательности, а наоборот, материальное совершенствование приводит к возникновению трех политических субкультур: эксплуататорского, все более концентрирующегося капиталистического класса, эксплуатируемого, распропагандированного и угнетенного рабочего класса и просвещенной организации революционеров. По мере того как процессы материальной концентрации приближаются к своему логическому завершению, народные массы сбрасывают с себя бремя иллюзий, революционная организация находит отклик в рабочем классе, а правящий класс отбрасывается, открывая дорогу просвещенной культуре и обществу массового благосостояния и политической реальности" (6, с. 7-8). Представив, таким образом, взгляды Маркса как революционную разновидность либерально-просветительной утопии, Алмонд далее отмечает, что либеральный оптимизм XIX в. был подвергнут сомнению и критике теоретиками-элитистами, такими, как В.Парето, Г.Моска и Р.Михельс, выводившими перманентные законы эксплуатации и авторитаризма из отличных от либеральных принципов Просвещения психологических предпосылок.

В англосаксонской теории этот скептицизм еще до первой мировой войны и в межвоенный период разделял Грэм Уоллес, писавший: "предположение, будто люди автоматически руководствуются "просвещенным эгоизмом", дискредитировано фактами войны и мира..." (цит. по 6, с. 8). Рациональному собственному интересу он противопоставлял не-

посредственные инстинкты, страсти, далеко уводящие от объективного анализа окружающей реальности. У.Липпман "подверг сомнению легковесную веру в растущую рациональность масс" (там же) на основе разработки когнитивной политической психологии, акцентировавшей расхождения между мысленными образами реальности и самой этой реальностью. Он связывал просвещенное будущее с повышением роли профессиональных ученых — специалистов в области политики.

Хотя, продолжает Алмонд, либеральная политическая мысль сохраняла свою веру в торжество демократии и утверждала, устами У.Мунро, "демократизацию всего цивилизованного мира в основном под влиянием англо-нормандского лидерства", однако многие ее представители проявляли гораздо большую осторожность и выражали скорее надежду, чем твердое убеждение. Так, ведущие компаративисты¹⁾ 30-х годов Г.Файнер и К.Фридрих "были глубоко обеспокоены, когда либеральным надеждам был брошен вызов сперва большевистской революцией в России, а затем победой фашизма в Италии и еще более основательно захватом власти нацистами в Германии" (6, с. 9).

Как бы не замечая противоречия, заложенного в соотношении марксизма с традицией Просвещения, а Октябрьской революции с противоположной тенденцией, Алмонд продолжает: исследователей мучил вопрос, "если историческая тенденция направлена в сторону демократии, то как тогда объяснить большевистскую революцию и ее исход, как объяснить триумф и популярность откровенно антипросветительских идеологий в таких странах, как Германия и Италия?" (6, с. 9). Эти "сомнения" способствовали возникновению и других: Просвещение не сыграло полностью своей роли в такой стране, как Франция, с ее клерикальным традиционализмом, "инициализмом": ее населения и нестабильностью ее кабинетов, или даже в Англии, где сохранились аристократические институты и консервативный рабочий класс, или в

1) Антикоммунисты. — Прим. ред.

США, отвергавших ценности Просвещения в отношении цветных?

Либеральные компаративисты, не отвергая политических различий между западными странами, как раз стремились объяснить их отклонения от "укрепляющихся просвещенных политических форм" как второстепенные отклонения, связанные с особенностями исторического опыта и "национального характера". "Могучая преобразующая машина образования и распространения знаний должна была двигать человечество в направлении этих просвещенных норм" (6, с. 10). Впрочем, замечает Алмонд, социологи уже в XIX в. обратили внимание на значение иных субъективных переменных в объяснении политических явлений. Сен-Симон и Конт подчеркнули решающую роль религиозно-идеологических установок и общности моральных взглядов в общественной системе. "Маркс смотрел на идеологию как на важнейшее оружие в попытках буржуазии воспрепятствовать революционному процессу и на политическое сознание рабочего класса как на важнейшее условие пролетарской революции" (6, с. 10). Дюркгейм основал концепцию социальной солидарности на "коллективном сознании" или системе ценностей, убеждений и чувствований, разделяемых членами общества. Наконец, идеи Парето о логическом и нелогическом действии, "о "пережитках" и "отклонениях" явились частью в основном психологической теории социально-политической структуры и социальных изменений.

Но наиболее крупным социологом, повлиявшим на скептическое отношение к однолинейному представлению о развитии исторической культуры был, по словам Алмонда, М.Вебер. По-видимому, Вебер был "первым подлинно современным социальным исследователем" — заявляет Алмонд (6, с. 11), разработавшим не только сложную теорию, но и аппарат эмпирических исследований, которые он лично проводил. Его теория, как ответ марксизму была основана на "сравнительных исследованиях крупнейших мировых религий, в которых он стремился показать, что ценности и идеи могут быть мощными катализаторами изменений в экономической структуре и политических институтах" (6, с. 11).

Идеальные типы политического порядка у Вебера так же основаны на субъективных факторах – традиционализме, рациональности (бюрократия) и сверхъестественных или сверхчеловеческих качествах лидеров (харизма). Наконец, "фундаментальные веберовские категории типов социального действия: традиционализм, аффективность, инструментальность и ценностная рациональность – оказали глубокое влияние на теории развития и модернизации, выступившие на сцену политико-культурных исследований" (6, с. 12). Отдав, таким образом, традиционную для западных социологов дань М.Веберу, Алмонд далее прямо указывает на источник, который оказал в действительности наибольшее влияние и на современную теорию модернизации, и на взгляды самого Алмонда.

"Главным интерпретатором Вебера в США стал Т.Парсонс¹⁾. Его ранние теоретические работы были посвящены развитию и уточнению основных веберовских категорий. Так, для примера, парсонсовские категории ориентаций на действие и его схемопеременные совершенно очевидно представляют собой разработку веберовских категорий типов социального действия. Концепция ориентации на действие Парсонса описывает когнитивный, аффективный и оценочный способы ориентации. Его схемопеременные – пары противоположных способов ориентации на действие – отражают влияние как Вебера, так и Дюркгейма. Исходя из веберовской перспективы, "точность", "универсализм", "достиженческая мотивация" и "аффективная нейтральность" являются чертами рациональной культуры и структуры, в то время как "расплывчатость", "партикуляризм", "приписывание свойств" и "аффективность" – представляют собой аспекты традиционализма. Все эти парсонсовские категории сыграли важнейшую роль в исследованиях политической модернизации, равно как и в проекте исследования, посвященного "культуре гражданственности" (6, с. 12).

1) Характеристику влияния Т.Парсонса на теорию модернизации см. в обзоре "Методологические предпосылки теории модернизации" (с. 198-226 настоящего издания). - Прим.ред.

Алмонд далее отмечает роль социальной психологии в исследованиях политической культуры. Возникновение этой дисциплины в 20-х годах он прямо связывает с попытками "социологов и психологов понять и объяснить социальные и политические катастрофы тех лет" (6, с. 12). Интересуясь изменениями в поведении людей под влиянием других людей и групп, социопсихологи разделились на два течения — инстинктивистов (Г.Уоллес, У.Липпман, У.Макдаугол, Е.Торндайк, Дж.Дьюи) и тех, кто подчеркивал роль привычек и чувствований, большинство же остановилось на категории "установки" (attitudes). "Концепция установки позволяла обойтись без учета наследственности или предрассудков среды, подразумеваемых такими категориями, как инстинкт или привычка. С точки зрения социальной психологии установка есть глубинная готовность индивида к восприятию, интерпретации и действию по отношению к определенному объекту определенным образом" (6, с. 13). Экспериментальные тенденции этой дисциплины были связаны с изучением взаимодействия установок в системе коммуникации и межгрупповых отношениях.

Далее Алмонд касается влияния психопатологии, ведущей начало от общих взглядов на судьбу человека и человечества, развитых З.Фрейдом и поставленных на почву современных социальных исследований Б.Малиновским, Р.Бенедикт, М.Мид и Г.Лассвелом. Этот вид литературы пытался, по его словам, "объяснить политическую культуру влияниями глубинных моделей социализации детей, подсознательными мотивациями и психологическими механизмами" (6, с. 14). Ранние послевоенные попытки объяснить на этой основе психологические глубины крупных наций — Германии, России, Америки, Франции и Японии, Алмонд дисквалифицирует, отмечая, что "эти усилия объяснить политическую жизнь и политику крупных и сложных стран в терминах "либидо", авторитета семьи и на основе предположений о целостности мелкодеревенских и племенных обществ вызвали скептицизм и уступили место более сложным подходам..." (А.Кардинер, Р.Липтон, А.Инкельс, Д.Левинсон) (6, с. 14). Кардинер и Липтон, в

частности, учитывали роль послесоциализационного опыта взрослых и вообще весь жизненный цикл как фактор влияния на психоглубины личности. Но главное, с точки зрения Алмонда как теоретика фрагментированных культур и фрагментированного развития, состоит в том, что эти социопсихологи, применив понятия "базисной" и "модальной" личности, опровергли прежнюю концепцию личностно-культурной гомогенности.

"Липтон первым подошел к культуре крупных обществ как к гетерогенной, введя понятия субкультуры, ролевой или статусной культуры" (6, с. 14). Инкельс и Левинсон сформулировали необходимость строгого статистического подхода, основанного на множестве полевых исследований, как способного выявить расхождения между политической культурой отдельных стран и существующих внутри них подгрупп.

Алмонд далее подробно останавливается на вопросах техники социальных исследований, утверждая, что революция в социальных науках сама по себе оказалась огромным стимулом к исследованиям и позволила перейти от более или менее расплывчатых спекуляций к получению более точных сведений. "Теперь стало возможным установить, действительно ли существуют отчетливые "вехи" между нациями и национальными характерами и действительно ли и в какой степени, а также в каком направлении нации подразделяются на отчетливые субкультуры; в самом деле ли социальные классы, функциональные группы и определенные элиты обладают различными ориентациями на политическую жизнь и проводимую государственную политику и какую роль различные элементы социализации играют в формировании таких ориентаций. Развитие статистического анализа во все большей степени способствовало выявлению моделей взаимодействия между установками, соотношений социально-структурных и демографических переменных с установочными переменными и соотношения установочных переменных и социального, а также политического поведения (6, с. 15).

Однако, как признает Алмонд, в этих "точных" исследованиях многое оказывается зависимым от самого исследо-

вателя, от того, как он ставит проблемы и вопросы, и гарантировать не только от ошибок, но и от заблуждений они не могут. Тем не менее "модель" и исследовательский проект "Культуры гражданственности" (4), ставшей, по утверждению Алмонда, "настойной книгой" каждого западного социолога, политолога и даже историка и экономиста, автор рассматривает как апогей, как концентрат всех интеллектуальных, теоретических тенденций, связанных с темой неоднородности развития. Так ли это? На самом деле концепция "культуры гражданственности" оказалась методологически и теоретически плохо согласованной с концепцией "политической культуры", и вся статья Алмонда есть не что иное, как попытка оправдать эту несогласованность, справиться с которой он не может.

"Культура гражданственности" была задумана вскоре после второй мировой войны. "События 20-30-х годов и размышления о них различных социальных теоретиков сильно повлияли на ее теоретическую часть. Трагическое падение итальянской и в особенности германской демократии, превращенных в мании деструктивного участия, а также нестабильность Третьей республики во Франции являли собой яркий исторический опыт, требовавший более сложной теории взаимоотношений между политической культурой и стабильностью демократии" (6, с. 16). Как же решалась эта теоретическая задача?

Из либерально-просветительской теории, сообщает Г. Алмонд, в гипотезу "культуры гражданственности" вошла "рационально-активистская модель" или модель "демократического гражданства, модель успешной демократии, при которой требуется, чтобы все граждане были активно вовлечены в политическую жизнь и чтобы их участие основывалось на информированности, анализе и рациональности" (6, с. 16). Но, видимо, чтобы объяснить отличия в политических судьбах Германии и Италии, при этом утверждалось, что в таком виде логически не может быть обеспечена стабильность демократического правления, залогом чего должно служить уравновешивающее действие "пассивности, доверия, способности к подчинению авторитетам" (6, с. 17).

Алмонд утверждает далее, что "культура гражданственности" уходит корнями в античную традицию "смешанного правления" (Аристотель, Полибий, Цицерон). Уже в этом он обнаруживает склонность к отходу от модели "модернизации" и исторического развития в сторону модели вечных или циклических типов, укорененных в глубинах человеческой психологии, в силу чего и отождествляет модель "смешанного правления" (Аристотель) с "гражданской культурой". "Такого рода общество смешанного правления и преобладания среднего класса может быть охарактеризовано "сбалансированными расхождениями" культуры гражданственности" (6, с. 17). Продолжая эту линию, Алмонд указывает на "трезвый" анализ Токвиля, который связывал судьбы демократии с наличием в ней аристократического элемента (подчеркнуто мною, — Л.В.), имеющего вкус к логической связности идей, соблюдению формальностей (роль правоведов) и т.п., но вместе с тем с "моральными и интеллектуальными характеристиками людей общества" (цит. по 6, с. 19). Токвиль, подчеркивает Алмонд, обосновывая "культурный" элемент "смешанного правления", описывает политическую культуру американского востока как отмеченную чертами "сдержанности" и "спокойствия", в которой значительная часть населения добивается осуществления "правильно понятых собственных интересов" на основе терпимости умеренности" и "самоконтроля".

Дж.С.Милль подчеркивал значение руководства со стороны квалифицированных и компетентных сограждан как гарантию против тирании большинства в Англии. "Милль высказывается в пользу смешанного правления на основе принципов участия и компетентности, как-то соединенных в основных политических институтах" (6, с. 19). В этом же духе Алмонд упоминает об английских государствоведах Беджготе и Дэйси. Но вот Алмонд подходит к центральным для него проблемам катаклизмов XX в. и их гипотетическому объяснению.

Он связывает их с последствиями предшествовавших процессов индустриализации, урбанизации и демократизации, которые вызывали разрушение социальных связей и органи-

заций, в результате чего "аномичные массы стали жертвой демагогического руководства и авторитарных движений" (Алмонд ссылается на теории "массового общества", на Э.Ледерера, Х.Арендт, У.Корнхаузера, Э.Фромма). Но там, где экономическая организация, "несмотря на урбанизацию и индустриализацию", осталась прочной, заявляет Алмонд, впервые прямо вводя в свои выкладки "экономический" критерий, хотя и не раскрывая по существу его значения, и где возникли влиятельные группы давления, способные к выражению разнородных интересов и привлечению сторонников, там последствия модернизации были смягчены и возник плюралистический эквilibrium, сходный со "смешанным правлением" (Д.Трумен, Р.Лейн, и др.). Здесь Алмонд сочувственно цитирует Шумпетера, объяснявшего стабильность демократии в XX в. ролью "компетентных" и гибких элит и способностью масс уважать "политическое разделение труда". "Легко видеть, что Шумпетер в своем анализе имеет в виду английскую и в меньшей степени американскую демократии... и как негативные модели Германию, Францию и Италию" (6, с. 21). На вопрос, чем объяснить успех англосаксонской и крушение континентальных демократий Шумпетер, по словам Алмонда, дает ответ в духе "традиций смешанного правления и гражданственности, которые мы проследили от самых истоков размышлений людей о политике" (6, с. 22).

Итак, мы видим, что от первоначальной трактовки фрагментированной "политической культуры" как следствия объективной неравномерности развития "рациональной" (капиталистической) цивилизации и причины политических катаклизмов Алмонд постепенно переходит к рецептуре "смешанного правления" как принципа институциональной организации компромисса между разумными социальными и социокультурными группами и к довольно тривиальной апологии разумности правителей и благоразумия масс.

Как же в свете этой эволюции видится Алмонду исследование, проведенное 20 лет назад, что оно выявило, что требует особого внимания?

Прежде всего оно подтвердило (считает Алмонд) связь между образованностью, точнее газетной начитанностью, с од-

ной стороны, и "гражданской компетентностью и участием" — с другой. "Образованные" элементы разных стран оказались, по его мнению, ближе друг к другу, чем к "необразованным" в своей стране. При этом, как констатирует Алмонд, выяснилось и то, что образованность влияет преимущественно на собственную уверенность относительно понимания политики и способности быть эффективным. Напротив, большая образованность не столь существенно влияет на более глубокие установки, касающиеся гражданских обязанностей и других демократических ценностей, равно как и на установки, связанные с доверием и партийностью. Здесь национальный исторический опыт имеет тенденцию к формированию особых моделей (поведения. — Л.В.), на которые образование оказывает сравнительно малое влияние" (6, с. 23-24).

Оценивая этот результат в статье 80-го г., Алмонд дает понять, что речь идет собственно не об образованности, а о достаточно элементарной политической грамотности. И, признавая установленное другими исследователями серьезное влияние образования на формирование глубинных мотивов гражданского поведения (Г.Хаймен — Н.Нуман), Алмонд подчеркивает, что "Культура гражданственности" убедительно показала недостаточность влияния "образования в формальном смысле" на глубинные установки аффективного и оценочного характера. Но политическая грамотность, затрагивая глубин личности, как оказалось, может способствовать активизации "пассивного участия" (именно это Алмонд подразумевает под "компетентностью") — даже в большей мере, чем такие более стабильные социальные факторы, как профессия или доход.

В англосаксонском секторе выше оказались организационная активность и способность к организованному отрудничеству. (Подтверждение плюралистской теории). Вот, собственно, и все, если не считать чисто технических проблем. Идею сопряжения в определенном оптимальном сочетании "местечковой", "верноподданнической" и "активистской" культур как фактора стабильности демократии сколько-нибудь убедительно проверить не удалось. Единственно, что удается установить, это слабое влияние семьи на уровень и ха-

рактической политической грамотности нового поколения. Итак, гора родила мышь. Начав с интригующей идеи фрагментированных культур как следствия незавершенности секулярной (буржуазной) революции в буржуазных странах и объяснения в этом плане нестабильности демократического устройства в них, Алмонд сбивается на заурядное измерение установок. Стабильность демократии при этом смешивается со стабильностью кабинетов и институтов. Естественно, что выявление устойчивости в этом специфическом, узком смысле определяет не столько поиск структуры установок личности, сколько выявление степени их "позитивности" и "негативности" относительно существующей системы (а точнее принятой политики), т.е. приобретает вместо научно-исторического мелкий прагматическо-политический и к тому же явно консервативный (в политическом плане) характер. Вместе с тем, выступая с "новой" идеей смешанного правления, Алмонд не замечает, что она никакого ответа не дает на вопрос о том, почему такое смешанное правление (Веймар, Эра Джолитти) не спасло Германию и Италию от фашизма. Он как бы забывает связать оценку результатов исследования "гражданской культуры" с поставленными им же самим роковыми вопросами. И эта его "забывчивость" весьма многозначительна.

Видимо, все это побуждает его в конце концов заявить, что "политическая культура" не есть теория. Она касается лишь набора переменных, которые могут быть использованы при создании теории" (6, с. 26), хотя и стимулирует изучение субъективного, психологического параметров политики.

Что же все-таки соединяет Алмонда "смешанного правления" с Алмондом "фрагментированной политической культуры"? Центральный пункт всего исследования, как видим, связан в оценке нынешнего Алмонда, с ролью Просвещения в формировании того или иного типа политического поведения. Алмонд, правда, даже не пытается задаться вопросом о том, как Просвещение коррелирует с ключевыми экономическими и социальными факторами в истории отдельных стран, хотя его первоначальная версия могла бы натолкнуть его хотя бы как последователя Вебера на данную тему. Но если обратиться к данным других "модер-

нистов", — например, из школы "социальной истории"¹⁾, то оказывается, что, исходя из той же перспективы, они пытаются восстановить модели распространения грамотности в англосаксонском, франкогерманском, романском и славянском типе модернизации (11). При этом выясняется, что хотя в принципе модели системы образования нивелируются по мере нарастания модернизации, однако в Англии модель высшего типа достигается самое большее к середине ХУШ в., во Франции — к середине ХІХ в., в Германии — к последней его трети (Пруссия опережает Францию), в России — в первой четверти ХХ в. Если далее сравнить время распространения грамотности со временем формирования свободно-капиталистических рыночных отношений, то создается более тонкая историческая картина, чем представляется Г. Алмонду.

По данным некоторых исследователей экономической истории, эти отношения в Англии (по крайней мере в текстильной промышленности — основной и решающей для развития капитализма на раннем этапе) складывались уже в ХУІ в. (7). В Германии же они не только формируются в зачатке в ХІХ в., но, как пытаются показать социалгешихтисты, даже в ХХ в. купируются "организованным капитализмом". Просвещение как грамотность в Англии следует за рыночными отношениями, и поэтому довольно быстро приобретает демократический характер. В Германии (не говоря уже о Восточной Европе) оно опережает рыночные отношения, и поэтому приобретает элитарный характер. Что касается Просвещения в его духовно-ценностном аспекте, "духа" Просвещения (вера в разум, в способность личности стоять визави с природой и обществом, в логическую связь действий и явлений и т.п.), то как общая основа поведения, как его общая духовная предпосылка оно распространяется в Англии как минимум параллельно экономическому индивидуализму (рынку) и на основе демократической модели грамотности, так же относительно быстро приобретает демократический характер. К востоку же Европы — Просвещение, как пытается показать

1) См. ниже. с. 109-159

в своей работе английский "модернист" Ф.Окей, — это сугубо достояние элит. Другими словами, более последовательные сторонники теории модернизации, чем сам Алмонд, подходят к тому, что как ценностные, так и инструментальные предпосылки просвещения в Англии более или менее реализуются параллельно сверху и снизу, создавая ту самую рыночно-игровую буржуазно-демократическую культуру, о которой он итригующе писал в начале своих поисков. В остальной Европе просвещение в основном идет сверху, опережая рыночные отношения и приобретая значение чего-то навязанного извне, выступает как антидемократическое просвещение и вверху и внизу¹ при всей кажущейся формальной общности просветительских идей.

И это, как можно заключить из упомянутых исследований, одна из серьезных причин того, почему так трудно устанавливается связь между формальной образованностью и глубинной структурой гражданских ориентаций¹), и почему в ряде стран процесс демократизации приобретает отмечаемый Алмондом антипросветительский "популистский" характер.

Но концепции "гражданской культуры" и "политической культуры" не согласованы и в другом отношении. Критерием структурной (и одновременно исторической) дифференциации и синтеза политической культуры у Алмонда служит степень "рациональности", точнее "инструментальности" поведения, исторически связываемая им со степенью "секуляризации", обуржуазивания той или иной личности, того или иного социального строя. Критерием такой же дифференциации (и синтеза) культуры гражданственности является степень расширения территориально-политического горизонта. Требование элементарной методологической последовательности состоит в том, чтобы оба эти критерия были совмещены в общем теоретическом рассмотрении, например в системном, но Алмонд этого требования не выполняет и тем самым вся его теоретическая конструкция рушится.

1) Более подробно об исследовании моделей распространения Просвещения см. с. 152-158 настоящего издания.

Влияние, оказанное и оказываемое взглядами Алмонда на судьбы теории модернизации, в частности на нынешнем ее витке, по-видимому объясняется несколькими причинами. Во-первых, Алмонд оказался одним из первых в буржуазной общественной науке, кто попытался применить теоретико-социологические предпосылки теории модернизации к истории и политике стран Европы, а это сейчас интересует тех, кто пытается с помощью теорий модернизаций сформулировать новый теоретико-методологический взгляд на общественно-историческое развитие.

Во-вторых, при всей уязвимости с точки зрения эмпирических данных и в существенной мере импровизационном характере политологических и исторических конструкций, создаваемых Алмондом, его концепция представляется достаточно изощренной, чтобы продолжать стимулировать буржуазных ученых.

В-третьих, потому, что ее критическая переработка и расширение могут быть использованы для освежения обветшавшей теории "тоталитаризма" и теоретического обоснования различного рода советологических и им подобных изысканий, а также пропаганды, враждебной реальному социализму.

Алмонд заявляет: "Коммунистическая идеология занимает крайние позиции относительно возможностей человека, утверждая, что различия в установках являются прямым следствием социально-политического устройства — достаточно изменить социальные и политические условия и можно создать нового социалистического человека..." (6, с. 31). Ссылаясь на исследования советологов А.Брауна и Дж.Грея, он высказывает соображение о существовании в СССР якобы дуалистической культуры, состоящей из "ожидательной" культуры "нового социалистического человека" и молчаливого "операционного кода", складывающегося из "реальных правил деятельности и представлений относительно системы" (6, с. 31). Вместе с Брауном и Греем он делает далее вывод о "неподатливости" докоммунистических установок, несмотря на серьезные попытки их преобразования" (6, с. 32). Но если Алмонда с некоторыми оговорками можно отнести к числу основателей теории модернизации, то взгляды Хан-

тингтона скорее следует охарактеризовать как теорию "антимодернизации". Впрочем, говорить о "теории" Хантингтона нет никаких оснований, поскольку его творчество имеет глубоко прагматическую цель, а именно, дать шпичный рецепт американским политикам, как сохранить и обеспечить интересы США в развивающемся мире за счет его народов. Не удивительно, потому, что оно состоит из бойко написанных, но плохо связанных между собой логически и исторически фрагментов и носит скорее публицистический, чем научный характер. Что же все-таки утверждает Хантингтон?

Не вдаваясь в попытки теоретического раскрытия модернизации, американский политолог просто отождествляет ее с процессами в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, понимая при этом экономическую модернизацию в духе неоклассической школы, а социальную — в духе идей С.Липсета и др. — как рост в основном урбанизации и грамотности. Модернизация, заявляет Хантингтон, — вызывает "не политическое развитие, а политический упадок" (21, с. 2). "Вместо институциональной рационализации и дифференциации, — продолжает Хантингтон, — там часто происходит загнивание административных организаций, оставшихся от колониальной эры, при ослаблении и разрушении политических организаций, развившихся во время борьбы за независимость" (21, с. 12).

Этот процесс С.Хантингтон ставит в прямую зависимость от роста участия масс в политической жизни, происходящего, по его мнению, посредством их мобилизации с помощью средств коммуникации, политических организаций и социально-экономических посулов.

Неподготовленность массы к управлению и неосуществимость ее ожиданий способствуют политической нестабильности и возникновению коррупционных режимов. Единственный способ сдерживать эти явления, по Хантингтону, — торможение модернизации с помощью традиционных политических институтов (главным образом монархий), а там, где они не сохранились, — с помощью создания однопартийных систем с сильной, хорошо организованной проамериканской партией, легитимированной в глазах масс и способной сдерживать развитие.

“Теоретическая” база, которую подводит Хантингтон под эти рецепты, опирается на несколько довольно примитивных идей.

Первая носит методологический характер и состоит в противопоставлении концепции взаимосвязанного экономического, социального, культурного и политического развития - контргипотезы: “почему бы не допустить, что увеличение одного может означать уменьшение другого” (21, с. 10).

Вторая идея: политическое развитие не только может осуществляться в направлении, противоположном экономическому, социальному и культурному развитию, но оно вообще подчинено своим собственным внутренним законам и имманентным критериям. Если в экономической, социальной и культурной областях критерием развития является рост, то в политической области, наоборот, - стабильность. Соответственно степень политической развитости общества определяется степенью прочности его институтов. Сами по себе институты могут быть недемократичными или демократичными - это якобы зависит от чисто внутренних пружин их функционирования и развития - решающим, однако, является именно их организованность и прочность.

Однако, анализируя “внутренние” законы институтов и институционализации, американский автор вынужден признать, что основной из них связан с адаптацией к среде, со способностью к адаптации, а стадо быть отнюдь не является чисто внутренним и независимым. Взгляды Хантингтона в этой части находятся под сильным влиянием американской организационной науки и это сказывается в том, что закон развития институтов приобретает смысл институционализации ради институционализации (“институты ради институтов”),

И тем не менее, признает Хантингтон, институты, чтобы выжить, должны постоянно изменять как цели, так и структура своей деятельности. Почему, задается вопросом Хантингтон, непременно должна быть прямая связь между структурной дифференциацией и возрастанием участия? Для этого нет никаких оснований. Хантингтон игнорирует при этом тот факт, что структурная дифференциация, разумеется если она возникает естественноисторическим, а не искусственным путем,

означает усиление взаимозависимости между отдельными элементами целого и целым. Чем выше необходимая структурная дифференциация, тем больше зависимость целого от отдельных частей и отдельных частей друг от друга в целостности, а стало быть, тем выше степень необходимости участия отдельных элементов в результативной деятельности общественного организма.

Принимая на веру постулаты неоклассической школы, Хантингтон сводит социально-экономическое развитие к росту национального дохода, урбанизации, грамотности и признает необратимость указанных процессов. Если капитал инвестирован в фабрику, то он так и остается инвестированным, заявляет этот ученый. Хантингтон совершенно не понимает, что инвестированный "в фабрику" капитал становится мертвым капиталом, если в обществе не обеспечены адекватные размаху промышленности управление, обмен, уровни информации и культуры. Грубо говоря, с помощью искусственно созданных институтов можно построить определенное количество фабрик, но нельзя на длительный срок обеспечить их нормальное функционирование, качественное производство, сбыт и т.д., если система управления обществом не опирается на рациональную систему статистики, планирования, сбыта, набора рабочей силы, ее способность к самостоятельной работе и т.д. "Обратимость" политической организации общества, таким образом, неизбежно связана с обратимостью его социально-экономической организации, которая неминуемо вступает на путь загнивания. Самое любопытное, что, приписывая Марксу упрощенный закон взаимосвязанного развития, Хантингтон не утруждает себя размышлением о том, что именно Маркс это взаимосвязанное развитие мыслил диалектически, как развитие, противоречиво связанное и зигзагообразное, как прямую и обратную зависимость между развитием производительных сил, производственных отношений и политической надстройки. Но Хантингтона, не способного к диалектическому мышлению, интересует только одно — обоснование гипотезы полной независимости политического развития от социально-экономического, а точнее обратной зависимости, а еще точнее противопос-

тавления институционализированного держимордия, в какой бы форме оно не выступало, социально-экономическому развитию народов. Хантингтону кажется убийственным аргументом о том, что афинская и римская демократии существовали вне всякой модернизации и вне индустриализма. Он "забывает" о том, что основой этих демократий была экономика рабовладения, не говоря уже о том, что их едва ли можно считать "демократиями участия".

Он "забывает" также и о том, что "развитие" этих обществ шло от демократии к цезаризму, от цезаризма к империи и именно параллельно с упадком рабовладельческого строя, с изменением социально-экономических оснований общества. Развитие политических форм от примитивной первобытно-общинной и родоплеменной демократии через феодализм, феодальный абсолютизм и т.д. к буржуазно-демократической республике давным-давно прослежено Марксом, и для опровержения марксизма по этим вопросам Хантингтону следовало бы найти хотя бы немного более тонкие аргументы.

Все, что может сказать этот архиконсервативный политолог по поводу содержания деятельности институционально-развитых систем — это то, что они в старых ли, в новых ли формах должны бороться против грамотности, свободы печати, роста экономического благосостояния населения — идей необычайно новые. В этом Хантингтон и видит успех политического развития. Единственно, о чем не догадывается недалевидный американский мыслитель, так это о том, что на такой основе вряд ли осуществим его главный рецепт — создание и поддержание сильных проамериканских партий, ибо трудно понять, какими стимулами, кроме прямого подкупа руководства, можно обеспечить их проамериканские настроения.

Особое место в развитии теории модернизации принадлежит У.Росту. Концепция Ростоу отличается той особенностью, что "модернизацию" он рассматривает не просто как самостоятельную линию развития и не просто как политику преобразования "отсталых" обществ, а как присущую каждой стране "фазу" или "стадию" промышленного развития. Теория модернизации, таким образом, становится составной частью

его теории "стадиального роста"¹⁾. Исходной предпосылкой размышлений Ростоу стал поиск источников помех, возникших на пути "гладкой" эволюции и гармонического перехода отдельных обществ от "низших" к "высшим" стадиям намеченной им схемы развития. По мнению Ростоу, главный источник этих помех следовало искать в сфере политики, освещению которой он и посвятил свою работу "Политика и стадии роста" (40). Однако, хотя У.Ростоу и придерживается в этой работе взгляда на политику как на в существенной мере самостоятельную и независимую сферу социальной жизни, объяснение самих политических структур и характера политики отдельных обществ он все же ищет не только вне политики, но в основном именно в специфике условий и темпов модернизации отдельных стран. В отличие от Г.Алмонда, этого автора, как историка, прежде всего интересуется более детальный исторический анализ самих условий начала модернизации. Разбив весь процесс модернизации на несколько фаз, Ростоу сравнивает процессы, происходившие в каждой из этих фаз в различных странах, прежде всего в странах оригинальной спонтанной модернизации и в странах вторичной, отраженной модернизации, с тем, чтобы выявить политические последствия этих различий и пролить свет на перспективы дальнейшего развития.

Ростоу отмечает, что качественное развитие общества, пережившего промышленную революцию, связано с регулярным использованием науки и техники для производства товаров, услуг и иных благ. Наиболее важным изменением, пишет Ростоу, явился "сдвиг в психологии", связанный с убеждением в способности человека понять окружающий мир, управлять им на основе непрерывно изучаемых и постигаемых правил и законов.

Уже в классическом "традиционном" обществе угроза постоянных экономических крахов и неспособность человеческого разума подчинить себе силы природы приводили к перенесению центра тяжести в сферу политики, от степени

1) Критика этой теории в советской литературе достаточно обширна.

рациональности которой зависела во многом эффективность функционирования общества.

Связывая, таким образом, модернизацию с экономической рационализацией, а рационализацию с разумным управлением, Ростоу подчеркивает циклический характер первичной модернизации. "Рациональные" фрагменты в традиционном обществе закрепляются циклами, и само общество модернизируется циклами, определяемыми уровнями познания в соответствующих функциональных сферах и социальных секторах общества. Теоретическая, экономическая и политическая модернизация, чередуясь, достигают определенного размаха, приближаясь к порогу "технического скачка". Таким образом постепенно, циклами создаются интеллектуальные и материальные предпосылки для образования нового (модернизированного) общества — коммуникации, товарообмен, развитие рыночного производства, рост знаний, коммерческих навыков; повышается роль ремесленников, технических и административных специалистов, возникает универсализация отношений в рамках крупных политико-административных структур при одновременной специализации и групповой автономии в рамках монопольных структур власти. Однако размах этих подготовительных процессов, степень развития соответствующих циклов далеко не одинаковы в истории различных конкретных обществ. Подготовительная фаза лишь в немногих обществах самостоятельно достигает необходимой кульминации. С этого момента возникает крутой водораздел между историческими путями традиционных обществ, перешагнувших порог модернизации и самостоятельно превращающихся в "индустриальные" общества, и обществ, затянувших модернизацию. Их дальнейшая эволюция проходит под знаком вторжения модернизированных обществ, осуществляющегося, по мнению Ростова, в трех направлениях: военного вторжения, включая колонизацию; экономической экспансии; передачи новых идей и профессиональных знаний посредством массовой информации. Эти вторжения, пишет Ростоу, создавали угрозу безопасности традиционных обществ. Но они заставляли их вступить на путь изменений, часто более мучительный и длительный, чем это имело место при спонтанной модернизации. Проблемы

"опоздавшей" модернизации, "осовременивания вдогонку" Росту понимает как проявление особой трудности "внесения" частичных изменений, элементов современного опыта и современных тенденций по сравнению с исторически подготовленным строительством последовательной социэкономической и культурной системы, достаточной для совершения технического переворота. Прежде, чем он совершится, пишет Росту, прежде чем в обществе смогут возобладать "модернистские" элементы, должна произойти серия глубоких позитивных изменений. На пути модернизации силы и тенденции, направленные на ее осуществление, сталкиваются с сопротивлением сил и тенденций, ее тормозящих. В этом столкновении и решаются задачи переходного периода как в странах ранней спонтанной модернизации, так и в опоздавших странах, модернизация которых стимулируется внешним вторжением.

В странах, где процесс спонтанной модернизации осуществлялся более или менее равномерными циклами, период технического скачка пал на сравнительно хорошо подготовленную почву парламентской демократии, обеспечив относительно безболезненный, по его мнению, переход от фазы промышленной революции к фазе более или менее равномерного распределения ее последствий на основе принципов компромисса, соглашения, права, парламентарной избирательной политики и т.п. В странах, где циклический процесс оказался нарушенным и возникла ускоренная фрагментарная модернизация — разрыв между экономическими и политическими структурами, сопротивление традиционных элементов и другие последствия оказались значительно более сильными и привели к усилению авторитаризма, борьбы за власть, к отсутствию адекватных механизмов распределения последствий технического скачка. Соответственно, они привели к замедлению перехода модернизации в следующую фазу. Свою концепцию модернизации Росту пытается проиллюстрировать на примерах Англии, Франции, Германии, России, Японии, Китая, Турции и Мексики.

Выступая как открытый оппонент революционного марксизма, Росту в своей аргументации во многом сближается

с либеральным марксизмом, справедливо заслуживая вместе с тем упрек в вульгарном техноэкономическом детерминизме. Он уверен, что необратимость модернизации рано или поздно приведет все страны к завершению третьей "распределительной" стадии развития и к хорошо известной "конвергенции" различных социально-экономических систем.

Концепция Ростоу довольно скоро стала общим местом в исторических и социально-политических исследованиях. Однако далеко не у всех она вызвала такой же розовый оптимизм. Уже в первой половине 60-х годов начинает формироваться скептический взгляд на перспективы "опоздавшей" модернизации, связанный вместе с тем с попытками более детальной теоретико-социологической разработки ее структурных характеристик как общества переходного от "традиционного" не к "рациональному", а к иррационально-индустриальному.

Пожалуй, наиболее полно и теоретически развернуто такая скептическая концепция "осовременивания вдогонку" изложена американским социологом Марионом Леви, младшим, главным образом в выдержавшей несколько изданий, но мало известной в СССР работе "Модернизация и структура обществ. Матрица международных отношений" (23). В культурологической и структурно-функциональной по своей базисной методологической направленности работе М. Леви ощущается определенное влияние концепций технологического детерминизма и модных в период написания работы организационных теорий. Вместе с тем, сосредоточиваясь, как социолог, на синхронном подходе к проблеме, автор широко привлекает исторический материал. И хотя работа Леви прежде всего имеет в виду сопоставление в теоретико-социологической перспективе "модернизированного" западного и "немодернизированного" "третьего мира", сама концепция поздней модернизации совершенно определенно распространена автором на многие процессы и страны Западной и Восточной Европы, а работа в целом может рассматриваться как попытка создания универсальной теории. Характерно, что М. Леви на протяжении своего исследования неоднократно подчеркивает неприемлемость проведения демаркации между "модернизированным" и "немодернизированным" или "модернизирующимся" миром по линии Запад - Восток.

Исходя из восходящего к М.Веберу и Т.Парсонсу представления о социально-историческом процессе как движении от иррационально-традиционных к инструментально-рациональным отношениям, автор набрасывает теоретическую модель двух противоположных типов общественных систем — модернизированной и немодернизированной. Каждый тип прослеживается им в разрезе его структур и функций на множестве уровней и в различных аспектах. Затем, не вдаваясь в детали исторического процесса формирования "модернизированного" общества, М.Леви сосредоточивает внимание на исследовании механизмов вторжения готовых модернизированных моделей в контекст не успевшего естественным путем модернизироваться общества. Собственно этот процесс взаимодействия внешнего потока "рациональных" структур с "традиционными" в рамках опоздавшего в своем развитии общества и рассматривается им на различных структурно-функциональных уровнях как ставший всеобщим в XIX-XX вв. процесс "осовременивания вдогонку".

Разумеется, термины "модернизированный" или "немодернизированный" американский социолог считает условными. Принципиальный сторонник факторной социологии, Леви отказывается выделить один или несколько главных критериев "модернизованности". Общество первого типа сочетает в себе ориентированную на энергетику технологию массового производства; глубоко разветвленную организацию, которая одновременно аналитически дифференцирована и синтетически обоснованно централизована; широко мыслящего, способного более или менее точно охватить в своем умственном горизонте всю взаимосвязанную сложность технических и организационных структур, практически эффективного человека. Человек этот вместе с тем представляет себе свою и чужую жизнедеятельность как совокупность определенных ролей в масштабном контексте. Человек модернизированного общества строит свои отношения с природными и предметными объектами как инструменталист на основе универсально окрашенных оценок реальных функций, целесообразности действий, соответствия ресурсов, средств и целей и т.п. Поэтому он

не склонен действовать, не предусмотрев широкого круга мельчайших последствий своих действий, не соразмерив своих ожиданий и запросов с возможностями. В этом смысле он выступает как эмоционально сдержанная личность, склонная к четкому определению своих, и своих партнеров, прав и обязанностей. С другой стороны, он не склонен априори считаться с такими случайными, "приписными", по терминологии Леви и Парсонса, моментами, как этническое или сословное происхождение партнера, его "интеллигентность", "родовитость" или классовая принадлежность. Главное в этом обществе — оценка эффективности в своем деле и экспертная, "более или менее научная" оценка самого дела. Без этого, как подчеркивает Леви, невозможно организовать и управлять всей сложной крупномасштабной и глубокодифференцированной в своих структурах технологической, экономической и социальной системой модернизированного общества. Рыночные, денежные и договорные отношения в этом эмоционально-нейтральном и эмансипированном от родовых, сословных и других частных пристрастий обществе являются нормальным регулятором всего спектра социальных отношений, своего рода универсальным способом наиболее пластичного переноса самой разнообразной информации о личности, группе, институции от одного элемента общества к другому.

Напротив, немодернизированное общество, оперирующее главным образом мускульной Энергией животных и человека, живущее слитными маломасштабными, легко обозримыми группами строит свои отношения на более или менее иррационально связанных между собой элементах опыта. Не отрицая в принципе рационального содержания традиций, Леви указывает на то, что "рациональное" воспринимается и реализуется в тесной связи со случайным и лишь постольку, поскольку оно становится элементом повторяющегося опыта. Традиционное общество живет не по принципу: "действуй, потому что данное действие закономерно должно привести к определенной цели", а по принципу "действуй", потому что так делали до тебя" или "действуй, потому что так действуют другие". В этом обществе случайно связанные элементы опыта приобретают значение традиций и силу ярко эмоцио-

нальных мотивов поведения, тем более ярких, чем значительнее кажется отклонение от опыта. Здесь оцениваются прежде всего не реальные результаты действий лиц и институтов, а "приписные" свойства, ожидаемые иллюзии, ориентированные на случайности происхождения, этнической принадлежности, проживания в определенной местности, образовательного статуса и т.п. В силу этого рынок, деньги, договоры не могут играть здесь роль универсальных регуляторов, поскольку они не в состоянии служить средством переноса огромного количества совершенно случайной, частной информации, которая, образуя иррациональные конгломераты, главным образом мотивирует поведение "немодернизированного" человека.

И тем не менее общество второго типа, соблазняясь видимыми достижениями обществ первого типа, главным образом в материальной сфере, притягивает, заносит в свою среду готовые элементы первого. Независимо от того, осуществляется ли это под воздействием внешней колонизации или же в силу "внутренней колонизации" как результат деятельности различного рода "модернизаторов", вторжение готовых моделей первого типа (в виде ли изделий, в виде ли технологий, в виде ли институтов, правовых норм и т.п.), с одной стороны, взрывает структуру "немодернизированного" общества, а с другой — не превращает его в "модернизированное" общество. Реальный результат такого вторжения сводится на самом деле к извращению традиционных инфраструктур, не способных в короткие сроки переварить то, что в других местах было создано вследствие длительного накопления структурных изменений. Иными словами, внедренные в новый контекст элементы модернизированного общества перестают функционировать в нем как рациональные, и в то же время немодернизированные элементы не могут функционировать как традиционные. Симбиоз оказывается, как правило, неплодотворным. Так, современная техника или технологические процессы утрачивают свою потребительскую ориентацию, фетишизируются, становятся источником производства для производства или производства во имя партикулярных "национальных", "патриотических" и т.п. символов.

Обезличенные возмездные трудовые и обменные отношения, без которых немислимо поддержание крупномасштабной экономики, вызывают протест, поскольку внутренне интерпретируются как безвозмездные и личностные.

Пытаясь проиллюстрировать относительную иррациональность исходного "традиционного" общества, с точки зрения наступающей модернизации, М.Леви сравнивает отношение его членов к "свободному" наемному труду и "свободной" коммерции с отношением членов современного общества к "свободной" (в рыночном смысле) любви, т.е. к проституции. Работник, по представлениям традиционного общества, должен трудиться столь же бескорыстно и преданно по отношению к своему мастеру, артели и т.п., как женщина бескорыстно и преданно любит своего мужа и семью. В традиционном обществе важна эмоциональная сторона труда, а не его результат. Соответственно, и мастер, хозяин и т.п. должен быть "отцом" своему работнику. Точно также обезличенная мена, опосредованная деньгами торговля рассматриваются как "неприличные". Достоинство мена должна осуществляться в форме персонифицированных даров или подношений, как проявление покровительства или уважения. Если же торговля допускается на денежной основе, то преимущественно между "своими" на основе сложившихся твердых оценок, даже если это невыгодно. Соответственно "персонифицирован" и локальный рынок.

Трудовая и социальная мобильность, необходимые для обеспечения автоматического регулирования экономических процессов, приобретают извращенный характер, поскольку переходы с одного предприятия на другое, из одной профессии в другую, из одной социальной группы в другую рассматриваются как "нарушение верности" и т.п.

Главное же для Леви состоит в том, что в результате такого рода искусственного скрещивания все общество на всех уровнях испытывает крайние напряжения. Все его элементы — группы, институты, личность — теряют устойчивость, раздраются противоречиями. Но поскольку процесс модернизации необратим, единственным способом какого-то поддержания стабильности американский социолог считает авторитарные политические режимы, хотя весьма скептически

оценивает и их способность справиться с трудностями "осовременивания вдогонку".

Любопытно, что, в отличие от большинства собратьев по теме, М. Леви не считает процессы модернизации завершенными в каких-либо конкретных странах. Даже в США он прослеживает сильное влияние "партикуляристского" мышления и другие проявления традиционных структур. Каждый виток модернизации, как можно понять из его размышлений, способен не только обострить агонию обществ, бьющихся в конвульсиях запоздалой модернизации, но и вызвать аналогичные явления в самих относительно модернизированных системах. Отчасти поэтому он высказывается в пользу усиления авторитарности не только в развивающихся, но и в развитых странах. Главный вывод Леви — не допустить дестабилизации рациональных обществ под воздействием встречных процессов запоздалых модернизаций и, прежде всего, не допустить вовлечения крупных развитых стран в междоусобный конфликт, в который они волей-неволей втягиваются под воздействием напряжений и хаоса "осовременивания вдогонку".

"Переходная" концепция М. Леви получает свое обостренное завершение в работах Д. Рюшемейера, выступившего с идеей застревания некоторых обществ на стадии "частичной" модернизации, которую он рассматривает как неполноценную, как в сущности "эрзац"-модернизацию. Эти взгляды были развиты Рюшемейером в статье, опубликованной на немецком языке В. Цапфом (42), и в ряде английских публикаций.

"Во многих обществах, — пишет Рюшемейер в этой статье, — модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и

том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур" (42, с. 382).

В качестве критерия модернизированности Рюшмейер выбирает способность социальных систем к приспособлению соответственно к внешним и внутренним условиям их существования. Правда, оговаривается он, при современном уровне социологического знания такого рода критерий с неизбежностью носит несколько гипотетический характер.

Многие ученые ставят под сомнение целесообразность применения структурного анализа к феномену частичной модернизации. Бесконечная возможность комбинации разнородных элементов в одном и том же обществе расценивается ими как доказательство неплототворности системного подхода. Однако автор считает полезным исследовать с помощью системного анализа именно проблемы частичной модернизации. Это дает возможность с особой остротой поставить целый комплекс вопросов: "При каких условиях развиваются внутренние неоднородные формы обществ? Какие факторы обуславливают длительное сосуществование социальных структур, которые "в нормальном случае", т.е. согласно общим гипотезам социологической теории, несовместимы друг с другом? И, наконец, (какие последствия вытекают в длительной перспективе из процессов частичной модернизации?" (42, с. 382-383).

В эволюционно-теоретической перспективе одна из самых существенных причин частичной модернизации заключается в проникновении "модернизированных" социально-культурных достижений в общества с низким уровнем развития. (Это можно доказать с помощью имеющегося исторического материала). Общества, мало "задетые" экзогенными "помехами", особенно теми, которые исходят от высокоразвитых обществ, проявляют более высокий уровень структурной целостности, чем менее изолированные общества. Вместе с тем для эффективного проникновения внешних воздействий нет необходимости в том, чтобы "принимающее" общество само имело предпосылки, практически идентичные с условиями развития передаваемых качеств. Способность к восприятию оказалась весьма широкой, причем и в отношении обще-

социальных структур, и в отношении "перенесенных" свойств. Пример таких стран, как Индия или Япония, свидетельствует о том, что проникновение даже самых сложных элементов современной социальной организации не ограничивается обществами, которые сами близки к тому, чтобы самостоятельно развить эти элементы.

"Как исторический опыт, так и общетеоретические соображения показывают, что религиозные ориентации и высшая система ценностей, принятая в обществе, как правило, оказываются весьма устойчивыми к переменам, и притом надолго. При определенных обстоятельствах модернизация средств, ролей, организаций и норм может зайти очень далеко, а вера и ценностные ориентации остаются неизменными. Из этого правила, пожалуй, можно сделать исключение лишь для тех обществ, которые столь мало дифференцированы, что практически все важнейшие действия имеют религиозную форму, и наоборот, религия переплетена с повседневными ритуалами и правилами. В этом случае предшествующая модернизации система будет либо сопротивляться институционализации важнейших стереотипов поведения в духе модернизации, либо полностью рухнет" (42, с. 383-384).

Многие авторы выдвинули тезис, расширяющий приведенное выше высказывание об относительной стабильности религии и высших ценностей. С их точки зрения, успешная модернизация идет рука об руку с постепенным изменением важнейших устаревших элементов культуры, т.е. в ходе комплексного процесса перерабатываются те элементы традиции, которые более всего согласуются с растущей рационализацией и дифференциацией. Таким образом, успешная модернизация — это не радикально новое развитие, и начинается оно не с "tabula rasa". Если это положение в принципе справедливо, то надо заранее учитывать неизбежность длительных периодов несоответствия между новыми стереотипами поведения и организационными формами, с одной стороны, и медленным изменением всеобъемлющих ценностных ориентаций и связанных с ним норм, организаций и ролей — с другой. Это особенно относится к тем обществам, где мало внутренних предпосылок для модернизации.

“Процесс модернизации парадоксальным образом может укрепить до-модернизированные ценностные ориентации” (42, с. 348). В связи с этим особую важность приобретают три сплетающихся стереотипа: неоконсерватизм, идеализация прошлого, националистическое преувеличение уникальности своей истории. “Консерватизм”, проявляющийся в ходе частичной модернизации, носит двойственный характер, что особенно проявляется в среде интеллигенции. “Эта группа ориентируется как на свое собственное общество с его культурой, так и на чужие, более высоко развитые социально-культурные образцы; такая двойственная ориентация порождает раздвоение интеллектуальных позиций в направлении космополитизма-национализма, с одной стороны, и модернизации - традиционализма - с другой. Дифференциация особенно остро чувствуется тогда, когда в обществе имеется до-модернизированная группа светской интеллигенции, пользующаяся высоким престижем, поддерживающая традиционный статус-кво или, по крайней мере, интегрированная в старый социальный строй” (42, с. 385). Однако сходные процессы раздвоения сознания имеют место и в других слоях, как “старых”, так и “новых”.

В большинстве отсталых стран, переживающих сейчас процесс модернизации, развитие происходит при существенном регулирующем вмешательстве государства. Экономическое развитие представляет собой четко сформулированную цель, для достижения которой государство мобилизует коллективную энергию населения. Этого не было в странах “классической модернизации”. Констатируя данное обстоятельство, Рюшмейер впервые в буржуазной социологии обращает внимание на двойственность модернизации не только в Японии, но и в Германии, как странах, которые он относит к “первым среди опоздавших”.

И в Пруссии, и в Японии жизнеспособные политические элиты, обладавшие лишь относительной рациональностью, опирались на поддержку традиционно настроенных частей населения. Естественно, что такие элиты тщательно следили за тем, чтобы модернизация и индустриализация остались у них под контролем, иначе эти процессы сокрушили бы их пози-

ции власти. Они стремились провести модернизацию сверху и по-своему. Экономическое развитие и другие формы модернизации были использованы ими как средство защиты и укрепления "национальной мощи". При этом предпринимались меры для сохранения традиционных основ политической власти.

"Династическая модернизация" такого типа сейчас уже не актуальна, но осуществление модернизации "политическим путем" сегодня — нормальный случай. Точно так же как и заинтересованность правящих групп в том, чтобы упрочить свою власть с помощью традиций. На примере Японии и Германии можно видеть, как специфические интересы сохранения власти привели к тому, что одновременно с модернизированными "институтами" сохранялись и создавались относительно несовременные "стереотипы поведения". В обеих странах сознательно поощрялся традиционализм аграрных областей. Налоговая и таможенная политика была нацелена, с одной стороны, на сохранение традиционализма, а с другой — на относительную экономическую автаркию. Вместе с тем эта политика опирались на популистскую идеологию, которая в Германии концентрировалась вокруг фигуры "бескорыстного крестьянина" и его вклада в социальное "оздоровление" и стабильность.

В обеих странах бюрократизованные школа и армия использовались с одной стороны, для внедрения навыков модернизации, с другой — для укрепления специфической дисциплины. Были введены всеобщая воинская повинность и всеобщее образование. Но, по крайней мере в младших классах, с помощью религии воспитывалась традиционная политическая лояльность. Особенно важно то, что стереотипы поведения в сфере производства складывались под влиянием государственных, военных и нефеодалных моделей. Во взаимоотношениях между предпринимателями и рабочими преобладала смесь квазивоенной дисциплины и партикулярного "патернализма".

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что использование традиционных средств для достижения целей

модернизации может сочетаться с обратными процессами, вызываемыми частичной модернизацией.

"Частичные" структуры и формы поведения встречаются не только в обществах, переживающих модернизацию. Существование разнородных, трудно соединимых элементов часто встречается в аграрных обществах, где модернизация еще не играет сколько-нибудь заметной роли. Такая разнородность может оставить основу частичной модернизации.

"Из всего сказанного следует, что в ходе модернизации самые различные сочетания факторов могут привести к устойчивому фрагментарному развитию" (42, с. 389). Несоответствия обнаруживаются как между подсистемами, так и внутри одного и того же института. В одной и той же личности могут сосуществовать несовместимые ценностные ориентации и убеждения.

На основе изучения каузальных факторов можно создать типологию частичного развития. Она содержала бы классификацию различных несоответствий как по признаку их причин, так и по признаку вероятных последствий.

Противоречия, на которых основана частичная модернизация, порождают напряженность, враждебность и конфликты внутри социальной системы.

Самый фундаментальный механизм, препятствующий возникновению напряженности, — это свойственная всем крупным аграрным странам сегментация экономической активности, усиливаемая религиозными, этническими и региональными субкультурами. Сегментированные единицы имеют до сути одни и те же функции и поэтому больше независимы друг от друга, чем функционально дифференцированные единицы, которые существуют по принципу взаимодополнения. Сегментированное общество обходится меньшим числом интегративных связей, чем общество функционально дифференцированное, и тем самым сокращает контакты и взаимообмен. При таком построении системы конфликты удается локализовать. Автор сравнивает это с кораблями, разделенными на герметичные по отношению друг к другу отсеки — даже если есть пробоина в одном из отсеков, судно в целом сохраняет свою плавучесть.

Ощущение глубинного противостояния и враждебность по отношению к "чужим группам" усиливают разграничения, обусловленные сегментацией. Усвоение и распространение новых структур и стереотипов поведения затрудняется тем, что они ассоциируются с "чужими группами".

"Там, где возникают контакты между относительно модернизированными и относительно традиционными социальными структурами, мы часто обнаруживаем посредников, которые обращаются к каждой из сторон с присущих этим сторонам позиций или по крайней мере с позиций, более близких, чем те, которые надо "передать". В роли посредников, как правило, выступают торговцы, агенты, местная власть, вожди, политические лидеры местного значения, адвокаты, учителя и миссионеры" (42, с. 391). Самые глубокие противоречия сглаживаются иногда посредством целой цепи взаимосвязанных посреднических ролей, причем каждый из посредников имеет дело лишь с ограниченным числом противоречий.

Для достижения успеха "посредники" должны быть эмансипированы от тех нормативных требований, которые предъявляют к самим себе их партнеры. В результате создается ситуация, благоприятная для обмана, эксплуатации, зависимости. Там, где носители посреднических ролей хорошо защищены в социальном отношении, они могут объединиться в мощную группу, контролирующую обширные секторы хозяйственной и политической жизни, не подчиняясь в то же время никакому контролю. В качестве примера автор описывает взаимоотношения между крестьянами и буржуазией в Южной Италии, осуществляемые не напрямую и не через официальные общественные институты, а через обширную группу посредников, наделенных всеми чертами, о которых говорилось выше.

Защищенность отдельных индивидов или групп от давления противоречий поздней модернизации во многом зависит от их социального положения. Члены привилегированных слоев имеют большую возможность выбора между традиционными и модернизированными элементами, в их распоряжении больше различных механизмов приспособления, чем у низших

слоев. Крестьяне и ремесленники, вытесненные из своих традиционных сфер труда, тут же беспощадно поглощаются рутинной и дисциплиной фабричной работы. Напротив, внедрение специфических, универсалистских норм и функционально эффективных стереотипов поведения в высших слоях бюрократии идет с большим трудом. Подобные гильдиям профессиональные организации, например, юристов, могут легче защищаться от натиска новых требований или же приспособливаться к ним посредством сложных компромиссов, чем традиционные организации непривилегированных профессиональных групп.

Существует модель развития противоречий, согласно которой напряженность выявляет существующие несоответствия и влечет за собой изменения в направлении роста однородности. Если, например, в одной группе напряженность больше, чем в другой, то возникающий вследствие этого межгрупповой конфликт должен вести к снижению напряженности. Однако такой результат маловероятен, особенно если напряженность накапливается в низших слоях общества. В этих слоях, как правило, очень ограничена возможность организации; ситуация особенно обостряется в аграрных обществах, где техника коммуникации является ограниченной.

Г.Зиммель справедливо утверждал, что пересечение конфликтов может вести к значительной общей стабилизации противоречивой структуры. Из этого вытекают важные задачи для эмпирического анализа: какие условия в ходе модернизации благоприятствуют возникновению многосторонних, пересекающихся конфликтов? Какие условия ведут к растущей поляризации и кристаллизации немногих четко очерченных конфликтов?

Но даже когда напряженность не снижается механизмами приспособления и не преодолевается с возникновением больших, полярно настроенных конфликтующих групп, кажется невероятным, что обширные конфликты могли бы способствовать увеличению однородности и "уравновешенности" системы" (42, с. 393).

Гораздо правдоподобнее представить себе, что застарелая вражда и конфликты закрепляют парциальные группировки, враждебность и сегрегацию, особенно если они питаются

сублимированной агрессивностью и получают стимул при неблагоприятном стечении обстоятельств. В ходе этих конфликтов формируются сложные организационные структуры и разрабатываются идеологии, которые затем надолго переживают породившие их конфликтные ситуации и обуславливают негибкий и нереалистичский характер реакции на новые ситуации.

Такие формы антагонизма в наибольшей степени присущи тем модернизирующимся обществам, которые обладают большинством вышеописанных признаков. Сегментация и социокультурный раскол наряду с этническими и другими "ограничениями" ведут к неуправляемости и к накоплению страстей, вражды и противоречий. Ускоренное "частичное развитие" имеет сходные последствия. Авторитарное подавление открытых дискуссий и чрезмерное идеологическое подчеркивание более или менее фиктивных общностей только подогревает вражду и способствует созданию групп "чужаков", интересы которых не могут быть интегрированы в нормальный политический процесс. Перед лицом таких обстоятельств следует считаться с возможностью "социального отчуждения", создающего большую силу сопротивления по отношению к тенденциям роста однородности и снижающее способность общества к преобразованиям.

Взгляды Д.Рюшмейера, М.Леви, Г.Алмонда и др., и др., отражая общую реакцию буржуазной общественной мысли на разочарование в плоско-эволюционистском представлении прежней исторической социологии и неоклассической политэкономии о перспективах мирового развития как постепенной "модернизации" всех "традиционных" обществ посредством экономического роста, "помощи", наращивания капиталовложений и повышения дохода на душу населения, представляют собой в то же время попытку теоретического углубления и развернутого обоснования самой концепции модернизации как универсального взгляда на ход мировой истории.

С несколько иных методологических позиций попытка ревизии и обновления старой теории предпринята одним из патриархов модернизационной концепции Ш.Эйзенштадтом.

Как "чистый" социолог, близкий функционально-антропологической школе Малиновского, Эйзенштадт избегает новшества структурно-функционального подхода и предпочитает обходить системные проблемы социоэкономического развития. Модернизация в его представлении выглядит как процесс постепенной экспансии новых институтов, норм и моделей поведения, причины которой он не связывает с изменением сознания, технологических навыков и экономических отношений. Вместе с тем Эйзенштадт, ссылаясь на эмпирические данные, подвергает критике классический эволюционистский взгляд, разделявший все общества на "традиционные" и "модернизированные" и представляющий будущее как процесс более или менее одинакового перехода всех обществ из первой категории во вторую.

Ревизию "классической" теории модернизации Эйзенштадт связывает с введением термина "посттрадиционное" общество, которым он обозначает, в отличие от прежних теорий, общество переходного типа — вышедшее из "традиционного" состояния, но не ставшее "модернизированным". Концепция "посттрадиционного" общества, как пишет Эйзенштадт, представляет собой попытку выработки "новых подходов к главным проблемам модернизации и развития", откликом "на широкое разочарование относительно ряда предпосылок, из которых исходили первоначальные исследования, в особенности относительно дихотомии — "традиционное" и "современное" общества, возникшей в классический период современной социологии и пронизывавшей большинство исследований развития и модернизации в 1950–1960-е годы (10, с. 5).

Оставаясь в рамках "чистой" (т.е. преимущественно "культурной") социологии, Ш. Эйзенштадт переносит центр тяжести своего критического выступления на проблему традиции и ее роли в процессе модернизации. В этом смысле он различает "традиции" и "традиционализм", рассматривая последний исключительно как негативную реакцию на нововведения, а не как определенный тип мышления, психической организации человека и поведенческой структуры общества, что представляется ключевым для концепций Алмонда,

Росту, Леви, Рюшемейера и др. Отделив, таким образом, традиции от "традиционализма", Эйзенштадт вполне справедливо указывает на то, что модернизированные общества отнюдь не свободны от традиций и что сама модернизация, даже в таких странах, как Англия, прошла не без использования традиций и символики, унаследованной от прошлого. Из этих предпосылок Эйзенштадт делает два важных вывода. Первый из них состоит в том, что традиции не должны рассматриваться исключительно в негативном аспекте. Важно изучать структуру традиций, выделять те их стороны, которые могут способствовать безболезненной модернизации. Второй вывод — каждое общество, опираясь на свои традиции, создает собственный вариант модернизации. В этом смысле "классический" западный тип модернизации отнюдь не является обязательным. Соединяя этот взгляд с представлением о модернизации как экспансии отдельных современных фрагментов или центров; Эйзенштадт выдвинул в качестве одной из конструктивных моделей модернизации схему постепенного роста урбанизированных центров, вовлекающих в свою орбиту аграрную периферию.

В политическом плане концепция Эйзенштадта учитывает широкую оппозицию вестерналистскому взгляду сторонников теории "осовременивания вдогонку" как в развивающихся странах, так и среди самой западной интеллигенции. Ориентированные на "чистую" классическую социологию позиции Эйзенштадта оказались близкими народническим настроениям определенных кругов в развивающихся странах. В этом смысле симптоматичен ряд выступлений на состоявшемся в 1978 г. седьмом международном конгрессе по экономической истории, одной из главных тем которого была неравномерность экономического развития после промышленной революции.

Однако, хотя взгляды Эйзенштадта ориентированы в основном на проблематику культурных и политических символов и традиций, полностью игнорировать вопросы социально-экономического развития он не может. И, следовательно, не может совсем обойти вопрос о трудно разрешимом противоречии между "традиционностью" и "рациональностью" как принципами

ально противоположными способами поведенческой ориентации человека и общества, от которой зависит формирование экономических, технических, административных навыков и соответствующих организационных структур. В этой связи Эйзенштадту приходится остановиться на противоречиях модернизации, освещение которых сближает его взгляды с концепциями ранее рассмотренных авторов. Более того, Эйзенштадт обращает внимание на неисследованный аспект диалектики перехода от "традиционного" к "рациональному". Он указывает на спонтанный, случайный характер самих традиций, на то, что они представляют собой соединение и закрепление в одну императивную связь случайно совпавших событий и элементов. "При всех различиях между "традиционными" обществами, — пишет он, — все они имеют тенденцию принимать как данные некоторые прошлые события, порядки или лиц (независимо от того, реальны они или являются чисто символическими) и рассматривать их как фокус коллективной идентичности" (10, с. 9). Эти случайно заданные в виде традиций обстоятельства, как указывает далее Эйзенштадт, лимитируют процессы изменений и нововведений. При таком взгляде на вещи попытка Эйзенштадта рационализировать традиции и использовать их в целях смягчения противоречий перехода от моделей поведения, ориентированных на императивные случайности, к рациональным моделям больше всего похожа на рецепт тонкого манипулирования специфическими настроениями внутри развивающихся обществ в целях "оптимизации" развития мира по буржуазному пути¹⁾.

Влияние взглядов Ш. Эйзенштадта можно проследить в выступлениях некоторых ученых на УП Конгрессе по экономической истории (9). На этом Конгрессе М. Леви-Лебруайер (24) и П. Мэтра (26) высказались именно в духе максимального использования местных традиций в целях постепенной модернизации как производства, так и других сторон жизни развивающихся или недостаточно развитых обществ.

1) Более подробный анализ взглядов Ш. Эйзенштадта см. в настоящем издании, с. 227-240 . - Прим.ред.

Развитие концепций теории модернизации в 60–70-х годах в США получает различное преломление как в других западноевропейских странах, так и в отдельных специальных областях американской и западноевропейской социальной науки.

В Англии, например, складывается резко критическое отношение к этой теории со стороны леворадикальных ученых. Помимо уже упоминавшихся работ авторов сборника "Теория развития" (8), обращает на себя внимание недавно вышедшая книга молодого социолога П.Престона. В этой книге автор детально прослеживает истоки и следствия развития теории модернизации, ее связь с политическими интересами США. Вместе с тем Престон неоправданно суживает действие теории модернизации рамками неоклассической теории и ее модификации в работах У.Ростоу. Отвергает он и марксистскую критику теории модернизации, а также марксистскую теорию общественно-экономического развития, становясь на позиции политизированного герменевтического подхода (37).

Австралийские профессора Б.Бруггер и К.Хеннан¹⁾ весьма саркастически излагают взгляды Г.Алмонда и других представителей структурно-функциональной теории модернизации. Главный упрек этой теории они связывают с просмотром событий в Иране, а просмотр этих событий со слишком плоской трактовкой модернизации как повторения некоторых линий развития Запада. В частности, речь идет о процессах централизации, урбанизации и секуляризации. Централизация, отмечают авторы, оказалась чисто административной, а внедрение индустриальных новшеств не изменило религиозной ориентации иранских мусульман. В результате одна линия развития пришла в столкновение с другой. "Следует ли после всего этого удивляться недавней городской революции в Иране, сочетающей в себе рациональное отрицание источника фрустрации с тем, что вестернизаторы называют иррацио-

1) Bruggger B., Hannan K. Modernization and revolution. - London a. Canberra, 1983. - 60 S.

нальным утверждением исламского фундаментализма? Разумеется, только кабинетный ученый может сетовать на то, что исламские революционеры могли бы быть более разборчивы в отношении того, что они отвергают¹⁾. Но дело в том, что теоретики "опоздавшей модернизации" в своих теоретических воззрениях как раз и приходят к выводу о неизбежной нестабильности модернизаторских режимов (каким, в частности, представлялся шахский режим) и о "тупиковом" характере процессов модернизации в "опоздавших" странах. Что касается "сетований", то они носят не теоретический, а идеологический, морально-политический характер. Вместе с тем Бруггер и Хеннан сочувственно цитируют релятивистские воззрения П.Сорокина и особенно концепцию В.Вертхайма, связывавшего процессы модернизации с проблематикой эмансипации.

Противоположной оценки теории модернизации и ее значения для решения крупных научных проблем современной социальной истории держатся западногерманские ученые Г.-У.Велер (43), Ю.Кокка (22), П.Флора (11), В.Цапф (42). Для них теория модернизации — эвристически плодотворный и открытый универсальный взгляд на мировое историческое развитие. Г.-У.Велер, например, комментирует теорию модернизации как убедительный подход "к выработке адекватной исторической теории современной эпохи" (43, с. 16). П.Флора считает, что она позволяет с помощью "стилизованной реконструкции фрагментов реальности" упрощенно представить взаимосвязь и общий ход исторических событий (11, с. 14).

В самой американской социологии и политологии теория модернизации натолкнула ряд исследователей на поиски новых интерпретаций в духе этой теории ряда явлений современной истории, прежде всего фашизма.

Здесь следует упомянуть работы Дж.Грегора (15; 16; 17; 18), А.Органского (31; 32). Дж.Грегор пытается доказать, что фашизм, по крайней мере итальянский, был вызван к жизни исторической необходимостью модернизировать итальян-

1) Там же, с. 41.

анскую экономику и итальянское общество начала XX в. и что он успешно, хотя и не без эксцессов, решил эту задачу, Грегор строит доказательства на агрегированных данных о росте итальянской промышленности и сельскохозяйственного производства в период между 1920 и 1943 г., взятых к тому же в основном по официальным фашистским источникам. Идиллическая картина фашистской "модернизации", рисуемая Грегором в духе неоклассической теории, превращается в специфическую историческую апологию фашизма и не соответствует реальной, весьма противоречивой картине деятельности режима Муссолини и ее экономических и социальных последствий. Так, например, Грегор в споре с Органским считает неопровержимым тот аргумент, что режим Муссолини не мог одновременно служить противоречивым интересам "традиционалистов" (прежде всего аграриев) и "модернизаторов" (прежде всего индустриалистов), так как это сделало бы режим непоследовательным и непрочным. Между тем именно таким непоследовательным, произвольным, бросающимся из одной крайности в другую и был режим Муссолини, так же как режим Франко и другие фашистские режимы.

В противоположность Грегору, А.Ф.Органский скептически оценивает результаты фашизма как режима развития. По его мнению, "хотя это и трудно доказать", фашистская модернизация провалилась, застряв на полпути между традиционалистскими и модернизаторскими тенденциями, породившими к жизни самый фашизм (32, с. 54).

Промежуточную позицию между взглядами Органского и Грегора занимает итальянский социолог Л.Гаруччо (13; 14).

За последнее время теория модернизации все активнее используется в буржуазных исследованиях развития нашей страны и европейских стран социализма. В русле концепций модернизации Ростоу, но с поправками на идеи "опоздавшей" модернизации более поздних авторов, написано, например, историческое исследование английского автора Р.Окея (34). Автор не без симпатии относится к нынешним достижениям европейских социалистических стран, считая, что именно теперь им удалось решить ряд существенных проблем запоздалого, по сравнению с Западной Европой, развития, выбрать-

ся из тенет запоздавшей модернизации, опутывавших этот регион на протяжении более чем двух столетий. Ныне мировая история, — пишет Окей, — “рассматривается сквозь призму “модернизации” и сопутствующих ей стрессов и напряжений. Между тем Восточная Европа была первой, если не считать передового анклава Западной Европы, вступившей на этот путь...” (34, с. 10).

“В этой перспективе Восточная Европа видится как регион, который в течение двух столетий стремился к осовремениванию”, в ходе которого в восточноевропейских странах “произошли глубокие изменения в политическом строе, претерпевшем переход от династической империи к республиканским национальным государствам; в социально-экономической сфере — от опиравшегося на деревню феодализма к урбанизму, индустриализации и коммунизму, в культурной области — от фольклорных традиций неграмотных крестьянских общин к нормам национальной культуры, утверждаемым через школы и современные средства информации” (34, с. 9).

Разумеется, в этих исследованиях имеются самые разнообразные пласты, унаследованные и от взглядов А.Гершенкрона и от концепций Б.Мура, уже рассматривавшихся в нашей критической литературе. И они требуют особого критического анализа.

В целом, как отмечал в своей статье, посвященной задачам критики теории модернизации, Гюнтер Розе (ГДР) — она является крупной общественно-исторической теорией, выработанной современным буржуазным обществоведением, чем и оправданы ее анализ и критика с марксистских позиций (39).

Список литературы

1. Almond G.A. Progress and its discontents / Ed. by Almond G.A. et al. — Berkley etc.: Univ. of California press, 1982. — XIV, 565 p.
2. Almond G.A. Political development: essays in heuristic theory. — Boston: Little Brown, 1970. — 331 p.

3. Almond G.A., Powell J.B. Comparative politics; A developmental approach. - Boston; Little Brown, 1966. - 348 p.
4. Almond G.A., Verba S. The civic culture; Political attitudes in five nations. - Princeton; Princeton univ. press, 1963. - 562 p.
5. Authoritarian politics in modern society; The dynamics of established one-party systems / Ed. by Huntington S.P., Moore C.H. & N.Y.; L.; Basic books, 1970. - X, 533 p.
6. The civic culture revisited; An analytic study / Contributors; Abramowitz A.L, Almond G.A., Conradt D.P. et al.; General ed.; Almond G.A., Verba S. - Boston; Toronto; Little Brown. a. co., 1980. - 421 p. - (Little, Brown ser. in comparative politics).
7. Coleman D.C. Textile growth. - In; Textile history and economic history / Ed. by Har- te N.B., Ponting K.G. Manchester, 1973, p.1-21.
8. Development theory; Four crit. studies /Ed. by Lehman D. - L.; Cass, 1979. - VII, 106 p.
9. Disparities in economic development since the industrial revolution /Ed. by Balroch P. a. Lévy-Leboyer M. - London; Basingstoke; Macmillan, 1981. - XVIII, 428 p.
10. Eisenstadt S.H. Post-traditional societies and the continuity of tradition. - Daedalus, Cambridge (Mass.), 1973, vol.102, N 1, p.1-16.
11. Flora P. Modernisierungsforschung; Zur empirischen Analyse der ges. Entwicklung. - Opladen; Westdt. Verl., 1974. - 203 p.
12. Flora P. Indikatoren der Modernisierung; Ein hist. Datenhandbuch. - Opladen : Westdt. Verl., 1975. - 194 S.

13. Garrucio L. Le tre età del fascismo. - Il Mulino, Bologna, 1971, a.20, N 213, p.53-73.
14. Garrucio L. L'industrializzazione tra nazionalismo e rivoluzione. - Milano; Mulino, 1969.- 120 p.
15. Gregor A.J. The ideology of fascism: The rationale of totalitarianism. - N.Y.; Free press; L.; Colliers-Macmillan, 1969. - XV, 493 p. - Bibliogr.; p.455-467.
16. Gregor A.J. Interpretations of fascism. - Morristown (N.J.); General learning press., 1974. - V, 281 p. - Bibliogr.; p.263-275.
17. Gregor A.J. Contemporary radical ideologies. Totalitarian thought in the twentieth century.- N.Y.; Random house, 1968. - XII, 370 p. - Bibliogr.; p.351-358.
18. Gregor A.J. Italian fascism and developmental dictatorship. - Princeton (N.J.); Princeton univ. press., 1979. - XV, 427 p. - Bibliogr.; p.387-412,
19. Gregor A.J. A survey of marxism; Problems in philosophy a. the theory of history. - N.Y.; Random house, 1965. - XIII, 370 p. - Bibliogr.; p.351-359.
20. Gregor A.J. Young Mussolini and the intellectual origins of fascism. - Berkley etc.; Univ. of California press, 1979. - XII, 271 p.- Bibliogr.; p.253-260,
21. Huntington S.P. Political development and political decay. - World politics, 1965, vol.17, N 3.
22. Kocka J. Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. - In: Sovjetsystem und demokratische Gesellschaft. Frankfurt a. M., 1973, S.208-260.
23. Levy M. Modernization and the structure of societies; A setting for international affairs. - Princeton; Princeton univ. press, 1966. - Vol.1-2,

24. Levy-Leboyer M. The main trends in economic disparities after industrial revolution. - In: Disparities in economic development since the industrial revolution, London; Basingstoke, 1981, p.3-17.
25. Matossyan M. Ideologies of delayed industrialization: some tensions and ambiguities. - In: Political change in underdeveloped countries: Nationalism a. communism/ Ed. by Kautsky J.H. N.Y.; L., 1962, p.252-268.
26. Maltra P. Technology transfer, population growth and the development gap since the industrial revolution. - In: Disparities in economic development since the industrial revolution, London; Basingstoke, 1981, p.79-84.
27. Mazgaj P. The "Action Francaise" and revolutionary syndicalism. - Chapel Hill: Univ. North Carolina press, 1979. - 281 p.
28. Moore B. jr. Social origins of dictatorship and democracy: Lord a. peasant in the making of the mod. world. - Boston: Beacon press, 1966. - XIX, 559 p.
29. Moore B. Injustice: The social bases of obedience a. revolt. - London; Basingstoke: Macmillan, 1978. - XVIII, 540 p.
30. Mori G. The process of industrialization in general and the process of industrialization in Italy: some suggestions, problems a. questions. - In: Disparities in economic development since the industrial revolution, London; Basingstoke, 1981, p.151-159.
31. Organsky A.F.K. The stages of political development. - N.Y.: Knopf, 1965. - XIII, 229 p. - Bibliog.: p.223-229.
32. Organsky A.F.K. Fascism and modernization. - In: The nature of fascisme; Proceedings of a conf. held by the Reading univ.

- Graduate school of contemporary Europe studies/Ed. by Woolf S.J. L., 1968, p.28-54.
33. O'Brien D.C. Modernization, order and the erosion of a democratic ideal. - In: Development theory: Four crit. studies / Ed. by Lehman D. L., 1979, p.49-76.
 34. Okey R. Eastern Europe, 1740-1980; Feudalism to communism. - L. etc.: Hutchinson, 1982. - 264 p. - Bibliogr.: p.241-253.
 35. Parsons T. Some sociological aspects of the fascist movements. - In: Parsons T. Essays in sociological theory. N.Y., 1967, p.19-42.
 36. Perkin H. The origins of modern English society. - London; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1978. - 465 p.
 37. Preston P.W. Theories of development. - L. etc.: RKP, 1982. - XII, 296 p.
 38. Riggs F.W. Frontiers of development administration. - Durhan (N.J.): Duke univ. press, 1970. - 623 p.
 39. Rose|G. Modernisierungstheorien und bürgerliche sozialwissenschaften. - Ztschr. für Geschichtswissenschaften, B., 1981, Jg.29, N S,5-16.
 40. Rostow W.W. Politics and the stages of growth. - Cambridge: Cambridge univ. press. 1971. - 410 p.
 41. Seers D. The meaning of development, with a postscript. - In: Development theory; Four crit. studies /Ed. by Lehman D. L., 1979, p.9-31.
 42. Theorien des sozialen Wandels / Hrsg. von Zapf W. - 4. Aufl. - Königstein/Ts: Verlagsgruppe Athenäum, Hain, Scriptor, Hanstein, 1979. - 534 S: - (Neue wiss. Bibl.; Bd 31. Soziologie). - Bibliogr.: S.513-526.

43. Wehler H.U. Modernisierungstheorien. - Göttingen: Wandenhoek u. Ruprecht, 1975. - 286 S.
44. Wehler H.-U. Vorüberlegungen zur modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte. - In: Industrielle Gesellschaft und politischen System: Beitr. zur polit. Sozialgeschichte. Bonn, 1978, S.3-21.
45. Zapf W. Modernisierungstheorien. - In: Prismata; Dank an Hanssler B. / Hrsg. Grimm D. et al. / Pullach bei München, 1974, S.128-165.

Л.Б.Ворков

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА (ДИСКУССИЯ УЧЕНЫХ ГДР)

Постоянно возобновляющиеся попытки буржуазных ученых создать и обосновать с помощью теории модернизации новую концепцию общественно-исторического развития уже неоднократно привлекали внимание ученых ГДР. В 1981 г. в Берлине состоялась дискуссия, в ходе которой были подвергнуты критическому анализу различные аспекты теории модернизации, охарактеризованной выступавшими как "модная буржуазная теория". В частности, при этом рассматривались вопросы о соотношении данной теории с другими известными буржуазными теоретическими течениями, например с теорией "индустриального общества"; об интерпретации представителями теории модернизации реального социализма, об ее отношении к исторической науке и др.

В докладе Г.Розе (6) были охарактеризованы теоретико-методологический инструментарий теории модернизации, ее общественно-политические концепции, а также основные научные центры, занимающиеся разработкой данной теории.

При анализе теории модернизации, как отмечал автор, возникает ряд трудностей, связанных с тремя основными особенностями данного направления буржуазной общественной мысли. По его мнению, оно не связано однозначно с определенными фракциями буржуазии или с определенными политическими концепциями. В США сторонники теории модернизации принадлежат в основном к консервативно-либеральному крылу буржуазной науки. В ФРГ они скорее ориентированы на социал-реформизм или на клерикалов.

С другой стороны, для теории (или теорий) модернизации характерны амбивалентность и расплывчатость понятий и терминов при отсутствии единой завершенной целостной концепции. Наконец, в-третьих, эти теории применяются и разрабатываются в рамках весьма различных дисциплин и исследовательских направлений. По мнению автора, можно выделить три главных направления, связанных с теорией модернизации. Первое из них – это общая теория “социальных изменений”, рассматривающая проблемы модернизации с общесоциологических и политологических позиций на весьма высоком уровне абстракции. Ко второму относятся теории модернизации, специально разработанные для изучения проблематики развивающихся стран. Наконец, третьи составляют компаративистские теории и соответствующие им сравнительно-исторические исследования модернизации. Таким образом, замечает Г.Розе, современные теории модернизации связаны с различными академическими и политическими течениями, опираются на разный исследовательский исходный материал и отражают различные интересы.

Ученые ГДР дают оценку отдельным аспектам теории модернизации. Это прежде всего относится к вопросу о ее соотношении с теорией “индустриального общества”. Существует точка зрения, согласно которой концепция “индустриального общества” связана главным образом с описанием становления капитализма, между тем как теория модернизации относится к проблематике его развития и является лишь модификацией первой теории. При решении вопроса о том, представляет ли теория модернизации продолжение теории индустриального общества или же, ее альтернативу, заявляет Г.Розе, необходимо считаться с тем, что если одни положения обеих теорий совпадают, то другие существенно различаются. Совпадение состоит, например, в том, что обе теоретические концепции исходят из неприятия преходящего характера капитализма, считают его конечной стадией развития человечества. Правда, в теории “индустриального общества” оно противопоставляется “доиндустриальному”, а теория модернизации вносит уточнение, представляя развитие в рамках континуума “традиционное” общество – “модернизированное”

общество. Эту эволюцию автор объясняет тем, что представители теории модернизации считаются с необходимостью приспособления к новым условиям, требующим корректировки теории индустриального общества. Во-первых, они считают нужным отмежеваться от двух "явно апологетических" представлений — о том, что индустриализация представляет собой естественный и равномерно-синхронный процесс роста, связанный с установлением социальной гармонии и демократии, и от абсолютизации "вещизма". Во-вторых, их смущает слишком высокий уровень абстракции прежних теорий, отсутствие в них инструментария для конкретно-исторических исследований. В-третьих, связанные с прежними концепциями индустриализации теории конвергенции и им подобные они считают малопригодными для исследования современных развивающихся стран. В-четвертых, их не очень удовлетворяет вульгарно-детерминистское истолкование технического прогресса, равно как и волюнтаристская трактовка исторических "отклонений". В-пятых, они не могут согласиться с однозначным объяснением исторического развития как развертывания "логики индустриализации", при котором реальный социализм, а равно и фашизм рассматриваются просто как временные отклонения от "нормального" капиталистического пути, как "тоталитарный" путь индустриализации с конвергентной перспективой. В-шестых, возникает потребность в пересмотре представления о промышленной революции как главной движущей силе истории, как о стержне всей новейшей истории.

На основе этих критических предпосылок, замечает далее Г.Розе, представители теории модернизации и вносят ряд новых моментов в теорию и методологию исследования общественно-исторического развития.

Так, отказываясь от технологического детерминизма, некоторые сторонники теории модернизации становятся на позиции многофакторной методологии. При этом разрабатываются множественные критерии, характеризующие степень и уровни модернизованности отдельных исторических процессов и структур. Выдвигается, например, модель "преодоления шести кризисов модернизации" (модель СССР), согласно которой модернизация политической системы связана с разрешением

кризисных состояний на шести уровнях — кризиса проникновения (импортирование "модернизированных" моделей в "традиционный" контекст. — Ред.), кризиса интеграции (консолидация модернизовавшихся структур. — Ред.), кризиса легитимации (признание новых структур. — Ред.), кризиса, связанного с недостаточной мобилизацией населения, а также ресурсов, кризиса недостаточности политического участия и, наконец, кризиса неполной интеграции отдельных сегментов населения.

В других моделях критериями модернизованности выступают уровень грамотности, степень социальной мобильности, характер социальных коммуникаций, степень секуляризации религии, степень развития универсальных ценностных ориентаций и т.п. Модернизация рассматривается как исторический процесс, продолженный в современность, как система ответов на исторические вызовы, и в этом смысле ни одна страна не признается окончательно "модернизированной".

Вместе с тем, в отличие от теории индустриального общества, считающей политику подчиненной экономическому развитию, в новых теориях выпячивается роль политики, а государство рассматривается как решающий фактор модернизации.

Следует отметить, как подчеркивает Г.Розе, что теории модернизации вообще выдвигают на первый план социально-психологические, личностные факторы, рассматривая их как детерминанты экономической модернизации.

В итоге исторические альтернативы и различия исторических общественных форм рассматриваются не как отклонения от нормы, а как различные варианты всеобщего процесса модернизации, как варианты решения генеральной исторической задачи создания "модернизированных" обществ. При этом, исходя из поливариантности исторического развития, предпринимаются попытки пересмотреть общеисторический взгляд на капитализм и социализм и соответственно на периодизацию истории.

В целом, по мнению Г.Розе, теория модернизации развивает прежние теории и расширяет теоретический и методологический арсенал буржуазной общественной науки. Правда,

большинство буржуазных историков по-прежнему не выходит за рамки традиционных эмпирических описаний, однако они все шире используют наряду с другими доктринами положения и терминологию теории модернизации. Особую роль здесь играет журнал "История и общество", вокруг которого группируются ориентированные на теорию модернизации сторонники "социально-исторического" направления общественной науки. Теория модернизации влияет на буржуазные исследования прежде всего в направлении поиска историко-географического центра "прогресса". По мнению автора, в этом отношении можно усмотреть две противоречивые тенденции: отход от европоцентризма в отношении докапиталистических формаций и усиление европоцентризма в отношении становления и развития капитализма. Во-вторых, как уже отмечалось, она влияет на периодизацию истории, в которой намечается трехступенчатая схема: доиндустриальное - индустриальное - постиндустриальное общества. Г.-У. Велер различает три периода в истории модернизации: длительный период накопления предпосылок для модернизации на Западе; эпоху "двойной революции" - прорыв модернизации на широком фронте и, наконец, "европейская мировая история", когда европейская модернизация распространяется на весь остальной мир. В некоторых случаях периодизация связывается с признанием альтернативных центров модернизации, в частности за развитыми социалистическими странами признается ранг "пионеров" социалистической модернизации, за которыми могут идти "общества-последователи" (Р.Бендикс). За развивающимися странами также признается способность на основе специфического синтеза традиционности и модернизированности создать собственную модель модернизации.

В общем и целом теория модернизации стремится представить исторический процесс как эволюцию. Именно в этом смысле она используется буржуазной исторической и вообще социальной наукой. Революции при этом не исключаются, но значение их нивелируется, а классовое содержание выхолащивается. Так, попытки моделировать модернизацию в СССР, признавая революцию "характерной чертой" опоздавшей модернизации, выхолащивают из анализа русской революции все

ее классовые особенности. Революция при этом выступает как продукт быстрого изменения политического сознания определенных групп и их мобилизации такими темпами, которые превысили адаптивные возможности политической системы, как "экспериментальный случай" "взрыва политической мобилизационной активности".

В более широком плане на место буржуазной революции подставляется конфликт элит — модернизированных и немодернизированных. В качестве движущей силы модернизации объявляется бюрократия, а марксизм при этом обвиняется в игнорировании роли бюрократии как "относительно самостоятельного" фактора в историческом процессе. На этой основе разрабатывается концепция "организованного" капитализма. Применительно к германской истории все эти концепции модернизации сводятся к двум основным утверждениям:

1. В результате неравномерности развития различных общественных сфер в Германии с 1871 по 1918 г. возникли фазовые сдвиги, которые именно в силу создавшейся не-синхронности развития радикальным образом повлияли на ход модернизации, пролагавшей себе путь ценой огромных потерь и издержек.

2. Особенности "дифференциального" политического развития германского общества в новейший период существенным образом определялись преиндустриальными факторами.

Таким образом, например, описывает ход модернизации в Германии Г.-У.Велер, который, просматривая ретроспективу развития страны от кайзеровской империи до наших дней, выделяет фашизм как исторический "несчастный случай", порожденный особенностями германской модернизации.

С марксистско-ленинской точки зрения, продолжает Розе, нельзя считать обоснованной трактовку фашизма, а равно и других негативных явлений немецкой истории, как следствия длительной консервации доиндустриальных социальных групп, так как при этом получается, что достаточно освободить индустриализирующееся общество от "доиндустриальных" структур и можно без революции прийти к "социальному государству массовой демократии". В результате Велер зату-

шевыивает истинные альтернативы. Революционное рабочее движение приобретает у него характер одного из противников господствующих (преимущественно юнкерских и вообще доиндустриальных) кругов, значение одного из "врагов империи", а не революционной антиимпериалистической силы. Вывод Велера — после устранения антидемократических черт государства рабочие могут быть интегрированы в буржуазном обществе.

Как отмечает Г.Розе, в критическом анализе теорий модернизации необходим дифференцированный подход к ее различным представителям. Особенно важно разоблачение любых попыток подмены и фальсификации отдельными теоретиками положений марксизма-ленинизма. Вместе с тем целесообразно использовать содержащиеся в некоторых положениях этой теории "рациональные зерна" для борьбы с буржуазной общественной наукой в ее традиционном виде. Теория модернизации должна оцениваться с позиций идеологического подхода. При этом открывается возможность отделить действительно новое от замаскированного старого. Изучение взглядов сторонников теории модернизации, например в ФРГ, позволяет сделать вывод о том, что не следует преувеличивать исключительность американской школы как единственного поставщика современных буржуазных социальных теорий. Вместе с тем дискуссия с теоретиками модернизации требует и повышения уровня марксистско-ленинского обществоведения, исторической науки. Надо учитывать, что теория модернизации как компонент буржуазной идеологии не просто неправильна, а представляет собой отражение объективной реальности, но в искаженном либо перевернутом виде. Критика теории модернизации должна быть связана с развитием комплексного диалектического подхода к изучению истории как единства экономического, политического, социального и духовно-культурного развития. Необходимо больше изучать надстройку и ее составные части, больше учитывать историческую роль иррациональных явлений (например, религиозного фанатизма, такого, как в Иране), разрабатывать историческую психологию сознания, развивать учение о роли личности в истории.

Манфред Коссок в своей статье прослеживает (3) влияние теории модернизации на конкретные исторические работы западных авторов. Особый интерес западногерманских консерваторов, отмечает Коссок, вызвало исследование французского историка Франсуа Фюре, предпринявшего попытку пересмотреть традиционные представления о французской буржуазной революции и роли, которую в ней играли различные социальные и социокультурные прослойки. Фюре усматривает в развитии французского общества кануна революции элементы "прусского" пути к капитализму как продолжения "английского" пути буржуазного развития. Применяя факторный анализ, французский историк стремится, как и другие сторонники теории модернизации, подчеркнуть эволюционный момент в становлении капитализма, роль промежуточных элит, состоявших из представителей обуржуазившегося дворянства и других элементов с неопределенным классовым профилем. При этом он принижает как роль народных масс в буржуазной революции, так и само ее значение в смене формаций. По утверждению Фюре, Маркс будто бы "изобрел" буржуазную революцию. Французский историк при этом приводит солидный фактический материал о "капиталистическом дворянстве". Из этого, между прочим, замечает М.Коссок, следует сделать вывод о необходимости более конкретного и дифференцированного изучения социально-исторических структур революционных процессов в социалистической науке, не ограничивая работы марксистских исследователей такими общими понятиями, как дворянство, буржуазия, крестьянство. Приведенный им фактический материал Фюре стремится интерпретировать таким образом, будто классовые противоречия между буржуазией и дворянством в эпоху французской революции были не столь существенны, в то время как народ являлся главной "помехой" модернизации в силу своих антикапиталистических, антимодернистских настроений.

Между тем, подчеркивает М.Коссок, выступления народных масс против буржуазной политики не дают основания считать их враждебными революции или прогрессу. Poleмику с представителями теории модернизации, продолжает автор, надо особенно настойчиво вести по тем вопросам, где они

заимствуют некоторые результаты марксистских исследований, но по-своему перетолковывают их. Во взглядах А. Гершенкрона, например, содержится неявное признание закона неравномерности общественно-исторического развития. Для критики его взглядов имеет большое значение изучение диалектики стадий формационной зрелости и этапов промышленной революции. Нет смысла оспаривать существование различий в характере буржуазных революций, имевших место до и после промышленной революции. Спорны не факты, а их теоретическая интерпретация. Это относится и к другим буржуазным теоретикам модернизации (Р. Бендикс, И. Гайсс и др.)

Соглашаясь с общей оценкой теории модернизации, данной Г. Розе, Ганс Шляйер (7) характеризует ее как совокупность новейших концепций развития, сконцентрированных на проблеме превращения традиционных или аграрных обществ в современные цивилизованные индустриальные государства. Перенос внимания теоретиков модернизации на процессы формирования капитализма в Европе был вызван прежде всего трудностями теоретического обоснования политики модернизации, проводившейся в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Обращение к европейской истории имело своей целью выявить роль психологических факторов — факторов сознания и политических отношений в становлении индустриального общества. Стремление придать этим факторам значение детерминантов социально-экономического скачка обнаруживается, в частности, в новейших исследованиях по истории Германии.

Часть ученых при этом вновь обращается к взглядам М. Вебера, к его анализу протестантской этики как духовной основы капитализма и капиталистической рациональности, рассматривая протестантскую церковь и практику протестантизма как важнейший фермент "рационализации" мышления в Германии, определившей путь модернизации страны (Ниппердей). Соответственно и начало немецкой модернизации некоторые историки связывают с ХУ1 в. О. Данн, например, считает тогдашнюю Германию центром ранних модернизаторских тенденций, хотя и относит окончательное вступление страны на путь модернизации к ХУШ в.

Что касается политического аспекта модернизации, то в современных исследованиях подчеркивается роль отдельных германских государств, чиновничества, но вместе с тем и роль национальных движений и буржуазии. По Л.Галлу, немецкая модернизация осуществлялась в двух встречных формах: "сверху" — бюрократической элитой отдельных германских государств с помощью реформ; и "снизу" — национальными движениями во главе с буржуазией. По Данну, и в этом ярко проявляется его идеализм, модернизация в Германии осуществлялась прежде всего национальными политическими и культурными движениями, а уж затем следовала экономическая модернизация и индустриализация. С другой стороны, такие исследователи, как Козеллек, привлекая новые материалы, пытаются показать, что Пруссия и без наполеоновских войн была готова самостоятельно осуществить далеко идущие реформы. Реформы 1806 г., согласно Козеллеку, были лишь реализацией уже сложившейся модернизационной политики.

Таким образом, заключает Г.Шляйер, теория модернизации, с одной стороны, позволяет выявить некоторые ранее не замечавшиеся явления и взаимосвязи, но, с другой стороны, способствует актуальному для буржуазных историков повороту в сторону от признания и изучения движущих экономических сил исторического развития.

Наиболее крупной попыткой использования теории модернизации в конкретном историческом исследовании, как отмечает К.-Х.Ноак (4), явилась работа Г.-У.Велера "Кайзеровская Германия, 1871-1918". Велер в этом ставшем классическим в буржуазной историографии исследовании задается чрезвычайно сложным вопросом, почему и каким образом из общественных структур 1918 г. возникли силы и тенденции, приведшие к падению Веймарской республики и приходу фашизма. Ответ на этот вопрос Г.-У.Велер ищет в особенностях немецкой модернизации. При этом он детально рассматривает экономические, социальные и политические факторы, считая их равнозначными. В результате Велер, по мнению Ноака, обходит стороной развитие капитализма и роль крупной буржуазии, объясняет революцию 1918 г. и последующие собы-

тия противоречиями между экономической модернизацией и традиционной системой власти и игнорирует реальную историческую роль рабочего класса.

В своем скрупулезном анализе Велер обращает внимание на многие взаимосвязи, ранее не замеченные буржуазной историографией. Некоторые заимствования из марксизма используются Велером в духе его социал-реформистских концепций. Так, он пишет о неприкрыто классовом характере тогдашнего законодательства, о классовой юстиции, о защите господствующими классами статус-кво и т.п. Однако главный тезис Велера состоит в том, что несинхронность экономических и социально-политических процессов явилась причиной того, что в Германии не сложились условия для устойчивой буржуазной демократии западного типа. Как бы сожалел об этом, Велер подробно исследует ошибки правящих кругов, их мотивы и цели. В его представлении, источником зловещего поворота событий в послевоенной Германии была "феодализация буржуазии", значимые остатки сословности в социально-классовых отношениях, то, что "многие из тех, кто мог бы стать проводником разумной буржуазной политики", оказались связанными с доиндустриально-дворянскими руководящими группами¹⁾. Книга Велера является еще одним подтверждением того, что как бы ни расширяла теория модернизации инструментарий буржуазной науки, облегчая изучение частных вопросов, она не может выйти за рамки буржуазной идеологии.

Критике направления, пытающегося применить теорию модернизации для истолкования фашизма как одного из вариантов успешной индустриализации ускоренного типа, посвящено выступление Р.Рихтера (5). Сама неопределенность категории "модернизация", по мнению автора, позволяет использовать для определения меры "модернизованности", практически любые критерии. А недооценка либо отрицание классовой борьбы приводят к точке зрения, согласно которой носи-

¹⁾ Wehler H.-U. Das deutsche Kaiserreich. 1871-1918, с.130.

телями модернизации, равно как и ее тормозящим или ускоряющим элементом, могут стать любые политические силы. Фашизму в Германии и Италии приписывается роль ускорителя модернизации, которую он осуществлял будто бы "против собственной воли". В этой связи ссылаются на проводившиеся фашистскими режимами меры по интенсификации технического развития и расширению производства в Германии, по преодолению "архаических" общественных структур, ускорению урбанизации, реорганизации госаппарата и технизации производства в Италии. Варварский характер и классовая сущность фашистской политики при этом затушевываются. Правда, иногда признается, что фашистский "прорыв в модернизированность" оказался в целом непригодным для формирования развитого индустриального общества, однако режимы такого типа объявляются "диктатурами развития", которые якобы способны сыграть положительную роль в модернизации менее развитых стран.

Рецепция теории модернизации в исследованиях фашизма, начавшаяся в 60-е годы в США, в настоящее время продолжается в ФРГ, давая все новые и новые примеры. Для объяснения фашизма применяется связанная с теорией модернизации концепция "организованного капитализма". Аксель Кюн предлагает "симмахистическую" теорию фашизма, в центре которой лежит идея боевого союза (симмахии) между средним сословием и крупной буржуазией, вызванного к жизни противоречиями форсированной индустриализации Германии, начавшейся еще в бисмарковские времена. "Представления Кюна об "ускоренной модернизации", которая подтолкнула мелкую буржуазию к фашизму, содержат в себе верные наблюдения. Однако они связаны с недооценкой влияния общего кризиса капитализма, равно как и черт государственно-монополистического капитализма, которыми отмечены фашистские диктатуры" (5, с.72).

Относительно места концепций теории модернизации в изучении и объяснении фашизма очень ясно, со своей точки зрения, высказался социал-реформистский по своим взглядам западногерманский ученый Ю.Кокка. Считая односторонним тезис Хоркхаймера об исключительно индустриально-капита-

листической природе фашизма, Кокка заявил: "Столь же верным, но и столь же односторонним мог бы быть тезис: кто не желает говорить о преиндустриальных, докапиталистических и добуржуазных традициях, должен молчать о фашизме. Задача и цель серьезных исследований фашизма состоит в раскрытии взаимодействия обоих причинных комплексов — с одной стороны, имманентных капитализму напряжений и кризисов, а с другой — напряжений и фрустраций, вызываемых коллизиями между старыми традициями и промышленно-капиталистической модернизацией..."¹⁾

В заключение Р.Рихтер отмечает, что мода на теорию модернизации среди буржуазных и реформистских исследователей фашизма была подготовлена учением об "индустриальном обществе".

Эту мысль развивает и Х.Р.Баум (1). В буржуазной социальной науке существует тенденция рассматривать фашизм, в частности итальянский, в русле тенденций формирования "индустриального общества", отмечает Баум, но при этом намечается несколько различных направлений. Так, Л.Гаруччо считает, что достижение обществом определенного уровня "модернизированности" исключает возможность замены плюралистически форм каким-либо видом фашизма. Напротив, Дж.Галли допускает возможность существования фашизма и в развитом индустриальном обществе. Либеральные историки Р. де Феличе, А.Аквароне, Р.Ромео, П.Унгари и Ф.Мелограни полагают, что между технократами поднимающегося индустриального общества и сторонниками авторитарного государства возникает "естественная общность". При этом для объяснения возникновения фашизма используются такие категории, как "запоздалое начало индустриального развития" (take-off)²⁾ и "нефункциональность итальянского капитализма". Таким об-

1) Kocka J. Angestellte zwischen Faschismus und Demokratie. Zur politischen Sozialgeschichte der Angestellten. Göttingen, 1977, с.336.

2) Термин У.Ростоу. — Прим. ред.

разом развитие итальянского империализма в начале XX в. трактуется субъективистски "исключительно в индустриально-технистском ключе" (1, с.76).

В основном, по мнению автора, теория модернизации используется широким кругом ученых и публицистов для различного рода идеологических манипуляций вокруг истории фашизма и его интерпретации. Фашизм, например, рассматривается как "рефлекс модернизации". При этом имеются в виду охватываемые расплывчатым понятием "модернизация" определенные преобразования в базисе и надстройке капиталистического общества, которые истолковываются в эволюционном духе теории "индустриального общества" (например, преобразования в государственном аппарате). По мнению ведущего итальянского историка фашизма де Феличе, например, фашизм, неся в себе модернизаторские черты, выражал стремление растущих средних слоев к революционному созданию нового социального порядка и в этом смысле итальянский фашизм может быть охарактеризован как "левый тоталитаризм" в отличие от германского фашизма, который руководствовался идеалами прошлого и должен быть охарактеризован как "правый тоталитаризм". Мелограни — другой итальянский исследователь фашизма — идет в этом направлении еще дальше, утверждая, что итальянский фашизм по сравнению с режимами других "модернизированных массовых обществ" относительно мало прибегал к насилию, да и само насилие носило "патерналистский характер". В работах другого типичного модернизаторских тенденции итальянского фашизма связываются не с характеристикой его массовой базы, а с портретированием элиты фашистского общества, в рамках которой прослеживается личная роль технократов и профессионалов. Вместе с тем делаются попытки представить всю экономическую или даже социально-экономическую политику итальянского фашизма как политику модернизации Италии, а сам фашизм как "функцию модернизации" (А.Аквароне, М.Вернасса), осуществляемую особым "третьим" путем между капитализмом и коммунизмом.

По мнению Р.Баума, попытки использования категории теории модернизации в современных исследованиях итальян-

ского фашизма имеют в основном одну задачу — отделить его от фашизма германского и "более прочно вмонтировать в итальянскую историю" (1, с.81), с тем чтобы фашистская экономическая политика в Италии более не рассматривалась как период застоя.

Критике сравнительно-исторической теории модернизации в западногерманской социально-исторической школе, как отмечает К.Ирмшлер (2), должно быть уделено особое внимание, поскольку она стремится к созданию теоретико-методологической парадигматики, пригодной для описания сложных, комплексных явлений. Как Г.-У.Велер, так и другие представители данного направления пытаются с помощью междисциплинарного подхода дать системное описание исторических процессов и явлений. История буржуазного общества должна, по мысли Велера, служить отправным пунктом подлежащей содержательному наполнению модели широкого общественно-научного исследования "общества в его целом" (*Gesamts-gesellschaft*), которое, как он считает, состоит из трех равнозначных параметров — экономики, политического господства (*politischer Herrschaft*) и культуры. Социальная история, таким образом, выступает у Велера не как частная, специальная дисциплина, а как синтезирующая модель, позволяющая описать и исследовать конкретно-исторические структуры конкретных обществ в их взаимосвязи.

Однако в действительности "социально-историческая" школа, как это особенно отчетливо видно из работ других ее представителей, создает не столько синтетическую картину общественного развития на основе самостоятельного концептуального аппарата, сколько пытается синтезировать в некоем теоретическом комплексе самые разнообразные теории, методы, теоремы и т.п., разработанные буржуазной социальной наукой, и применить их к описанию процессов преобразования европейского и северо-американского общества за последние 200 лет. Между тем далеко не все буржуазные теории, касающиеся вопросов развития, могут быть отнесены к теории модернизации.

С этой точки зрения К.Ирмшлер высказывает ряд полемических замечаний в адрес критической концепции, изложен-

ной Г.Розе (6). Главная функция сравнительно-исторической теории модернизации, заключает К.Ирмшлер, состоит в том, чтобы наиболее убедительным образом интерпретировать общественно-историческое развитие с буржуазных позиций.

Список литературы

1. Baum H.-R. Zur Darstellung des Zusammenhangs Faschismus und Modernisierungstheorie in der bürgerlichen italienischen Historiographie.- In: Zur theoretisch-methodologischen Analyse und historiographischen Umsetzung bürgerlicher Modernisierungstheorien. B., 1982, S.75-81.
2. Irmschler K. Zum Stellenwert der "historisch-komparativen Modernisierungstheorie" in "Historischer Sozialwissenschaft" und bürgerlicher "Gesellschaftsgeschichte". - Ibid., S.81-86.
3. Kossok M. Zur revolutionshistorischen Komponente bürgerlicher Modernisierungstheorien.- Ibid., S.40.
4. Noack K.-H. Die Anwendung der Modernisierungstheorien in Wehlers "Das Deutsche Kaiserreich, 1871-1918". - Ibid., S.57-64.
5. Richter R. Zur Rezeption des Modernisierungskonzepts durch die bürgerliche Historiographie der BRD über den Faschismus (1965-1981).- Ibid., S.64-74.
6. Rose G. Modernisierungstheorien und bürgerliche Geschichtsschreibung. - Ibid., S.7-40.
7. Schleier H. Einige Probleme der bürgerlichen Umwälzung in Deutschland in der Interpretation der Modernisierungstheorien. - Ibid., S.47-57.

А.В.Белявский

МЕЖДУ "МАРКСИЗМОМ" И ВЕБЕРИАНСТВОМ, "ВТОРАЯ ВОЛНА" ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ "СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ" ШКОЛЕ

Обращение к теории модернизации в целях моделирования и объяснения всемирно-исторического развития и прежде всего процессов, характеризующих общественную жизнь западной Европы, в настоящее время имеющее место в работах западногерманских историков, социологов и политологов из группы "социальгешихте" (Г.-У.Велер, Ю.Кокка, П.Флора, В.Шапф), является одной из иллюстраций того, насколько многопланова претензия теории модернизации в ее попытке дать новую интерпретацию общественно-исторического процесса и, в частности, "осовременить" марксизм.

В последнем плане особенно примечательны работы Г.У.Велера. Этот западногерманский ученый выступает прежде всего как профессиональный историк. Но при этом его больше всего интересует германская современность, возможность разобрататься в недавнем прошлом и на основе принципов общесоциологической теории проникнуть как в универсальный, так и в специфический смысл конкретно-исторических событий.

Попытка Велера предстает как опыт реформаторского протеста против консервативной историографии Германии. Но она претендует на большее, а именно на то, чтобы найти новую теоретическую и методологическую базу для объяснения той специфической социально-структурной динамики, которая просвечивает или должна просвечивать сквозь плотные покровы исторической ткани (1; 5).

Подступы к "социальной истории" как истории "модернизации" Г.-У.Велер наметил еще в начале 70-х годов, поставив в одной из своих работ (4) вопрос о взаимодополнении истории и социологии в целях воссоздания целостной картины социально-экономического и политического развития.

Продолжая эту мысль в другой работе того же периода (3), Велер отмечал, что еще "литя ХУШ в." - политическая экономия стремилась именно к такого рода целостному взгляду на вещи. Она развивалась А.Смитом, Рикардо, Мальтусом и Марксом, у каждого из которых имелось рациональное зерно, не утратившее значения донныне. Велер при этом особо подчеркивает ценность вклада Маркса, которая, по его мнению, состояла в том, что Маркс сыграл решающую роль в создании исторической теории "западной индустриализации", объяснив экономическое развитие внутренними причинами, а не действием *deus ex machina*. Сам Велер при этом так резюмирует взгляды политэкономии прошлого: "Современная модернизированная экономика начинается с промышленной революции ХУШ в. Традиционное общество "взрывается" изнутри рыночным хозяйством. Общий европейски. рынок складывается в ХУШ в. Во главе этого процесса - Великобритания, "демиург буржуазного космоса" (3, с.11). Сосредоточив далее внимание на "человеческом факторе" экономического развития, Велер подчеркнул, что экономика - это всегда "процесс социального взаимодействия" (3, с.12). Хотя, писал он, трактовка общественной жизни как социального взаимодействия непосредственно принадлежит М.Веберу и дальнейшее развитие получает у Т.Парсонса, однако еще задолго до них Энгельс отмечал, что экономика связана не с отношениями между вещами, а с отношениями между людьми. А еще ранее Маркс заметил, что экономика начинается с населения, которое является основой и субъектом всего акта общественного производства.

Таким образом, подчеркивал в своей работе Велер, социальные критерии сыграли решающую роль в том, что люди и производительные силы оказались объединенными в способе производства, благодаря которому возник исторически уникальный феномен западного промышленного капитализма. Социаль-

ные структуры, социальные ценности и социальные нормы поведения дали возможность сформироваться современной технологии и фабричному производству.

Фундаментальным техническим нововведением, разъяснял Велер, — замене человеческой силы и навыков ручного труда машиной — внутренне присуще революционное воздействие. Но оно проявляется лишь в определенных общественных условиях. И эти же условия определяют характер управления предприятием: вмешивается ли государство в процесс производства; является ли предприятие формой чисто экономического стремления к прибыли; способно ли оно быстро использовать технические и организационные новшества, научные достижения; какими методами рекрутируются и насколько эффективно обучаются новейшим производственным приемам его рабочие и т.д. Рассматривая эти процессы в реально-историческом плане, Велер стремился показать, что по крайней мере создание обученного контингента рабочей силы, расширение внутреннего и внешнего рынка, стимулирование накопления капитала почти повсеместно проходило с помощью государства. И это соответствовало разделявшейся им под влиянием историка Фишера концепции превращения "либерального капитализма" эпохи свободной конкуренции в "рациональный организованный капитализм" XX в. Но и тогда формулирование этой концепции Велер считал лишь началом широкого исследовательского поиска, первый этап которого он связывал с задачей научной разработки экономической истории.

Между тем, как отмечал Велер, именно с экономической историей в западном обществоведении вообще, а в Германии в особенности, дело обстояло крайне плохо. С 1900 по 1945 г. в Германии было опубликовано "поразительно мало" работ по современной экономической истории, причем и в этих работах экономическая история и экономическая теория все более расходились, что стало особенно тревожным с появлением "клиометрии" — количественных методов в историко-экономических исследованиях.

В качестве наиболее серьезного теоретически мыслящего исследователя того периода Велер, и это примечательно для его последующего отношения к теории модернизации, особо

выделял Александра Гершенкрона. Велеру импонировала попытка американского исследователя связать специфику промышленного развития отдельных европейских стран со степенью их отставания к моменту начала индустриализации от Англии. Именно этот разрыв, по Гершенкрону, влиял на темпы экономического роста "догоняющих" стран, на тенденцию к созданию в них крупных предприятий, на саму номенклатуру промышленной продукции и на зависимость производства от импорта передовой техники, технологии и капиталов. Гонка за Англией оказалась и в отрыве промышленности от аграрного сектора, обреченного на пассивную роль, и в повышенной роли крупных банков, а также мер государственного стимулирования промышленности. Проявилась она и в усилении влияния специфических идеологий, особенно "экономического национализма", который выступал в качестве "стимулирующего фактора" (3, с.24-25). Все эти процессы Гершенкрон прослеживал на примерах немецкой, итальянской, русской истории, но он, как отмечал Велер, ограничивался лишь экономической историей, оставляя в стороне анализ общих социальных структур, политики и власти. Позднее, в статье "Замечания относительно современной немецкой истории общества" (8), Велер еще более настойчиво призывает к всестороннему и многоплановому изучению общественного развития индустриальных стран, и прежде всего Германии. Историки до сих пор обходили своим вниманием социально-экономические проблемы. Экономисты же в свою очередь занимались вопросами индустриализации в отрыве от социополитических и социокультурных факторов. "Даже социология, которая на основе анализа социальных структур должна была бы разработать общую концепцию, учитывающую экономические, политические и культурные аспекты, не в состоянии пока предложить ничего похожего" (8, с.3). Высказав эти критические замечания в адрес современной буржуазной науки, Велер указывает, что настало время "смены парадигм", и переходит к обоснованию того, почему эта смена должна взять за основу теорию модернизации, правда модифицированную в "марксистском", как он утверждает, духе.

Еще в предыдущей работе Велер заявлял: "В качестве стратегии исследования и объяснения, которая стремится объединить производительные силы и идеологию в их взаимодействии, можно считать непревзойденной до нынешнего времени теорию Маркса" (3, с.26). Теперь, однако, он считает необходимым усилить внимание к теоретическим взглядам Вебера и осуществить "парадигмальную революцию" на основе синтеза марксизма и буржуазных теоретиков: Вебера, Шумпетера, Гершенкрона и др.

Два комплекса идей, по мнению Велера, способны реально отразить рождение новых принципов социально-исторического исследования: исторический материализм и сравнительно-историческая по своему характеру теория модернизации. Возникнув после второй мировой войны как теоретическое обоснование политики Запада по отношению к развивающимся странам, теория модернизации постепенно пришла к представлению о некоем общем идеальном типе глобального процесса модернизации, суть которого состояла в том, чтобы отразить переход от "традиционного" к "модернизированному" обществу под воздействием научно-технических достижений, развития определенных форм социальной стратификации, преобразования системы норм и ценностей, мобилизации человеческих и природных ресурсов.

Научная критика в адрес теории модернизации, а также внутри самой этой теории, существенно раздвинула ее границы к концу 60-х годов. Общим местом этой критики было чувство неудовлетворенности в связи с фиксацией на США как "осуществленной утопии" подлинной модернизации и нежелание видеть западный империализм в целом со всеми его последствиями. В теоретическом плане недостаточно убедительным представлялось изображение модернизации как линейного эволюционного развития взаимозависимых элементов социальных систем при явном пренебрежении к социальным противоречиям. В плане методики критике подверглись наивные увлечения измерением, накоплением метрических данных, а также статичность дихотомии "традиционность" - "модернизированность". Кроме того, критика справедливо указывала на то, что при такой трактовке модернизации индустриали-

зация совершенно неправомерно приравнивается к демократизации, и недооценивается борьба за внутривластительное господство и приспособление к международной системе, в результате которой характер традиционных обществ извращается до неузнаваемости.

Наконец, отмечалось, что изучение самих процессов трансформации традиционных обществ на пути их модернизации является явно недостаточным.

В ответ на эту критику сторонники теории модернизации выдвинули два аргумента, связанные с ее дальнейшим развитием. Во-первых, исследованиям модернизации предписывалось "лекарство историчности". Это означало, что надо более детально изучать конкретные процессы, выявляя их специфически-исторический характер. Во-вторых, основной интерес следовало сосредоточить на регионах, где модернизация имела единственно автохтонный характер: на Северной Америке и Европе. "Тем самым исследование модернизации в определенном смысле вернулось к одному из самых важных своих исходных пунктов: оно взяло на вооружение инструментарий, разработанный М.Вебером для реализации присущего ему интереса к своеобразию Запада, стремясь определить причины и условия развития победоносного промышленного капитализма методами своей сравнительной исторической социологии. После горького опыта с практическими и научными проблемами "третьего мира" немало самых "светлых голов", занятых изучением модернизации, потребовали возврата именно к этим проблемам своеобразия Запада" (8, с.6).

Хотя на основе веберизма и не удалось создать "замкнутую теоретическую систему изучения модернизации", продолжает Велер, однако оказалось возможным очертить область проблем и наметить пути их решения с учетом данных различных наук: социологии, экономики, политологии. При этом модернизация стала мыслиться как системный процесс, связанный с проблемами общего характера, и в то же время — как конкретно-исторический процесс, содержащий в себе самые различные возможности решения проблем.

Автор считает, что приоритет в формировании общей теории модернизации отныне должен принадлежать исторической

науке, однако историк обязан пользоваться методами исторической социологии. В любом случае понятие "модернизация" приложимо к комплексу взаимосвязанных или же автономных процессов эволюции, проложивших себе путь после "двойной революции" конца ХУШ в. "Историческое изучение модернизации должно способствовать координации усилий тех общественных наук, которые заинтересованы историей возникновения "модернизованности" и могут внести практический вклад в его изучение" (8, с.9). Благодаря историческому подходу удастся выявить своеобразную смесь традиционных и модернизированных элементов в ходе всего процесса преобразования.

В этой связи Велер пытается подойти к марксизму как "старейшему варианту теории модернизации". Эволюционные учения XIX в., замечает он, получили импульс в гегелевской философии. Развитие — одна из основных категорий марксизма. Но Велера не устраивает, что, по Марксу, якобы все развитие идет по заранее проложенному пути — развитая страна показывает менее развитой лишь картину ее собственного будущего. А главным образом Велер не приемлет Марксову революционную интерпретацию развития. Вместе с тем, заключает он свои рассуждения о Марксе, идея полного коммунизма связана с древнейшими западноевропейскими идеалами жизни в рамках общности. Конечно, пишет Велер, теорию Маркса вовсе не обязательно "встраивать" в традицию изучения модернизации. Но, делает он характерное замечание, это вполне можно проделать, в частности, для того, чтобы "показать относительность ее притязаний". "Против соревнования "буржуазной" теории модернизации и марксистской теории эволюции вообще нельзя возражать. Напротив, их поединок ведет к строгой проверке претензий на превосходство каждой из названных теорий. Но если стоять на позиции абсолютного своеобразия и абсолютного превосходства учения Маркса, то это обязывает доказывать его полное несовпадение с общим контекстом теории модернизации. Между тем нам кажется полезным рассматривать Маркса в русле основного потока западноевропейского эволюционного

мышления" (8, с.11). И это, по Велеру, будто бы позволит полнее выявить исторический характер Марксовой теории, связывающий ее с классическим немецким историзмом. Так совершается отход Велера от его первоначальных полумарксистских позиций в сторону буржуазной теории модернизации¹). Исторический материализм, продолжает он, обладает высокой способностью к интеграции разрозненных исторических фактов, из которых состоят длительные процессы развития. Однако западногерманский автор фактически требует пересмотра наиболее важных положений марксистской теории. Особенно существенным Велер считает то, что Марксу не пришлось заниматься специально явлением бюрократизации, которую Велер характеризует как основной феномен современного мира. Если Маркс считал бюрократию присущей определенной и недолговечной фазе конкретной общественно-экономической формации, продолжает Велер, то, наоборот, Макс Вебер "рассматривал ее как универсальную, неизбежную, нейтральную по отношению к системе тенденцию всех промышленных обществ" (8, с.14). С другой стороны, западногерманский историк считает, что если осовременить и уточнить Марксово определение производительных сил, то их развитие будет "означать не что иное, как модернизацию" (8, с.14).

Все это подводит Велера к примирению с альтернативой теоретического эклектизма. "Если бы было возможно, то следовало бы сделать выбор в пользу той или другой позиции. Но если нет, то неизбежно возникает новая проблема: теоретический эклектизм" (8, с.15). Не реконструкция "исторического материализма", а его синтез с другими воззрениями — такова теоретическая методологическая перспектива, которая рисуется Велеру необходимой для решения научных проблем современности. И прежде всего при таком синтезе должны быть использованы взгляды М.Вебера. Оба они, за-

1) Критику взглядов Велера обществоведами ГДР см. на с. 93-108 настоящего изд. — Прим.ред.

являет западногерманский автор, имея в виду Маркса и Вебера, представляют "европейскую традицию в социальной теории, которая понимает процесс общественного развития как болезненное изменение структур с неизбежными кризисами, постоянными конфликтами, резкими диспропорциями, как процесс роста, разумеется, но как по своей исторической природе неравномерное, непоследовательное развитие, способное впасть в инволюцию и регресс" (8, с.17). По остроте осознания конфликтов, продолжает он, трудно отдать предпочтение Веберу перед Марксом или наоборот. Оба мыслителя выдвигали аргументы структурно-генетического характера, стремились показать условия зарождения и становления западного промышленного капитализма. При этом решающими факторами исторического развития у обоих выступают буржуазные города с их автономными социально-экономическими и политическими самоуправляющимися корпорациями; индивидуалистские установки по отношению к собственности и производству, институционализация права на частную собственность на основе рецепции римского права; преобладание достижительной ценностной ориентации, постепенное расширение представлений о социальном пространстве, коммерциализация сельского хозяйства, наконец, развитие классов, связанных с рынком, а не с основанным на кодексе "социальной чести" прямым господством и подчинением сословного мира. Сюда же Велер относит покорение окружающего мира в результате его "расколдования" и "рационализации" средствами буржуазной науки и техники.

"...Вебер непосредственно или в модифицированной форме заимствовал многие элементы Марксова анализа в качестве важнейших составных частей его собственной исторической систематики. Достаточно прочесть то место в его "Истории хозяйства", где он определяет общие предпосылки промышленного капитализма, чтобы понять, как прочно Вебер стоит на плечах у Маркса" (8, с.18-19).

Но у Маркса, заявляет Велер, "можно обнаружить" скрытый позитивизм, выражающийся в его вере в неограниченные возможности развития после освобождения производительных сил "от оков частной собственности", в то время как М.Ве-

бер "понимал опасность окостенения бюрократического государства и даже возврата к варварству" (8, с.17).

Признавая и подчеркивая непреходящую ценность гуманистического содержания марксизма, его непримиримость ко всем проявлениям социальной несправедливости, его сочувствие угнетенным, непривилегированным, обездоленным, Велер ставит эти черты выше "аристократического индивидуализма" М.Вебера. Но ограничивая свое признание Маркса в основном общегуманистической трактовкой и "ранним Марксом", Велер полностью отвергает марксистское учение об исторической революционной миссии рабочего класса и революционной классовой борьбе как победоносной движущей силой истории и в конце концов призывает к новой теоретической ревизии марксизма.

"Вопрос о том, что является движущей силой социальных изменений, составляет гигантскую проблему для любой теории. И она вряд ли может быть решена с помощью ссылок на учение Маркса о противоречиях или на попытки Вебера приписать великим харизматическим личностям прямо-таки революционную роль в историческом движении. Помимо системного эволюционного подхода к объяснению этого вопроса в теоретическом плане у историков есть и сугубо прагматический путь - осмысление исторической динамики с помощью различных продольных исследований и анализа ситуаций, проверки претензий на всеобъемлющие системные объяснения конкретным изучением "исторического индивида" и перевода его результатов на язык исторической теории" (8, с.19-20).

Как бы становясь на этот путь, западногерманский автор в своей последней книге "Историческая социальная наука и историография... (7) пытается набросать план исследования новейшей германской истории как эксперимента теоретически продуманного истолкования конкретных исторических событий данной страны, занимающей важное место в массиве "загадок" общеисторического развития. Свой план Велер прямо противопоставляет многолетним консервативным традициям немецкой историографии, не только закосневшей в романтической идеализации германской политики и просто в шовинизме,

но и в конце концов оказавшейся на общей платформе с Гитлером. "Страшное само по себе отсутствие протеста историков против захвата Гитлером власти, а затем и против нацистского режима объясняется не симпатией к фашизму как таковому и не страхом. Из 150 профессоров, преподавателей и приват-доцентов истории к январю 1933 г. ни один не являлся членом нацистской партии. Однако многие авторитетные представители исторической науки исходили из тех же самых предрассудков, опасений и целей, которые сыграли важную роль в становлении политической идеологии национал-социализма" (7, с.16-17). Автор перечисляет важные для понимания его собственных взглядов пункты, по которым немецкие историки были согласны с Гитлером: ревизия Версальской системы, стремление к сильному государству и германской гегемонии в Европе, великодержавная немецкая идеология.

Однако страшный опыт нацизма явно требовал пересмотра традиционных парадигм германской исторической науки и нового взгляда на общий ход исторического процесса. Что касается традиционной консервативной историографии, то она так и не вышла за рамки чисто "моральной самокритики" (7, с.18) и отдельных поправок к трактовке германского фашизма.

Если основу немецкой историографии на протяжении десятилетий составляло представление о непрерывности развития западного культурного региона, то теперь для объяснения фашизма стали говорить о "разрыве традиции". Таким образом Гитлера можно было объявить носителем "экзистенциального зла", случайно нарушившим "святость германского мира". Такого рода объяснения снимали с повестки дня вопрос о причинах "податливости" немецкого общества власти диктатора. Приобрело широкую известность высказывание Мейнеке о Гитлере: "Этот человек... вовсе не принадлежит к нашей расе. В нем есть что-то абсолютно чуждое, как в древней вымершей расе, которая еще была полностью лишена морального сознания" (цит.по: 7, с.18). Быть может в этой характеристике Гитлера как личности есть свой резон, замечает автор, но она слишком часто служила предлогом для того,

чтобы закрыть глаза на социально-исторические предпосылки установления фашистского режима. Герхард Риттер, например, рассматривал национал-социализм в свете общих западноевропейских политических и культурных проблем, таких, как массовая демократия, однопартийная система, вождизм, упадок культуры и распространение нигилизма. "Его не смущал тот факт, что из всех западных промышленно развитых стран только Германия породила радикальный, самобытный вариант фашизма, сумевший добиться успеха" (7, с.19). Впоследствии Риттер признал необходимость использовать в исторических исследованиях основные категории экономики в сочетании с социологическими методами. Однако он никогда не применял их на практике.

Лишь к началу 60-х годов сформировался контингент молодых историков, готовых к серьезному пересмотру застарелых академических догм. По времени этот процесс совпал с началом движения "новых левых", и многие из молодых ученых это движение поддержали. В радикальной атмосфере того времени представители предшествующего поколения проявили большую готовность принять новые идеи, чем этого можно было от них ожидать (хотя, по мнению Велера, сами "левые" не внесли полезного вклада в исследование национал-социализма).

На этом фоне, начиная с середины 60-х годов, и развернулась общая теоретическая дискуссия о значении экономической и социальной истории. Основной теоретический тезис, вокруг которого развернулась дискуссия, встретил теперь гораздо более широкую поддержку, чем раньше. Речь собственно шла о теоретическом значении социально-экономических факторов в ходе промышленно-капиталистического развития. На первый план выступила проблема интересов, связанных с различными аспектами этого общесоциального процесса преобразований. В связи с этим в гораздо большей степени, чем раньше, оказалось необходимым выработать четкие теоретические позиции. Возникло стремление связать принципы исторической герменевтики с системным анализом, приложимым к индивидуальным анонимным процессам и структурам.

"Никто уже не оспаривает значение социальной и экономической истории для современной истории... Она превратилась в неотъемлемую составную часть исторической науки. Сейчас уже никто не принимает всерьез упреки в "узости материалистического подхода" (7, с.27-28).

Вместе с тем среди историков зазвучало требование: "больше теории".

"В конечном счете не имеет значения, говорим ли мы об исторической социальной науке или же о социально ориентированной исторической науке. Важно, чтобы она удовлетворяла предъявляемым к ней требованиям..." (7, с.30).

Автор считает плодотворным исследование ранних этапов индустриализации, формирования и развития социального слоя служащих, "средних слоев" и всевозможных союзов и объединений. Новый предмет исследования - социальная история трудящихся, теснящая традиционную историю рабочего движения, в области которой, правда, также достигнуты большие успехи. Широко ведется изучение социальной мобилизации. Другие важные области, например история буржуа-предпринимателей и буржуа-интеллигентов, все еще покрыты мраком. Новой исторической науке, по мнению Велера, предстоит исследовать множество других проблем, например, соотношение социальной и экономической истории, их связь с историей политики, а также связь между внутри- и внешнеполитическим развитием. Немецкой социальной истории предстоит изучить историю семьи, повседневной жизни, историю образования, городов и т.д. В итоге должна возникнуть целостная картина общественного развития, взятая в единстве трех основных измерений: экономики, власти и культуры.

Сформулировав эти немалые притязания нового направления, Велер вновь заявляет, что теоретической базой для построения теории в сфере общественно-исторических исследований должны служить взгляды Маркса, "самого значительного исследователя в области социальных наук в XIX в." (7, с.112). Сам он предлагает модель промышленной и социальной истории Германии из семи пунктов.

1. Промышленной революции в западноевропейских странах предшествует аграрная революция. Она создает предпо-

сылки для современного высокоэффективного сельскохозяйственного производства, которое, с одной стороны, призвано обеспечить продуктами питания стремительно растущее население, а с другой — содействовать накоплению капитала.

2. В ходе промышленной революции создается постоянно расширяющаяся система индустриального производства, постоянный рост которой не в состоянии прервать даже войны и катастрофы. Эта способность к расширению и есть то принципиально исторически новое, что присуще промышленному капитализму.

3. По самой своей природе этот рост происходит неравномерно, сопровождаясь скачками, застоєм, отставанием отдельных отраслей или же непропорциональным ростом других.

4. С развитием промышленной системы растет концентрация производства, вместо свободно конкурирующих друг с другом мелких и средних предприятий возникает олигополитическая система организованного капитализма.

5. Неразрывная связь устанавливается между экономическим, технологическим, социальным и политическим развитием.

6. Одновременно растет потребность в социальном контроле неудержимо разворачивающейся промышленной системы. Эта потребность отчасти реализуется руководством объединений крупных предприятий, картелей и синдикатов, однако по-настоящему контроль может осуществляться лишь государством с его органами планирования и управления.

7. В политическом плане это неизбежно порождает альтернативу: либо авторитарная, в том числе и фашистская, система, либо массовое демократическое социальное общество. Экономическая основа этой альтернативы остается постоянной. В Германии выбор затянулся до 1945 г. со всеми его фатальными последствиями, и поэтому надо вновь обратиться к исследованию экономических предпосылок фашизма и экономических проблем в период его господства (7, с.112-113).

Автор заявляет, что эти идеи опираются большей частью на Маркса и потому могут встретить возражения эмоционального характера у "традиционных" историков, но рациональ-

но им трудно что-либо противопоставить. Стремясь оправдать свое предпочтение Маркса, он ссылается на Трельча, который тоже признавал неоспоримую плодотворность Маркса методологического подхода.

В дальнейшем статья Велера представляет собой развернутый комментарий к семи пунктам, резюмируемым им как "теория капитализма К.Маркса". Насколько своеобразно трактует Велер марксизм, видно из его расшифровки некоторых пунктов, которые он считает особенно важными для экономической истории Германии.

1. Аграрные предпосылки индустриализации являются сейчас острой проблемой в развивающихся странах, так называемое "освобождение крестьян" между 1807 и 1848 гг. в Германии тоже можно рассматривать как аграрную революцию, явившуюся предварительной ступенью промышленной революции. Средневековье в области аграрных отношений кончается только с освобождением крестьян. Это создает предпосылки для дальнейшего экономического прогресса. В Пруссии, например, за 50 лет — с 1816 по 1864 г. — невозделанная площадь сократилась с 40,3 до 7,1% от общей земельной площади, но больше всего увеличилась площадь под зерновыми — на 94%, т.е. практически она удвоилась, ее доля в общей площади обработанных земель выросла с 26,5 до 51,4% (7, с.115).

Автор считает, полезным сравнительное изучение моделей аграрной революции, обращая внимание на то, что сходные процессы имели место 60 лет спустя в Японии, где мероприятия по модернизации оказались близкими тем, которые проводились в Пруссии.

2. Промышленная революция — это общепризнанная категория исторической и социальной науки. Автор дает определение промышленной революции по А.Гершенкрону: это — "специфическая концентрация процесса индустриализации в период его стремительного роста" (7, с.115). В связи с промышленной революцией остро встает проблема периодизации экономического роста. Выдвинуто несколько теорий периодизации, каждая из которых оказалась уязвимой для критики. Автор считает, что историка не должен пугать эклек-

тизм, и можно брать на вооружение любую из этих теорий, если она соответствует специфике научных интересов исследователя. Наиболее известная из этих теорий сформулирована У.Ростоу (пять стадий экономического роста), однако и до него предпринимались попытки установить такого рода периодизацию (Лист, Рошер, Хильдебрандт, Шмоллер, Бюхер, Зомбарт, Маркс и др.). Несмотря на всю критику, которую вызвала теория стадийного роста, Велер считает возможным причислить ее к "самым плодотворным" научным достижениям нашего времени: в частности, благодаря ей; по его мнению, удалось взорвать узкие рамки национальной экономической истории и перейти к сравнительному анализу экономического развития.

Из соображений операциональной целесообразности Велер, опираясь на периодизацию У.Ростоу, выделяет четыре фазы развития капитализма в Германии: 1) предыстория промышленной революции – примерно до 1845 г.; 2) промышленная революция, т.е. скачок слаборазвитой страны в сфере экономического развития – с 1845 по 1873 г. Достижение уровня промышленно развитой страны характеризуется постоянным повышением дохода на душу населения и ростом доли капиталовложений от 5 до 10–12% от общего объема национального дохода; 3) следующая фаза – либеральная эпоха промышленно развитого капитализма – 1873–1896 гг.; 4) период "организованного капитализма", преобладания крупных предприятий и регулирующего вмешательства государства в экономическую жизнь.

Данная периодизация экономического развития ставит перед исследователем ряд новых проблем. Это, прежде всего, изучение "сдвига фаз" в экономическом развитии отдельных стран, т.е. неравномерности их развития со всеми сопутствующими этому факту явлениями. В этой связи, по Велеру, необходимо верифицировать тезис Маркса: "Более развитая страна показывает менее развитой лишь картину ее собственного будущего". Исторический опыт свидетельствует о том, что наряду с общими моментами, развитие разных стран сопровождается целым рядом особенностей, приобретающих решающий характер. Эти особенности требуют в методическом

плане строгой квантификации экономических данных. Особенно остро эта проблема стоит в Германии, где нет такой мощной традиции количественной истории ("клиометрии"), как в США, Англии и Франции. Недостаточно работ имеется и по отдельным фазам индустриализации. Единственное исключение — добротные исследования мануфактур, появившиеся в последнее время в ФРГ и в ГДР.

Недостаточно изучены и проблемы "большого скачка" в промышленном развитии. Здесь до сих пор непревзойденными являются работы Х.Розенберга тридцатилетней давности. То же самое относится и к периоду 1873—1896 гг., который в немецкой историографии называют эпохой "великой депрессии". Этому периоду посвящена недавняя фундаментальная работа того же Х.Розенберга; кроме того, автор ссылается и на свои собственные работы, результаты которых оказались в полном единодушии с выводами Х.Розенберга. По экономической истории первой мировой войны лучшие работы, по мнению Велера, написаны в ГДР и в США. Неудовлетворительным он считает положение в изучении экономической истории Веймарской республики и мирового экономического кризиса 1929 г., хотя здесь имеется масса работ. До сих пор не написана экономическая история национал-социализма, несмотря на острую потребность в такого рода исследовании и на достаточное количество времени, прошедшее после окончания второй мировой войны. И в этом вопросе иностранные историки имеют преимущества перед немецкими — наиболее авторитетные монографии по экономике фашизма были написаны за рубежом.

Среди многочисленных теорий, объясняющих неравномерность экономического роста, большинство оказалось непригодными, так как они не выдерживали эмпирической верификации. К ним автор относит "экзогенные и монетарные теории, которые решающими факторами считают войны, эпидемии, природные катастрофы, а также обеспеченность капиталом и драгоценными металлами. Ключевые позиции завоевывают, наоборот, эндогенные теории, исходящие из макроэкономических процессов развития, в которых диспропорции роста объясняются фундаментальным влиянием избытка капиталовло-

жений, производственных мощностей, перепроизводства" (7, с.121). Однако теорию, согласно которой диспропорции экономического роста объясняются диспропорциями капиталовложений и последующим преобладанием соответствующих секторов экономики, автор называет "исторической теорией героев, перенесенной на вещи", хотя и придает ей некоторое значение как объяснению механики колебаний конъюнктуры и смены экономических циклов.

Другой теорией, объясняющей противоречия политического и экономического развития на этапе "индустриального общества", является концепция А.Гершенкрона, который исходит из уровня экономической отсталости каждой отдельной страны накануне "большого скачка". Из этого можно исходить и при анализе немецкой истории после 1848 г. В противоположность эволюционному развитию в Англии и в США, в Германии он произошел в результате реформ сверху, в течение короткого промежутка времени — примерно 20 лет — на фоне преимущественно традиционалистских общественных и политических отношений, которые до конца эпохи Бисмарка так и не были "синхронизированы" с промышленным развитием. А так как в течение короткого периода был достигнут самый высокий уровень промышленного развития, последствия которого стремительно вторгались во все сферы жизни страны, то возникли противоречия такого масштаба, что на их преодоление ушло почти целое столетие. Учитывать эти обстоятельства необходимо при изучении всех сторон германской действительности, особенно прихода к власти национал-социализма.

Касаясь процесса концентрации, автор выделяет пять этапов (или уровней): от создания горизонтальных и вертикальных промышленных объединений до национального, регионального и глобального регулирования и подчинения экономического развития.

В заключительной части своей статьи автор подчеркивает, что при рассмотрении всех проблем очевидной была взаимосвязь между экономическим и социально-политическим развитием. Только таким путем можно исследовать самые актуальные проблемы современной истории. К ним автор относит

формирование современного "регулирующего" государства и историю германского фашизма, который "можно адекватно истолковать теоретически только в том случае, если теория будет учитывать как последствия индустриализации, так и влияние традиционных факторов" (7, с.125), — пишет Велер.

Индустриализация — это феномен, последствия которого для современного мира трудно переоценить. Поэтому правомерно призвать историков бросить все силы на его изучение. "Однако в настоящее время исторической науке в Германии, с ее нерешенными проблемами теории и методологии, лишь предстоит важная фаза количественного и качественного роста — то, что в теориях стадий называется "тейк-офф" (7, с.125).

Интересно отметить, что оптимизм Велера относительно перспектив развития социальной истории в ФРГ как составной части общего знания о социально-историческом процессе соседствует с тревогой по поводу оживления консервативных тенденций, приведших к "причудливым формам переплетения старого и нового консерватизма на фоне общей модной ностальгии по прошлому. Начались выступления против развития и без того запоздавшей социально-экономической истории. Сотрудничество с другими гуманитарными науками стало отвергаться..." (7, с.35). Велер констатирует ухудшение общей атмосферы в академической среде. В некоторых случаях полемика против левых ученых принимает характер травли. Так, например, боннский историк В.Хубач, один из наиболее агрессивно настроенных германских консерваторов, обвиняет сторонников социально-экономической истории в том, что они слепо следуют "диалектическому материализму в той форме, которую ему придали Маркс-Энгельс-Ленин — хотя до сих пор ни один сколько-нибудь заметный западногерманский историк ему не следовал — и рассматривает историю как арена борьбы против империализма и капитализма" (7, с.36). Аналогичным образом выступает и кельнский историк А.Хильгрубер, предостерегающий молодежь от увлечения марксизмом. В Майнце и в Мюнстере на позициях неоконсерватизма стоят, соответственно, В.Баумгарт и К.Хильдебранд. Новый феномен представляет

сегодня правоконсервативный национализм (Х. Ливальд, Д. Хоган), выступающий с позиций, близких национал-социализму. К счастью, такого рода позиции встретили широкий отпор. Голо Манн, например, написал в своей рецензии, что "ничего более чудовищного он не читал ни в одной немецкой книге после 1945 г." (7, с.37-38).

Если взгляды историка Велера связаны с попыткой разработки теории модернизации в духе соединения веберианства с марксизмом и построения общеоисторической концепции развития, опирающейся на конкретику исторических данных, то его коллега социолог В. Шапф прямо берет за основу американские концепции развития. Изданный им сборник статей "Теории социальных изменений" (6) включает в себя переводы известных работ американских авторов.

В теоретическом введении, написанном В. Шапфом, подчеркивается, что понятие "социальные изменения" принадлежит к основополагающим понятиям социологии. После того как это понятие впервые было использовано в 1922 г. В. Ф. Отборном, оно очень быстро заменило либо обобщило те категории, с помощью которых классики анализировали социальные изменения - "социальная динамика", "трансформация", "переворот", "эволюция", "дифференциация", "циркуляция", "прогресс", "упадок". "Область проблем, охваченных теорией социальных изменений, сейчас стала шире, чем социология, - она распространяется на весь спектр социальных наук" (6, с.11).

Диапазон определений понятия "социальные изменения" весьма широк, указывает автор, - от изменения социальных отношений до изменения типов общества, от перемен в позициях господства до изменения систем ценностей. Все эти определения предполагают, что существует определенное понимание "природы" самих социальных единиц, подлежащих изменениям. Но как устроены эти изначально стабильные единицы, каковы силы, которые могут преодолеть их стабильность, в каком направлении идут процессы изменений, каков логический статус тех ответов, которые могут быть даны на все эти вопросы? По поводу перечисленных проблем в современной науке существуют противоречивые теоретические и

методологические позиции. Рассматривая их, автор подчеркивает значение исследований такого явления, как модернизация, и роль в этих исследованиях сравнительного анализа, занимающего в спектре теоретических приемов место между "моделями", с одной стороны, и "метатеорией" и социально-философской праксеологией — с другой.

Господствующее положение в современной социологии развития, по мнению Шапфа, принадлежит структурно-функциональному анализу. Одна из центральных проблем, поставленных на основе этого метода: "можно ли аналитически представить изменения культуры как независимые от изменений социальной структуры, иначе говоря, возможна ли "диффузия культуры" в смысле простой трансплантации культурных стереотипов. Применительно к теории модернизации это связано с вопросом, в какой степени экономические и политические процессы развития можно аналитически отделять от "социальных" изменений, и что означает, например, сохранение "структурных рамок", внутри которых происходит рост продукции на душу населения, власти или консенсуса" (6, с.16).

Вообще говоря, заявляет Шапф, проблема модернизации стоит в центре изучения общесоциальных процессов изменений. Автор считает целесообразным выделить два направления исследований этой проблемы. Первое — это приведенные выше концепции системно-структурного анализа. Модернизация истолковывается как "кумулятивное" накопление мощностей: повышение общесоциальной способности к адаптации, к саморегулированию, к самостоятельности и автономии. Парсонс, который 30 лет назад объявил, что Спенсер мертв, сам пришел к глобальному эволюционизму. Он трактует развитие таких явлений, как социальная дифференциация, легитимация территориальных границ, бюрократизация, валютные и рыночные институты, общее право и демократические ассоциации как "эволюцию универсалий", как разворачивание комплексов, структур и процессов, которые каждое общество должно либо открыть заново, либо импортировать извне, если оно хочет достичь более высокого уровня способности к адаптации. Любое нововведение такого рода создает необходимость

для нововведений следующей ступени. Модели стадий и фаз модернизации, не претендующие на такой уровень универсально-исторической необходимости, — например, Алмонда, Росту, Лернера, — в принципе построены по такой же схеме.

Вторая группа исследований, касающихся модернизации в более узком смысле, не употребляет глобальных категорий. Она представляет собой скорее "каталог" свойств или параметров "традиционных", "переходных" и "модернизированных" типов общественных систем.

Теории экономического роста, индустриализации, формирования государств и наций, социальной и психической мобилизации пытаются объяснить факторы, формы, параметры и взаимосвязи отдельных векторов развития. "Можно попытаться объединить различные частные теории на основе теории систем, трактуя модернизацию как взаимозависимую систему процессов изменения и разделив ее по крайней мере на шесть сфер: культурное, политическое, экономическое, "социальное", психическое и международное развитие. При этом "культура" и "личность" должны рассматриваться в смысле "экзогенного окружения" Парсонса; политическая, экономическая и в узком смысле социальная подсистемы должны выступать как эндогенные сферы функционирования общества, находящегося в процессе модернизации; посредством категории международного окружения можно описать "супрасоциальный уровень", о котором говорит Этциони" (6, с.23). На этой основе можно выделить четыре задачи "системной теории модернизации", для которой другие научные дисциплины должны "поставлять строительный материал". Для начала можно обособить процессы развития шести разных областей и попытаться дать им самостоятельное объяснение. Этим занимаются теории политического развития, экономического роста, мобилизации и т.д. Далее можно выделить предпосылки развития той или иной сферы. Это исследование политических предпосылок экономического роста, психических предпосылок социальной мобилизации и т.д. На языке теории систем это означает исследование взаимодействия между сферами. В дальнейшем можно изучать тенденции процессов модерниза-

ши с помощью идеальных типов (условия равномерной дифференциации и повышения мощности). И, наконец, можно изучать условия отклонения от господствующих тенденций, специфические пути и формы развития и "частичную модернизацию".

В свете такого подхода становится очевидным, что классические теории "одного фактора", определяющего социальные изменения, например интеллектуальные или технические "открытия", экономические противоречия, изменения окружающей среды, интересы правящих элит, — в настоящее время уступили место теориям, учитывающим множество факторов. Правда, отмечает Цапф, существуют разногласия по поводу того, что можно считать эндогенными факторами, а что — экзогенными, как определять роль каждого из них, при каких условиях они становятся действенными.

Литература по политической, экономической и "социальной" модернизации достаточно обширна, но она, как правило, носит макроскопический характер. Вместе с тем существуют микроскопические исследования психических и культурных предпосылок и последствий процесса модернизации, в которых на первом плане стоят установки, способы восприятия действительности и первичные отношения между людьми.

Важной проблемой изучения социальных изменений является вопрос об их направленности, "Не случайно, что процессы изменений, вышедшие из-под контроля — затяжные кризисы, беспорядки, революции, — описываются как помехи развитию, регрессии или же диспропорции. Вопрос о направленности развития одновременно является вопросом о возможности определить масштаб изменений и степень отклонений от изначального положения: радикальность изменений (масштабы помех и конфликтов и те преобразования, которые они за собой влекут); стремительность изменений (темп); соотношение запланированных и незапланированных моментов в изменениях (управление в противовес реактивному приспособлению); ускорение или замедление — таковы общие векторы изменений, которые на основе новых теорий должны быть измерены еще и количественно" (6, с.17).

В результате такого подхода развитие человечества предстает не как развитие "человеческого сообщества", а как борьба между множеством обществ, как конкуренция. "В международной перспективе теория общесоциальных изменений предполагает не бесконечный рост, а учет того важного "социального факта", что общества развиваются в форме разнообразных отношений коммуникации, обмена и конфликта" (6, с.25). Основное, что привлекает В.Шаффа в системных теориях развития, — естественнонаучный подход. Представляемые им авторы — это социологи, политологи, экономисты, специалисты по различным естественным наукам. Отождествляя естественнонаучный подход с "научным" методом изучения общества, В.Шафф заявляет: "Граница проходит не между "позитивистскими" и "марксистскими" принципами, а также не между генерализирующим и историческим анализом. Граница, которую я имел в виду, определяется скорее на основе четко выраженных принципов и интересов исследования" (6, с.19).

Работа ученика профессора Шаффа П.Флоры "Исследования модернизации. Эмпирический анализ общественного развития" (2) представлена им как результат изысканий в области количественного анализа модернизаций, проводившихся с конца 60-х годов под научным руководством проф.Шаффа, с целью получения статистических данных, характеризующих основные процессы модернизации в шести странах начиная с 1915 г. Собранные статистические данные опубликованы отдельно в 1971 г.1).

В своем предисловии к книге сам проф. В.Шафф выразил убеждение, что она будет содействовать преодолению тенденции сведения социальных исследований к разработке имманентной логики теоретических конструкций, чисто теоретической критике или к формальной методологии.

1) Flora P. Indikatoren der Modernisierung: Ein historisches Datenbuch. - Opladen, 1975. - 195 S.

Как и другие работы, проводившиеся в том же направлении (В.Мюллер, К.У.Майер) под руководством Шапфа, исследования П.Флоры получили широкое признание за рубежом. Все эти работы опубликованы в США, Швейцарии и Франции. В.Шапф высказал надежду, что и в странах немецкого языка они вызовут у специалистов и читателей интерес и "плодотворную" критику.

"Термин "модернизация", как отметил во введении к книге П.Флора, стал модным в США после второй мировой войны, и с тех пор прочно утвердился. Он взят из обиходного языка и в научном смысле не является однозначным, а в европейском контексте к тому же обременен культурно-критическим содержанием. Мы им пользуемся, так как он стал общепринятым и лучшего слова до сих пор нет" (2, с. 13).

Концепция модернизации, с точки зрения П.Флоры, родилась в полемике против циклических представлений о ходе человеческой истории¹⁾. Она позволила истолковать развитие в течение последних столетий как совокупность процессов роста, действующих в направлении повышения способности социальной системы к приспособлению, саморегулированию. Концепция модернизации охватывает различные аспекты культурно-политического и экономического развития, социальной и психической мобилизации, интерпретируемые как самостоятельные тенденции развития, действующие в общем русле динамики международных взаимосвязей. Она заменила такие понятия, как "европеизация", "американизация" или "западничество" (*Verwestlichung*), вытеснила (хотя и не полностью) этноцентрические представления о прогрессе.

"Модернизация", таким образом, обозначает в первую очередь процесс крупных исторических сдвигов, начавшихся промышленной революцией в Англии между 1760 и 1830 гг., политической французской революцией 1789-1794 гг. и охвативших ныне весь мир. "Изучение модернизации стоит перед

1) Имеются в виду взгляды А.Тойнби, О.Шпенглера, П.Сорокина и др., согласно которым развитие совершается как замкнутый цикл внутри каждой обособленной цивилизации. - Прим. ред.

сложной задачей: осветить как историческую уникальность, так и систематический характер данного процесса" (2, с. 13).

Поскольку сама социология, как утверждается в книге, была вызвана к жизни обеими вышеназванными революциями, модернизация стала ее центральной темой. В ходе социологической дискуссии о разрушении старого и возникновении нового порядка (главный акцент при этом делался на влиянии индустриализации на творческие способности человека и на социальную солидарность) возникли представления о "традиционности" и "современности", которые до сих пор оказывают влияние на основные социологические понятия и представления.

Критически анализируя данную интеллектуальную традицию, Р.Бендикс отметил, что она основывается на трех основополагающих идеях: а) "традиционность" и "модернизованность" имеют характер двух взаимоисключающих друг друга "систем"; б) "модернизация" порождена прежде всего внутренними процессами социального и экономического развития; в) модернизации соответствуют однозначно определенные предпосылки и неизбежные следствия.

Действительно, дискуссия о последствиях обеих революций привела к формированию представления о полярности "традиционного" и "модернизованного" общества, к представлению о каждом из них как о "системе", для которой характерна специфическая функциональная связь всех внутренних элементов и тенденция к равновесию и самосохранению. Отсюда возникала картина одновременной и последовательно протекающей модернизации, связанной с уменьшением "традиционных" и с увеличением "модернизованных" элементов. На самом деле, утверждал Р.Бендикс, "традиционные и модернизированные элементы вступают в особую взаимосвязь и реальная модернизация протекает как "частичная"¹⁾ модернизация. Таким образом, обе революции ХУШ в. лучше всего объясняются как кульминации именно европейских процессов развития. Идея частичной модернизации позволяет увидеть как раз их

¹⁾ По другим определениям, "фрагментированная" "модернизация". — Прим. ред.

специфические традиционные корни. С другой стороны, во всех "модернизированных" обществах можно обнаружить множество форм и элементов, типичных для традиционного порядка. Следовательно, "модернизацию" нельзя приравнивать к "модернизированности". В некоторых сферах жизни "модернизация" может происходить, не порождая в результате "модернизованность".

В противоположность прежним эндогенным моделям Бендикс выдвигает концепцию модернизации, основанную на взаимосвязи внутренних процессов и внешних воздействий.

Основным определяющим моментом модернизации, писал Р.Бендикс, является то, что она "относится к типу социальных изменений после ХУШ в., состоящих в экономическом и политическом прогрессе нескольких обществ-новаторов и в следовании за ними других обществ"¹⁾. В результате военной и экономической экспансии первых, а также проникновения во вторые новых идей и технологии, в "странах-последователях" ("опоздавшие нации") возник комплекс "отсталости", что превратило модернизацию в политическую и социокультурную цель и определило роль интеллигенции и государственных органов.

Концепция общих (необходимых и достаточных) условий индустриализации породила представление об универсальной модернизации и неизбежности ее однозначных результатов. Оспаривая этот тезис, Бендикс указал на решающее влияние разновременности модернизации на ее результаты и связанную с этим специфику "переходов" от доиндустриальных к индустриальным структурам в общем международном контексте.

Выявленная Бендиксом условность систематизации по признаку "традиционности" или "модернизованности" не вызывает сомнения. Верно и то, что нельзя смешивать идеальнотипические абстракции с эмпирическими обобщениями.

Но, пишет Флора, концепция ограниченной модернизации может оказаться полезной, только если благодаря ей окажутся возможными эмпирически верифицируемые прогнозы отно-

1) Bendix R. Tradition and modernity reconsidered. - Comparative studies in society and history. The Hague, 1967, vol.9, N 1, p.330.

сительно "отклоняющихся случаев". Не следует также переоценивать роль международных обстоятельств и правительств. Существенные различия в формах и содержании модернизации не могут быть объяснены только этими двумя факторами. Историческая одноразовость и своеобразие путей развития не должны заслонять всеобщность и систематический характер процессов модернизации, выражающихся прежде всего в универсальности определенных путей решения проблем развития, в рамках которых возможны различные альтернативы. Перед исследователями модернизации стоит задача связать идеальнотипические абстракции и эмпирические обобщения со специфическими историческими ситуациями.

Вообще проблемы макросоциологии после второй мировой войны решались на Западе двумя течениями: одно из них, по преимуществу американское, связано с теорией модернизации, другое опирается на марксистскую традицию. А ФРГ, как констатирует автор, в последние годы заметно вырос интерес к марксизму, в то время как исследования модернизации гораздо менее популярны.

"Если отвлечься от различий по содержанию, касающихся прежде всего самого подхода к проблемам развития, то изучение модернизации отличается от марксистской теории прежде всего меньшей теоретической замкнутостью (что делает его более противоречивым, но в то же время более способным к развитию), а также изобилием сравнительно-эмпирических исследований с четкими пространственно-временными границами" (2, с. 16). Противопоставив, таким образом, теорию модернизации марксизму, Флора сетует на то, что теоретическая неоднородность исследований по модернизации, включающих в себя широкий спектр теорий — от неозволюционистских и системно-теоретических до историко-социологических, — порождает возможность ошибочных обобщений и затрудняет последовательную критику идеологических позиций тех или иных исследователей. В.Л.Бюль указал на три общих для всех теорий модернизации положения: а) отношение к странам Запада (и особенно к США) как к эталонам "современных" общественных систем; б) подчеркивание стабильности как главной мировой проблемы и страх перед революцион-

ными преобразованиями; в) истолкование модернизации как экзогенного процесса и связанная с этим апология империализма.

Флора считает, что данная критика относится лишь к части исследований.

Исследования модернизации, по его мнению, способствовали накоплению эмпирического материала, позволяющему теоретически обобщать и осмыслять широкий круг социальных явлений. В 50-е годы интерес к макросоциологическим проблемам был вызван крахом колониальной системы в странах Азии и Африки со всеми сопутствующими образованию новых государств кризисными явлениями. В 60-е годы работы по модернизации были посвящены в основном Европе. Данная работа стремится подвести итог предшествующим исследованиям и внести свой вклад в разработку проблемы.

Ее основная тема — сопоставление двух основных интерпретаций модернизации: как длительного процесса роста или же как процесса коренных структурных преобразований. Это различие отражено, с одной стороны, в понятиях "рост производительных сил" и "изменение производственных отношений", а с другой — в понятиях "социальная мобилизация" и "структурная дифференциация". Это различие отображается и в исходных принципах построения моделей, и в проблемах и методах эмпирической верификации.

Во вступлении к первому разделу книги, озаглавленному "Эвристика моделей модернизации", автор говорит о необходимости упрощения и обобщения многообразия единичных явлений исторической действительности с целью научного осмысления. При этом "неблагодарная" задача методологии состоит в том, чтобы найти пути и средства, позволяющие отличать "гениальные" упрощения от "нелепых". В данной книге речь идет, однако, не о критике "теорий", а о "моделях" модернизации в самом широком смысле. Признаки моделей: "а) их понятия имеют относительно ограниченное отношение к историческим и региональным процессам; б) в противовес логической строгости дедуктивных систем они состоят из смеси описательных и объясняющих элементов, из эмпирических обобщений и идеально-типических конструкций; в) их ответы на вопрос о причинах развития имеют фрагментарный характер

"объясняющих зарисовок"; г) эмпирическая основа по большей части иллюстративна и расплывчата" (2, с. 18).

Существуют две основных традиции в построении такого рода моделей: англоаксонской "политической арифметики" (Лазарсфельд) и континентальной исторической социологии (Тирьякян).

Модели, оперирующие количественными методами, применяются главным образом для анализа и описания демографического развития, экономического роста, процессов социальной мобилизации, состояния госбюджетов, а также международных отношений и конфликтов.

Модели, опирающиеся на качественные типологические характеристики, используются для изучения изменений в сфере норм, ценностей, социальных институтов, структур господства и интересов.

В зависимости от теоретических интересов исследователя, интерпретация модернизации может быть весьма различной: ее можно рассматривать как рост (посредством количественных методов), либо как изменение структур (качественные методы).

С концепцией роста связано представление о неравномерности развития, т.е. несоответствия между различными процессами модернизации. Это несоответствие объясняет феномены индивидуальной аномии, коллективного насилия и политической нестабильности.

С концепцией структурных изменений связано представление о противоречиях и конфликтах в борьбе за власть, за источники сырья, о кризисах, которые ведут к "качественным скачкам" и к установлению альтернативного общественного порядка.

Самыми простыми, но в то же время и наиболее популярными моделями модернизации являются дихотомические модели типов общества. Их принцип заключается в противопоставлении структурных признаков, характеризующих начальный и конечный моменты модернизации и тем самым - "традиционные" и "модернизированные" общества. Главным недостатком этих моделей является то, что они не рассматривают столкновение интересов, т.е. сам процесс модернизации. "В связи с этим возникает задача разработать модели, которые в упро-

щенном виде воспроизводили бы именно этот процесс, не обозначая при этом промежуточные ступени как "переходные", т.е. "уже-не-традиционные" и "еще-не-модернизированные" (2, с. 21).

Наиболее актуальны три модели: модель тенденции развития, стационарная модель и типологическая модель.

Тенденция развития – наиболее часто встречаемая форма описания модернизации. Эмпирическую основу этой модели составляют расположенные по времени цифровые данные, но сами по себе они являются чисто описательными.

Типологический метод занимал ведущее место в макросоциологии XIX в. и продолжает играть ведущую роль в современных исследованиях модернизации. Типологии рассматриваются как предварительные ступени в построении теории, как переход от классификации к объяснению. Они не только выделяют ряды признаков, но и формулируют общие гипотезы, которые устанавливают между этими признаками каузальную связь.

Стадии развития представляют собой третью возможную реализацию дихотомической модели. Они могут строиться либо по описательному, либо по каузальному принципу. И в том и в другом случае они должны давать ответ на два теоретических вопроса: в чем заключается исходная проблема и что такое "стадии", чем они характеризуются? Эмпирические проблемы сводятся при этом к установлению границ между различными стадиями.

Схематически можно выделить три типа обществ: традиционные, переходные и модернизированные. В основе классификации при этом обычно лежит дихотомическая схема, которая в качестве критериев допускает те или иные совокупности признаков и пары категорий, например: "статус-договор" (Мейн), "священность-светскость" (Беккер), "сельское-городское" (Редфилд), "общность-общество" (Теннис), "механическая-органическая" (солидарность) (Э.Дюркгейм) и др. В настоящее время самой популярной является дихотомия: "традиционное-модернизированное" (общество). Автор детально рассматривает модели М.Вебера, Э.Дюркгейма, Т.Парсонса, основанные на некоторых из перечисленных парных категорий. Заслугой этих исследователей, особенно Т.Парсонса, явилась

возможность рассмотреть конкретные социальные отношения, и даже общества в целом, как смесь "традиционных" и "модернизированных" элементов, и таким образом ввести в оборот понятие "частичная модернизация", преодолев ограниченность чисто дихотомического подхода. Это, правда, не меняет того факта, что "смешанные общества", обладающие как "традиционными", так и "модернизированными" чертами, обозначаются общим термином "переходные общества", содержание которого остается, по выражению автора, "темным и неясным".

Для переходного общества характерна неустойчивость. Форма политической власти, наиболее соответствующая этому периоду, — "харизматическое господство" (М.Вебер), обладающее, с одной стороны, тенденцией к рутинизации и вырождению в систему бюрократического рационализма, а с другой — являющееся "творческой, революционной исторической силой" (2, с. 26).

Модели модернизации, где критерием является экономический рост, представлены в работах Ж.Фурастье¹⁾, для которого научно-технический прогресс выступает как независимая переменная, измеряемая ростом производительности труда. Однако в разных отраслях экономики производительность труда растет разными темпами. В результате нарушается равновесие в экономической системе традиционного общества, и на протяжении всего переходного периода, вплоть до обретения нового равновесия в так называемой "третичной цивилизации", наблюдается дисгармония в различных сферах общественной и экономической жизни. Технический прогресс из-за своей неравномерности порождает постоянную нестабильность экономики — в области занятости, потребления, доходов, цен, прибылей, госбюджета и внешней торговли. Эта нестабильность распространяется и на уровень жизни, и на образ жизни. Вторая важная причина неустойчивости переходного общества — это, по мнению Фурастье, социальная мобильность трудящихся слоев. Ее последствия выражаются в постоянном разрыве между быстрой экономической эволюцией и

1) Fourastie J. Le grand espoir du XX-e siècle. — P., 1964. — 376 p.

замедленной моральной и интеллектуальной эволюцией. Однако, как полагает автор, "в анализе этих взаимосвязей Фурастье идет не так уж далеко, не только потому, что его категории и теоретические представления являются слишком шаткими, но и потому, что он пытается объяснить все из научно-технического прогресса" (2, с. 28).¹⁾

В противовес Фурастье, С.Хантингтон¹⁾ сосредоточивает все внимание на изменении отношений между городом и деревней в процессе модернизации. Именно переход от доминирующего влияния деревни к преобладанию городской культуры порождает, по его мнению, неустойчивость во всех сферах общества переходного периода. Носителями политического недовольства и социальных потрясений в этот период являются, по Хантингтону, городские средние слои. Как и Фурастье, Хантингтон утверждает, что "на смену устойчивому традиционному обществу должно прийти, в конечном счете, после кризисов переходного периода, устойчивое модернизированное общество" (2, с. 30). Он разрабатывает типологию политических систем по критерию соотношения политического участия и политической институционализации, которая перекликается с исследованиями социальной и психической мобилизации Д.Лернера²⁾.

Д.Лернер рассматривает модернизацию как длительный процесс, ведущий от традиционного стиля жизни к стилю "участия". В его концепции изменение стиля жизни связано с изменением социальной структуры и структуры личности. Ядром этих изменений, движущей силой и проявлением модернизации является мобильность, которая в самых различных своих формах "эмансипирует" человека от того места, которое он прочно занимал в обществе. Этот "отрыв от корней" порождает повышенную потребность участия в общественной жизни. "В соответствии с данным представлением, модернизированное общество - это "общество участия", в котором

1) Huntington S.P. Political order in changing societies. - New Haven; London, 1968. - XI, 488 p.

2) Lerner D. The passing of traditional society. - Clencoe; N.Y., 1964. - XIII, 466 p.

граждане принимают участие в рыночной экономике, образовательных институтах, в средствах массовой информации и в форумах по обмену мнениями, а также в уличных манифестациях и в выборах" (2, с. 33).

На основе типологии Лернера можно конкретизировать понятия "нестабильность" и "неравновесие", применяемые по отношению к обществам переходного периода: 1) индивидуальная нестабильность – результат неравномерных изменений в общественной и социальной структуре; 2) общесоциальная нестабильность (статический аспект) – результат различий и противоречий между традиционными, переходными и "модернизированными" типами индивидов; 3) общесоциальная нестабильность (динамичный аспект) – результат сдвига фаз в социально-культурном развитии (см. 2, с. 35).

Наиболее часто в работах западных авторов рассматриваются следующие тенденции: в области психологии речь идет о возрастании лояльности и о переносе идентификации личности с малых и непосредственных групп (семья, род, деревня) на более крупные и безличные коллективы (классы, нации). В области культуры происходит рационализация и секуляризация, увеличение объема знаний и их обобщение посредством школьного образования и средств массовых коммуникаций; изменения социальной структуры ведут к слому перегородок между социальными слоями и росту социальной мобильности; экономическое развитие основывается на техническом прогрессе, а политическое развитие ведет к усилению политического участия. ■

Далее автор останавливается на методике верификации тенденций на примерах изучения демографического взрыва и социальной мобильности. Он использует работы американских социологов С.Кузнецца¹⁾, Д.Лернера, Ш.Эйзенштадта²⁾. Пер-

1) Kuznets S. Modern economic growth; rate, structure and spread. - New Haven; London, 1966. - XVII, 529 p.

2) Eisenstadt S.N. The political systems of empires. - Clencoe, 1963. - XIX, 524 p.; Eisenstadt S.N. Modernization: protest and change. - Englewood cliffs; New York, 1966. - IX, 166 p.

вый считает определяющим фактором экономического роста увеличение численности населения и пытается доказать это путем сопоставления двух рядов статистических данных, отражающих оба указанных выше процесса. Что касается тезиса о социальной мобильности, то здесь царит разноречивость и плюрализм в самом подходе к истолкованию этого понятия. "Как теория "демографического взрыва", так и тезис о росте социальной мобильности являются примером того, какие трудности возникают при верификации положений о длительных тенденциях. Если в первом случае проблема сводится к статистическим данным, то во втором она начинается уже при определении понятия" (2, с. 44).

Модели стадий развития являются более сложными, чем модели тенденций. Они связывают агрегатные изменения со структурными. И для тех и для других, по мнению П.Флоры, характерно преобладание описания над объяснением. Модели стадий применяются главным образом для изучения экономического роста, иногда – политического развития.

В качестве примеров исследований, выделяющих фазы, или стадии, применительно к политическому развитию, автор называет работы А.Ф.К. Органского¹⁾ и С.Е.Блэка²⁾. Первый определяет политическое развитие как "возрастающую способность органов управления эффективно использовать человеческие и материальные ресурсы страны в интересах ее развития" (2, с. 46). Блэк же, напротив, характеризует фазы как "концентрацию определенных критических проблем развития" (там же). Оба автора понимают, что между фазами трудно провести резкие разграничительные линии (хотя Блэк пытается указать для каждой фазы четкие временные рамки). "Фазы", с точки зрения названных авторов, не являются обще-

1) Organski A.F.K. The stages of political development. - N.Y., 1965. - XIII, 229 p.

2) Black C.E. The dynamics of modernisation. - N.Y. etc., 1966. - X, 207 p.

применимыми моделями развития, они скорее выступают как заранее установленные пределы эмпирических обобщений. В обеих схемах есть много общего, теоретически они нацелены на вычленение тех проблем, которые общество должно "решить" в ходе своей модернизации. В одной из работ выделяются три области проблем: 1) "идентификация" - формирование нации, 2) "власть" - формирование государства, 3) "равенство" - участие в распределении национального богатства (см. 2, с. 46). В этом случае модель модернизации выглядит более сложно - как сочетание "теории проблем" с типологией их решения.

Теория стадий (или ступеней) экономического роста была сначала, в XIX в., темой немецкой исторической школы "национальной экономики". Среди тех, кто брал ее на вооружение, автор называет Листа, Хильдебрандта, Бюхера, Шмоллера и Зомбарта. В свою очередь, Маркс поставил целью связать теорию и историю экономики посредством категории "производственные отношения".

В исторической перспективе концепция стадий развития восходит к философии эпохи Просвещения. В XX в. возврат к этой концепции обозначился в 50-е годы, причем не в Германии, а в англосаксонских странах.

Самая известная из современных концепций стадий экономического роста принадлежит У.Росту¹⁾, предпринявшему попытку представить ход современной истории как смену этих стадий. Концепция У.Росту претендует на роль теории всемирно-исторического развития, что ставит ее в один ряд с классическими теориями стадий XIX в. Однако она, как отмечает автор, не дает ответа на вопрос о причинах исторического развития, а лишь уточняет его формы и этапы.

1) Rostow W.W. The stages of economic growth. - Cambridge (Mass.), 1960. - X, 179 p.; Rostow W.W. Politics and stages of growth. - Cambridge (Mass.), 1971. - VII, 234 p.

Кроме того, Росту не может пройти мимо такого факта, как многообразие национальных путей развития, иногда он вынужден признавать единичность того или иного исторического факта. Это противоречие он пытается преодолеть, утверждая, что хотя все общества в ходе модернизации проходят одни и те же стадии, они избирают различные пути решения проблем. У.Росту занимался главным образом типами роста, а не содержанием каждой стадии. "...Его теорию можно охарактеризовать как последовательность универсальных проблем, для решения которых существуют очень различные индивидуальные пути" (2, с. 52).

Если экономический рост расчленяется на стадии, то для анализа политического развития более подходящими оказываются типологии. Правда, такое разделение моделей не является обязательным, иногда и при анализе политического развития речь идет о процессах роста, стадиях и фазах. Разнообразие форм политической структуры, возникновение после второй мировой войны государств со смешанными традиционными и модернизированными институтами повысили интерес к идеально-типическим конструкциям и привели к разработке абстрактной терминологии, что видно в исследованиях Г.А.Альмонда и Г.Б.Пауэла¹⁾, опирающихся на более раннюю традицию (М.Вебер) и пытающихся связать ее со структурно-функциональным анализом и теорией систем. Ядро их концепций составляет понятие о политической системе. В рамках этой системы выделяются следующие элементы: 1) политическая структура, 2) политические подсистемы, 3) политическая культура и 4) политические роли. Этим категориям соответствуют три аспекта типологии: 1) уровень дифференциации ролевой политической структуры, 2) уровень автономии политических подсистем, 3) уровень секуляризации политической культуры (см. 2, с. 53).

Под дифференциацией здесь понимается специализация ролей, структур и подсистем; автономия связана (иерархичес-

¹⁾ Almond G.A., Powell G.B. Comparative politics. - Boston, 1966. - XV, 348 p.

ки или плюралистически) со структурой контроля политических подсистем; секуляризация означает процесс, в ходе которого возрастает рациональность в характере принятия политических решений.

В типологии развития политических систем, по Алмонду и Пауэлу, Великобритания, к примеру, характеризуется как "демократическая система с высокой степенью автономии", Испания – как "консервативная авторитарная система", Бразилия – как "авторитарная система в процессе модернизации" Англия эпохи Тюдоров – как "централизованная бюрократическая империя".

Типология Алмонда и Пауэла подвержена тем же недостаткам, что и теория стадий Ростоу: абстрактность терминологий увеличивает возможность сравнения систем и одновременно снижает возможность их эмпирической оценки. Эмпирическое размежевание разных типов систем производится только по происхождению и признакам правовых институтов, норм и организаций.

Таким образом, конструкция теоретически релевантных и в то же время эмпирически обоснованных типологий должна опираться на менее абстрактные системы понятий; но это влечет за собой ограничение сравнимости, и, стало быть, такие типологии будут применимы к довольно узким областям, как в региональном, так и в историческом отношении.

Каузальный подход представляет собой более высокую степень моделирования по сравнению с типологиями и стадиями. Он имеет по преимуществу объясняющий характер, а не описательный.

В качестве примера количественной каузальной модели процесса модернизации М.Флора приводит работу К.Дойча "Национализм и социальная коммуникация" (1966)¹⁾. В национализме Дойч видит центральный феномен модернизации. В анализе национализма он исходит из двух пар категорий: "общество – общность" и "мобилизация – ассимиляция". При

1) Deutsch K.W. Nationalism and social communication. - Cambridge (Mass.), 1969. - [16], 519 p.

этом под "обществом" он понимает группу индивидов, связанных друг с другом разделением труда, производством, распределением благ и услуг. Коммуникативная "общность", или "культура", состоит из социально стереотипных форм поведения, общности языка, образа мысли, передаваемых посредством различных форм социальных процессов обучения. Общества производят, распределяют и накапливают товары и услуги, общности — информацию.

Модернизация влечет за собой перемены, порождающие процессы социальной мобилизации в широких слоях "общества", что, в свою очередь, ставит проблемы индивидуальной и общенациональной культурной ассимиляции (и дифференциации). "Социальная мобилизация" охватывает совокупность процессов, разрушающих партикуляристски-местечковые роли и коллективы, а именно: урбанизацию, индустриализацию, распространение образования и средств массовой информации. "Ассимиляция" связана с процессами обучения, в ходе которых коллективный социальный опыт на уровне "общества" постепенно вытесняет местные предания и ощущение отчужденности.

Свой анализ взаимосвязи мобилизации и ассимиляции Дойч представил в виде формализованной математической модели равновесия и проиллюстрировал эту модель эмпирическим исследованием четырех стран: Финляндии, Богемии, Шотландии и Индии. Оценивая такого рода модели (помимо К.Дойча, рассматриваются также исследования П.Хайнца), автор отмечает: "Понятие (не) равновесия содержит в себе чрезмерный акцент на "системности" процессов модернизации и атрибутов "модернизированности". Однако сравнительные исторические исследования показывают, что корреляция между отдельными процессами модернизации крайне низка. Вследствие этого содержательная социологическая интерпретация статистических показателей (не) равновесия возможна лишь при учете различия структурных контекстов" (2, с. 71).

Наконец, проблемно-типологический подход заключается в том, что модернизация представляется в виде последовательно возникающих проблем и их решений, причем исторически "состоявшиеся решения" отнюдь не исчерпывают все разнообразие "приемлемых решений". Такая постановка вопроса

содержалась уже в ранней работе У.Ростоу (1966, см. выше) а в вышедшей в 1971 г. книге "Политика и стадии роста"¹⁾ он предпринял попытку соединить типологию решения социальных проблем со своей моделью стадий роста.

Второй вариант применения типологии решения проблем автор видит в работе Б.Мура "Социальное происхождение диктатуры и демократии"²⁾. В этой работе проанализирована одна проблема процесса модернизации и три типичных пути ее решения.

Третий вариант - это "модель кризисов", разработанная группой ученых во главе с Алмондом и Паем³⁾. Эта модель стремится связать воедино множество проблем развития и путей их решения.

В работе У.Ростоу 1971 г. новым моментом является попытка соединить теорию стадий экономического роста с анализом политического развития. Термин "политика" он употребляет в ограниченном смысле: как власть правительства в границах определенной территории. Средствами политики должны постоянно решаться три задачи: 1) обеспечение безопасности, 2) обеспечение благосостояния и экономического роста, 3) обеспечение конституционного порядка.

Ростоу исходит из того, что оба процесса - политического и экономического развития - направлены на достижение и поддержание "оптимального" динамического равновесия. Различия в исходных моментах модернизации и в приходе к определенным стадиям оказывают влияние на распределение власти между отдельными государствами, и тем самым создается почва для внутренних и международных конфликтов.

1) Rostow W.W. Politics and the stages of growth. - Cambridge (Mass.), 1971. - XIII, 410 p.

2) Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. - Boston, 1970. - XIX, 559 p.

3) Pye L.W. Communications and political development. - Princeton, 1963. - 92 p.; Pye L.W., Verba S. Political culture and political development. - Princeton (N.J.), 1965. - X, -574 p.

Ростоу не внес существенных изменений в свою теорию стадий в этой новой работе. Исключение составляют два момента: он более детально исследует первую стадию — "традиционное общество", и дополняет свою модель еще одной — шестой — стадией, которую он называет "поиском качества жизни".

В новой модели У.Ростоу есть одна явная слабость: "она наглядно показывает довольно тесную связь между экономическим ростом и возникновением и разрешением политических проблем. Но объяснение различий между разными странами, находящимися на одной и той же стадии, у него тоже является функцией различных политических систем. Однако типология этих систем полностью отсутствует у Ростоу" (2, с. 82).

Работу Б.Мура автор характеризует как антипод работы У.Ростоу. Если Ростоу берет три универсальные проблемы и связывает их решение со стадиями экономического роста, то Мур концентрирует свое внимание на одном, ограниченном во времени комплексе проблем процесса модернизации и пытается объяснить различия в политическом развитии типами решения этого единственного комплекса проблем.

Сам Мур называет этот комплекс "укрощением аграрного сектора". Речь идет о политических последствиях разрушения традиционной структуры аграрных отношений. Это разрушение обусловлено двумя процессами, сопутствующими модернизации: расширением центрального аппарата власти и расширением товарного рынка, взрывающего узкие рамки локальных общин с натуральным хозяйством. Оба эти процесса связаны с проблемой положения землевладельцев и проблемой контроля над крестьянством, несущим на себе бремя модернизации.

Специфические формы решения аграрной проблемы Мур ставит в тесную связь с тремя типичными путями к модернизированному обществу: либеральной демократией, фашизмом и его предтечами и коммунизмом. Эти три пути и системы представляют собой одновременно и альтернативы, и стадии исторического развития.

Мур пытается определить условия выбора того или иного пути или "решения" методом сравнительного анализа коалиций, которые в решающие (революционные) периоды приводят к созданию политического центра, берущего на себя руководящую роль в процессе модернизации. Этот анализ охватывает 7 стран: Англию, Францию и США — как пример демократического развития; Пруссию (Германию) и Японию — как образец фашистского развития; Россию и Китай — как пример успешной "крестьянской" революции, приведшей к возникновению коммунистических режимов. В книге подробно рассматриваются обстоятельства, определившие тот или иной путь развития, в частности приобщение землевладельцев к коммерческой сфере. "Расхождение между демократическим и авторитарно-фашистским развитием Мур объясняет прежде всего формой коммерциализации и силой буржуазии и "ее" революции" (2, с. 85).

В теоретической части своего исследования Мур говорит о четырех основных "социальных группах": бюрократии, буржуазии, землевладельцах и крестьянах. Однако в анализе конкретных стран он подходит к социальным группам более дифференцированно, выделяя различные слои буржуазии и сельского населения, "люмпен-пролетариат" и "люмпен-аристократию", а также зарождающийся рабочий класс. Кроме того, его исследования обнаружили, что коалиции редко бывали однозначными и именно в революционные периоды часто пересекали социальные группы и слои.

"Работа Мура представляет собой вершину и в то же время тупик историко-социологического анализа: вершину, так как она виртуозно сочетает в себе философско-политические соображения, социологическую теорию и историческое исследование; тупик — так как она не дает перспектив для решения долгосрочной проблемы накопления научных данных для дальнейшего изучения модернизации" (2, с. 88).

Безусловной заслугой Мура является то, что он убедительно показал роль аграрной проблемы в процессе модернизации, очевидно, однако, что другие "проблемы" и способы их "решения" тоже определяли пути модернизации. Этому посвящена следующая работа, которая содержит анализ многих "проблем".

Г.А.Алмонд и Л.Пай руководили группой ученых, опубликовавших в период с 1963 по 1971 г. семь эссе по истории политического развития, в основу которых положено изучение политической модернизации с позиции "теории кризисов".

Согласно этой теории, политическое развитие представляет собой часть более общего процесса модернизации, не являясь, однако, неизбежностью, а выступая как "возможность" или как "вызов". "Модернизированная политическая система характеризуется следующими признаками: политизацией идентификации; легитимностью, определяемой в зависимости от эффективности; растущей способностью мобилизовать и (пере) распределять национальные ресурсы; расширением политического участия и возрастающей интеграцией всех секторов общества" (2, с. 89).

Различные аспекты модернизации в целом и политической модернизации, в частности, объединены в трех перспективах: структурная дифференциация, императивы равенства и "мощность" политической системы. Все три аспекта составляют противоречивый "синдром модернизации", вследствие которого сам процесс модернизации постоянно остается многозначным и незавершенным, построенным на диалектике "традиционных" и "модернизированных" элементов. Вследствие этого возникают "проблемы развития", или "кризисы".

Автор отмечает, что понятия "проблемы развития" и "кризисы" в этих исследованиях не определены достаточно четко и относятся как к обществу в целом, так и к сфере политического развития, и в первую очередь — к политическим элитам и правительствам. Плодотворным он считает положение о сферах потенциальных конфликтов, затрагивающих область правительственных решений. "Кризисы", назревающие в данной сфере, зачастую представляют собой ключевые моменты национального развития, институциональных перемен.

Однако "проблемы развития" и "кризисы" — это не более чем концепты, служащие целям общей ориентации сравнительно-эмпирического анализа и создания теории. Уточнение этих понятий и их аналитическая локализация зачастую неудовлетворительны, а попытки их операционализации еще только закладываются" (2, с. 91-92).

В качестве перспективного примера такого изучения П.Флора включает в свою книгу два эмпирических исследования.

Первое охватывает процессы урбанизации и ликвидации неграмотности в глобальном масштабе за период с 1850 по 1965 г.

Второе исследование содержит теоретическую постановку проблемы и эмпирический анализ развития образования в процессе формирования государств и наций в четырех странах: Германии, Франции, Англии и России в XIX в. Автор отмечает, что в течение многих тысячелетий после своего изобретения письменность оставалась привилегией религиозной и бюрократической элиты. Еще в середине XVIII в., к началу промышленной революции, примерно 90% населения во всем мире не умели ни читать, ни писать. Преимуществами отличалось лишь население большей части Европы, где существовали длительные традиции образования, уходящие своими истоками в средневековье.

Начиная с XIX в. развитие образования стало восприниматься как политическая проблема, хотя до сих пор по этому поводу ведутся споры. Экономические и политические проблемы как развивающихся, так и развитых стран после второй мировой войны усилили отношение к образованию как болевой точке процесса модернизации. Ни в одной сфере модернизации успехи развивающихся стран не были такими яркими, как в области развития образования. В развитых странах тоже наблюдалась экспансия образования, правда на другом уровне.

По поводу причин и последствий этого явления нет единого мнения. На уровне макросоциологической теории на первом плане стоит вопрос о взаимосвязи развития образования и экономического роста, а также политического развития. То, что образование было заново открыто в качестве экономического фактора, явилось основой для новых формулировок теории экономического роста. Это можно увидеть в работах Хозели и Мюрдаля. Однако отношение к образованию как к "измеримому количественно капиталовложению привело к недооценке институциональных рамок и культурного контекста процессов образования, влияния на них политических причин" (2, с. 140-141).

Истоки такой недооценки нужно искать во взгляде на образование как необходимую предпосылку демократии. Взгляд этот, спорный уже применительно к ранним периодам, основательно поколеблен политическими процессами в развивающихся странах. Возможно, что именно дестабилизирующие последствия распространения образования дали толчок его макросоциологическому изучению, выходящему за пределы относительно узкой проблемы политической стабильности. Наиболее подходящей основой для такого исследования являются теории и модели формирования наций и государств, основные категории которых — "политическая культура", "политическая социализация", "политическое рекрутирование", "политическая интеграция" — самым тесным образом связаны со структурой развития системы образования.

Взаимосвязь между развитием образования и процессом формирования государств и наций можно проследить по четырём направлениям: 1) расширение образования, 2) централизация контроля над системой образования, 3) демократизация контроля, 4) уравнивание шансов на образование. Не по всем этим сферам имеются равноценные данные. Количественные показатели, касающиеся первых трех пунктов, являются более надежными и многочисленными, чем данные относительно "равенства шансов" на образование.

Для четырех стран — взятых автором в качестве объекта исследования — истоки системы образования примерно одинаковы. В средние века существовала система религиозного образования, доступная ничтожному количеству людей, причем и в Европе, и в России образование велось на языках церковной культуры: латыни и старославянском. По мере роста городов и городских "средних слоев" — буржуазии, при гильдиях и цехах возникала система "профессионального образования" учеников и подмастерьев. Приобщение к грамотности широких слоев населения началось сперва в протестантских землях, а затем охватило и католические страны. Хотя впоследствии европейская система образования стала более дифференцированной, ее структурное ядро все же сохранило свое общее происхождение: с одной стороны, "окаменевшая" система церковных (католических или протестантских) школ и универ-

ситетов, с другой – растущая, но институционально строго разграниченная система "народного образования".

В ходе политической модернизации, и отчасти индустриализации, все перечисленные выше особенности системы образования породили три основные "проблемы развития": а) создание государственной системы образования путем вытеснения церковной за счет государственного контроля и отделения политической социализации от религиозной; б) увеличение числа начальных школ для народа и их "включение" в традиционную систему среднего и высшего образования; в) приведение в соответствие "латинского" образования с растущими потребностями в высшем и среднем профессионально-техническом образовании" (2, с. 147).

На примере четырех европейских стран в книге показаны возможные пути решения указанных проблем.

Рассматривая модели "мобилизации" в ходе распространения грамотности, автор выстраивает изучаемые им страны (к началу XIX в.) в следующем порядке: Пруссия – Англия – Франция – Россия. Общая статистика грамотности существует лишь начиная с 1850 г. В этот момент в Пруссии могли читать и писать 80% населения, в Англии и Франции – около 50–60%, а в России лишь от 5 до 10%. Такое положение существовало не всегда. В период с 1560 по 1640 г. Англия пережила своего рода "революцию образования", которая выдвинула ее на первое место в Европе; как ни странно, свои ведущие позиции Англия потеряла именно в период первой индустриальной революции – как показывают данные о грамотности лиц, вступающих в брак, начальное образование в период с 1760 по 1850 г. было минимальным.

К 1900 г. картина резко изменилась: в Германской империи проблема неграмотности в ее самой элементарной форме была полностью решена, в Англии и Франции – почти решена, а в России, где распространение всеобщего начального образования приходится лишь на 70-е годы прошлого века, к началу XX в. им было охвачено всего 1/3 детей школьного возраста.

Среднее и высшее образование далеко отставало от начального. Устаревшая система "элитарного образования" пе-

режила, с некоторыми приспособлениями, экономические и политические преобразования. Знаменательно, что в Англии, например, доля лиц с высшим образованием, достигнутая в 1630 г., была вновь достигнута лишь после первой мировой войны, и превзойдена — после второй.

“Отклоняющимся” является и развитие высшего образования в России, которое вплоть до первой мировой войны шло вровень с другими европейскими странами. “Возможно, что тут имел место первый исторический пример “головного” развития образования, с его мощными последствиями для процессов социальной мобилизации и политической модернизации, как это типично сейчас для многих развивающихся стран” (2, с. 157).

На вопрос о том, что же явилось причиной распространения образования в четырех европейских странах в XIX в., автор отвечает, что оно рассматривалось в этот период как фактор национальной, военной и экономической силы. Это подтверждается общими для всех этих стран обстоятельствами, послужившими толчком в развитии системы образования — это были (за исключением Англии) военные поражения: поражение Пруссии в войне с Наполеоном (1806–1807), поражение России в Крымской войне (1853–1856), поражение Франции в войне с Германией (1870–1871).

Помимо международной конкуренции, зачастую в связи с ней, развитию образования способствовал процесс роста политического участия и его институционального оформления. Это тоже заметно на поворотных пунктах национального развития, которые выражались в институциональных преобразованиях. В Англии, где в XVIII — начале XIX в. наблюдался застой начального образования, новые импульсы возникли в связи с реформой избирательного права 1832 г. В 1833 г. впервые в истории английский парламент одобрил ассигнования на нужды школьного образования за счет налогов. Второй толчок в том же направлении был дан реформой избирательного права 1867–1868 гг. Во Франции дорогу всеобщему школьному образованию открыла революция 1830 г. Закон от 1833 г., обязывающий каждую общину к созданию школ, заложил основу государственной системы образования. В Рос-

сии лишь в последней трети прошлого века заметное влияние на систему образования стали оказывать общественные органы: в 1864 г. были созданы земства – органы местного самоуправления, которые явились основными носителями образования. Дополнительно этот процесс был ускорен благодаря возникновению в России в 1905 г. сословного представительства – Думы.

И лишь в Пруссии не прослеживается взаимосвязи между институционализацией политического участия и расширением образования. Начальное школьное образование здесь полностью было создано по инициативе авторитарного государства уже в первой трети XIX в. Развитие же высшего образования сдерживалось охранительной политикой, и это положение не изменилось после введения в 1849 г. ограниченного избирательного права. В "третьем рейхе" тоже ничего не изменилось к лучшему, ибо система образования оставалась в ведении земельных парламентов, которые находились под контролем консервативных сил.

В следующем разделе речь идет о системе подчинения и контроля общеобразовательных школ и высших учебных заведений в четырех изучаемых странах. "Если проводить различие между частным, церковным и государственным контролем, с одной стороны, и центральным и местным – с другой, то можно противопоставить друг другу два "типичных" образца: развитие, носящее локальный, частный, церковный характер с децентрализованной структурой контроля, и другое – находящееся под управлением центральной власти, в лице церкви либо государства, и подчиненное бюрократической системе контроля. Первый тип характерен для Англии, второй – для трех остальных стран" (2, с. 159).

Анализ неравенства шансов на получение образования в исторически сложившихся системах образования изучаемых стран опирается на комплекс из трех причин: "социально-экономическое неравенство, социокультурная мобилизация и институциональная структура системы образования" (2, с. 162). В контексте своего исследования автор считает нужным подробно говорить только о последней причине. Он исходит из предположения, согласно которому институциональная "прони-

цаемость" является важнейшим фактором для уравнивания шансов, выступая как функция "вертикальной институциональной интеграции системы образования".

Фактически П.Флора в своем исследовании обходит главное – содержательные аспекты моделей распространения грамотности – их социальную направленность, характер политических, экономических и культурных функций, выполнявшихся ими в различных исторических обществах и связанные с этим различия в характере влияния, оказанного распространением грамотности на личность, социальные группы, а стало быть и политическую и экономическую расстановку социально-классовых сил в различных странах. Проведенное П.Флорой исследование, призванное по его замыслу иллюстрировать потенциал теории модернизации, на самом деле может служить лишь ярким свидетельством того, насколько исследовательская практика западногерманских "модерниологов" далека от их широковещательных теоретических деклараций, высказанных в рассмотренных выше работах Г.У.Велера, В.Цафа и П.Флоры.

Список литературы

1. Analyse von sozialen Strukturen / Hrsg.: Wehler H.U. - Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. - 213 S. - (Geschichte u. Gesellschaft, 1977. Jg. 3. H.4, S.427-549).
2. Flora P. Modernisierungsforschung : Zur empirischen Analyse der gesellschaftlichen Entwicklung. - Opladen: Westdeutscher verl., 1974. - 203 S. - (Studien zur Sozialwis. Bd.20). - Bibliogr.: S. 173, 191-197.
3. Geschichte und Ökonomie / Hrsg. von Wehler H-U. - Köln: Kiepenheuer u. Witsch, 1973. - 397 S. - (Neue wiss. Bibl.; 58). - Bibliogr.: p.385-391.

4. Geschichte und soziologie / Hrsg. von Wehler H.-U. - Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1972. - 367 S. - (Neue wiss. Bibl.; 53. Geschichte). - Bibliogr.: S.355-361.
5. Moderne deutsche Sozialgeschichte / Hrsg. von Wehler H.-U. - Köln-Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1966. - 585 S. - (Neue Wissensch. Bibl. / 10. Geschichte). - Bibliogr.: S.565-574.
6. Theorien des sozialen Wandels / Hrsg. von Zapf W. - 4. Aufl. - Königstein / Ts: Verlagsgruppe Athenäum, Hain, Scriptor, Hanstein, 1979. - 534 S. - (Neue wiss. Bibli; Bd. 31. Soziologie). - Bibliogr.: S.513-526.
7. Wehler H.-U. Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung: Studien zu Aufgaben und Traditionen dt. Geschichtswiss. - Göttingen : Vandenhoeck & Kuprecht, 1980. - 409 S.
8. Wehler H.-U. Vorüberlegungen zu einer modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte. - In: Industrielle Gesellschaft und politisches System: Beiträge zur politischen Sozialgeschichte. Festschrift für Fritz Fischer zum siebzigsten Geburtstag / Stegmann D. (Hrsg.) et al. Bonn, 1978, S.3-20.

Л.Л.Лисюткина

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ВОЛОНТАРИЗМ? ВЕБЕРОВСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ

Работы Макса Вебера вот уже более 60 лет привлекают внимание современной буржуазной социологии, философии и политической науки. Только за последний год среди немецкой и английской социологической литературы зафиксировано свыше 40 работ, посвященных Веберу.

В советской специальной литературе впервые работы М.Вебера были подвергнуты критическому анализу в трудах видного советского историка-медиевиста А.И.Неусыхина (6), за последнее время ряд работ о Вебере опубликован Ю.Н.Давыдовым, П.П.Гайденом, А.Г.Здравомысловым, М.И.Левиной и др. Критический анализ отдельных аспектов наследства М.Вебера и его влияния на буржуазную общественную мысль нашел отражение в работах многих советских ученых. Вместе с тем есть ряд вопросов, требующих освещения, в частности вопрос о роли взглядов М.Вебера в разработке проблематики общественного развития. В советских исследованиях отражены концепции таких последователей и вместе с тем критиков Вебера, как Г.Парсонс, Р.Бендикс, В.Момзэн, и ряда других англо-американских и немецких авторов. Однако книги и статьи, изданные на французском языке, за исключением работ Р.Арона (8), менее известны. Между тем интерес к Веберу во франкоязычных странах в последнее десятилетие усилился. Появился ряд специальных работ, среди которых выделяются книги П.Бенара (11), М.Вейенберга (17).

Так, монография бельгийского ученого Мориса Вейенберга "Рациональный волонтаризм Макса Вебера" (17) является

капитальным трудом, в котором собран огромный материал, подвергнуты кропотливому разбору все основные работы Вебера и в особенности важный труд последнего периода "Хозяйство и общество" (16), использованы и мелкие произведения Вебера (более 200 названий). В центре внимания Вейенберга веберовская концептуализация особенностей развития западноевропейской цивилизации.

Хотя позиции самого М. Вейенберга могут быть охарактеризованы как типично объективистские, он все же достаточно определенно, пусть и осторожно, стремится подвести читателя к истолкованию Вебера как исторического пессимиста, пришедшего в конце пути к трактовке современной ему капиталистической системы как "рационального волюнтаризма".

Труд П. Бенара содержит информацию по полемике вокруг веберовской концепции "протестантской этики". Проблемы развития у Вебера и в свете его взглядов касается и ряд других зарубежных и отечественных авторов, работы которых включены в настоящий обзор, призванный дать представление о том, что может привлечь, а что отталкивает современных буржуазных и реформистских обществоведов в сложной и весьма неоднородной проблематике веберовских взглядов на развитие.

"Я считаю необходимым заявить, что мне лично термин "прогресс" даже в тех узких границах, где его эмпирическое применение не вызывает сомнения, представляется неуместным", — эта декларация Вебера в статье "Свобода от "оценочных суждений" в социологической и экономической науке" (1, с. 140-202) была объявлением войны господствовавшему в течение первых 3/4 XIX в. представлениям об однозначной положительной направленности и успехе европейской, в то время сплошь капиталистической, цивилизации. Эти слова не означали, что немецкий социолог отказывался видеть роль исторических сдвигов. Означали они отказ видеть в них нечто однозначное, нечто позитивное, нечто эмфатически окрашенное и расцененное со знаком плюс. Чтобы разобраться в том, каковы на самом деле эти сдвиги, нужен метод, очищенный от эмфазы, от априорной нравственной оценки исторических процессов, требуются понятия более "нейтральные" или "опе-

рациональные", чем "прогресс", — таков был методологический тезис Вебера, оказавший влияние на всю последующую судьбу буржуазной социологии развития.

Таким методом у Вебера стал метод "идеально-типического" и таким понятием, "операционализирующим" развитие, — понятие рационализации. "Подобно тому, как идеальная модель конструируется естествоиспытателем в качестве инструмента, средства для познания природы, так и идеальный тип создается как инструмент для постижения исторической реальности" (2, с. 30), но не общего смысла истории, заявлял Вебер.

На самом деле попытка Вебера противопоставить свою "объективную" социологию ценностно окрашенной "философии истории", с одной стороны, и квазинаучной, как он утверждал, исторической концепции позитивизма — с другой, оказалась противоречивой. На эту противоречивость позиций Вебера, заложенную уже в самом методе "идеально-типического", указывают как советские, так и зарубежные авторы.

С одной стороны, "идеальный тип" — это чисто логическая (т.е. формальная) модель, но с другой — "содержательно эта конструкция несет на себе характер некоторой утопии, полученной путем мыслительного усиления, выделения определенных элементов действительности" (2, с. 30) и стало быть деформации действительности. Правда, Вебер осознавал эту проблему и пытался решить ее, в частности, при помощи градуирования "идеальных типов": исторический идеальный тип, генетический идеальный тип, "чистый" идеальный тип. В отличие от "исторического" и "генетического" типа, сфера применения которых ограничена хронологической, географической и т.п. конкретикой, "чистые" типы у него являются как бы универсальными моделями. Но к чему же ведет такое разведение исторического и логического. Стремясь к строгому различению "реальной причинности" и "логического основания", эмпирического процесса и его идеально-типической схемы, Вебер приходит к тому, что в историческом развитии нет законов, а есть только "шансы". "Шанс" — не необходимость, а лишь возможности протекания эмпирического процесса. "Социальным отношением называется поведение многих индивидов, ориентированное по своему смысловому содержа-

нию взаимной установкой по отношению друг к другу. Социальное отношение состоит, следовательно, всецело и исключительно только в шансе, что социально действовать будут лишь определенным (осмысленно) данным способом — независимо от того, на чем базируется этот шанс" (2, с. 37–38).

"Идеальный тип" позволяет фиксировать эти шансы. Таким образом, закон, преобразованный Вебером в шанс, как отмечает П.П.Гайденко, приобретает вероятностный характер (2, с. 38).

И на этом функция социальной науки по отношению к развитию, по Веберу, заканчивается. Выбор из предоставляемых историей и фиксируемых наукой альтернатив принадлежит, по Веберу, человеку. И этот выбор всегда субъективен и эмоционально окрашен. Это выбор между ценностями. Между тем наука не в состоянии решать вопрос о том, какова "ценность" развивающихся или впервые осознанных эмоциональных возможностей. Вебер иллюстрирует это фатальное, по его мнению, для возможностей научной оценки "прогресса" расхождение на примере искусства. Применение даже самой "прогрессивной" техники здесь явно ничего не говорит об эстетической ценности художественного произведения. "Появление новых технических средств означает прежде всего рост дифференциации и создает только возможность большего "богатства" искусства в ценностном отношении. В действительности же этот процесс нередко имел обратный эффект — утрату чувства формы" (1, с. 181). Рациональный субъективный "прогресс" и рациональный объективный прогресс не совпадают. Прогресс поэтому релятивен, и понятие "прогресс" научно несостоятельно. "Рациональность" же, являясь "чистым идеальным типом", как считает Вебер, "поглощает понятие прогресс". Но "рациональность" тоже противоречива. Вместе с повышением уровня логики наук растет конфликт внутри самого процесса общественного развития, конфликт между материальной и формальной рациональностью. Первая исходит из внешних факторов, вторая — из внутренней логики развития. За всем этим стоит не поддающийся рационализации конфликт ценностей, конечная иррациональность развивающегося бытия, а вместе с тем пессимистическая оценка Вебером как возможностей капитализма, так и возможностей социализма.

Как пишет английский марксист Дж. Льюис, Вебер приписывал Марксу взгляд на исторический процесс как на движимый и управляемый "жизненной силой" неким телеологическим принципом, суть которого — рационализированная метафизическая вера (5, с. 132). Вебер, указывает Льюис, оперировал термином "теории эманации", подразумевая теории, рассматривающие последовательности событий как возникающие из некоего фундаментального принципа или источника и полагающие, что все явления истории заложены в самом ее начале. В таких теориях поздние "стадии происходящего уже существуют в более ранних стадиях, которые, таким образом, полностью предопределяют последующее развитие" (5, с. 133). Правда, замечает Дж. Льюис, Маркс никогда не придерживался подобных взглядов. Теории "историцизма", которые находят все будущие стадии развития содержащимися в самом начале, чтобы раскрыться в ходе истории, не имеют отношения к марксистской точке зрения. Это, отмечает Льюис, скорее гегельянские концепции, рассматривающие цель как уже существующую в действительности, но еще невидимую (далее Льюис цитирует Гегеля), "...уже осуществившуюся в истине, так что она не нуждается в том, чтобы ждать нас. Ее действительное проявление есть только устранение видимости, как если бы оно до сих не осуществилось" (5, с. 133-134).

Марксизм не приемлет подобную "логическую предопределенность" прогресса. Понятие прогресса вырабатывается и развивается в ходе познания людьми закономерностей природы и общества. Причем в ходе накопления информации о развитии природы и общества растет понимание сложности этих процессов. "Каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем регрессом; ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях"¹⁾. Эта мысль Энгельса содержит заключение о богатстве тенденции прогресса, о его противоречивости и сложности и опровергает взгляд Вебера на марксизм. Но дело не только в этом.

1) Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд., т. 20, с. 621.

Отвергая правомерность какой-либо этической оценки развития – позитивной (прогресс) или негативной (регресс), Вебер искусственно допускает лишь "логику" развития. "Но если, – как пишет Дж.Льюис, – общество и его экономические законы рассматриваются как нечто созерцаемое извне и воспроизводятся как модель, за которую мы не ответственны, то тем самым увековечивается длящееся столетиями противостояние экономики и человеческих ценностей, неизбежных фактов и наших рациональных идей, того, что есть и что должно быть" (5, с. 135). И в этом заключено главное противоречие веберовской социологии, мимо которого не могут пройти и некоторые буржуазные исследователи. М.Вейенберг пишет, например, : "веберовская философия могла бы стать "понимающей" и цельной, если бы она была в состоянии проследить связь между коллизией ценностей и процессом рационализации" (17, с. 194).

На самом деле, как заметил католический историк и экономист Прадес (13), Вебер остается дуалистом – "этическое" (в частности, религия) и "экономическое", например, выступают у него как независимые переменные.

Вейенберг отмечает, что развитие у Вебера связано с дуализмом "решительности и ответственности". Каждое обладает независимой, далеко не идеальной этикой. "Решительность может привести к всемирной катастрофе, этика ответственности – утопить мир в оппортунизме" (17, с. 195). (Так, Толстой, по Веберу, принципиально держится этики решительности, доводя ее до разрыва с обществом. Достоевский же более "полифоничен". Иван Карамазов у него воплощает идею вечного конфликта ценности и цели, а Алеша – слияние.) Но основное направление мысли Вебера, как считает Вейенберг, – порыв "растворяется в повседневности". И в этом направлении "методологически разрешается дуалистская трактовка жизни", не приводя, однако, к приемлемому эмпирическому решению.

Итак, прогресс отвергается Вебером за неразрешимость вечного конфликта рациональности с ценностью. Но сама "рациональность" по мере развития взглядов немецкого социолога прodelьывает определенную эволюцию. Р.Бендикс (10) вычленяет три аспекта веберовской концепции рациональности.

Сначала рациональность означает проявление "свободы", затем "ясность" и, наконец, "процесс" – рационализацию. Развитие рациональности начинается с уточнения, сопоставления и соизмерения ценностей, которые сами по себе не поддаются познанию, изменчивы и требуют не познания, а выбора. Основанный на рациональном сопоставлении выбор ценностей есть прежде всего дело ученых и политиков. Во всяком случае, так понимает Вебера Вейенберг. Ведомое учеными и политиками человечество, не впадая в оптимизм или пессимизм, постоянно интерпретирует собственное поведение с помощью идеальных типов. При этом происходит постоянное же столкновение между идеальным типом и реальностью и возникает обратная связь между рациональной интерпретацией поведения и культурой. Таким образом, развитие у Вебера все же оказывается связанным с познанием, хотя в отношении познания немецкий мыслитель делает множество оговорок.

Так, причинность, по Веберу, не может трактоваться как математически строгая категория. Познание сводится к тому, что, "всматриваясь" в реальное, мы создаем конструкцию, и наиболее сложно установить процесс ее "вызревания" в настоящем и прошлом. Рациональное как бы погружается в массу иррационального. Интересно, что законы развития, постулируемые Марксом, Вебер считает достигающими уровня идеально-типического и эвристичными.

Сформулированные таким образом гносеологические принципы Вебер применяет к истории. Категория "рационализация" считал Вебер, позволяет понять европейское средневековье. Рационализация бросается в глаза, например, при изучении хозяйства и быта средневековых монастырей. "Монах был первый человек, живущий по призыву" (16, с. 2, с. 888), так как он методически и постоянно стремился к самоусовершенствованию при помощи рациональных средств.

У католического монаха средневековья и пуританина можно, по мнению Вебера, проследить общее постоянное осознание жизненного процесса. Жизнь для них не была целью разорванных явлений – благоприятных или неблагоприятных, а множеством поступков, которые обеспечивают спасение. Напряженность жизни возрастает, как и возможность ее сопротивления существующим институтам. Современное научное

мышление есть лишь плод этого зародыша рационализации. В дальнейшем развитие рационализации, по Веберу, сопровождается усилением ее иррациональной стороны. Появившись на свет, наука становится все более нетерпимой в своей интеллектуальной честности. Между тем утвердившиеся в обществе светские ценности постепенно подвергаются девальвации, а само общество как бы становится автономным от ценностей.

Процесс рационализации длителен, в Европе он продолжается уже несколько веков. Чтобы заглянуть в судьбы его последней стадии, надо проследить ряд ранее пройденных этапов, при смене которых возрастало напряжение между нравственно-религиозной сферой и познанием.

Этой цели служит, в частности, подробно рассматриваемая Вейенбергом веберовская социология религии. Движение происходит в направлении рационализации религии. Первая ступень — религиозная рационализация магии (от анимализма к анимизму). "Рационализация магии означает создание организованного знания о сверхъестественном" (17, с. 277). Магия непосредственна и пластична, она стремится найти результаты своих действий в окружающей природной среде. По мере развития представления о более или менее развитой иерархии сверхъестественных сил индивид стремится установить более устойчивые способы общения с богами. Следовательно, чем глубже и разветвленней религиозные представления, тем сильнее привязанность их носителей к традиции. В то же время Вебер отмечает, что рационализация магии делает субъекта более свободным по отношению к бытию и позволяет ему ставить перед собой субъективную цель, хотя элементы магии долго сохраняются в религии. Что касается религии как процесса этического самоуглубления, то он приводит к очень важному следствию — психологическому отделению поступка (земного) и его результата (небесного).

Сама по себе религия может развиваться как "пророческая" или как "священническая". Пророк — носитель творческого типобразующего начала — харизмы (пророк — законодатель, автор поведенческих моделей, этики). Священник — функционер, традиционалист. Впрочем, черты священнослужителей

могут сочетаться с чертами пророков. Пророк – личность более многомерная, чем просто священник-традиционалист.

Так, маг может стать пророком, может создать свое учение. Для формирования религии особо важна роль пророка-законодателя (классический тип – Моисей), творца новых ценностей. В этом типе как бы объединяются тиран и спаситель. Еще один тип религиозного деятеля – “учитель”. Но этот учитель учится у своих учеников. Его форма общения с ними – взаимообогащающий диалог. Образ гуру, окруженного своими учениками, – иллюстрация этого идеального типа. Вейенберг подчеркивает, что именно этот тип симпатичен Веберу. Напротив, пророк – мистагог¹⁾, носитель таинственной коллективной харизмы, шаман и колдун, Веберу не симпатичен.

Каковы пророки – такова и религия, какова религия – такова и история. Вот, в сущности, подтекст веберовских построений.

Образ бога иудейской религии, создающего мир из ничего, не случайно зародился на пустынной земле, заявляет Вебер. Пустыня – мир природных контрастов: песок – вечная смерть, вода – спонтанная жизнь. С этими образами связано представление об откровении. В иудео-христианской традиции откровение создает жизнь. Пророк, опираясь на откровение, создает закон, который систематизирует и рационализирует поведение людей. Но действие рационализации амбивалентно, она углубляет возникшие на откровении представления, но зато лишает их харизматической силы. Религиозная жизнь становится прозаической. Общинная этика вытесняется жестким клерикальным законодательством. Пророческие грезы заменяются казуистикой. Одновременно возрождаются старые религиозные типы, оживляются магические культы. Это движение жизни и религиозного мышления длительно. Иногда, отмечает Вебер, оно как бы замирает, достигая состояния временного равновесия. Такое равновесие, например, устанавливается между конфуцианством и потребностями китайской бюрократии, между традиционным индуизмом и новым брахманизмом.

¹⁾ Мистагог – у древних греков жрец, наставлявший в таинствах.

Разумеется, отдельная религиозная личность складывается под влиянием различных факторов, среди которых особо значимы социально-профессиональные. Так, воин, заявляет Вебер, должен быть суеверен по "природе своей деятельности. Крестьянин, постоянно общающийся с природой, скорее склонен к магии, хотя и способен активно откликаться на харизматический призыв пророков. Религиозное настроение буржуазии, по Веберу, отличается неустойчивостью и связано с повседневным жизненным расчетом. Буржуазия довольно легко преодолевает религиозную традицию (17, с. 290-293). Наименее прочно в Новое время отношение к религии у интеллигенции.

Интеллектуальная элита западной церкви все время стремилась наполнить новым содержанием, обновить теодицею. Именно это, по Веберу, стало движущей силой развития религии по пути рационализации (17, с. 293). На пути религиозной мысли возникает вечное разделение мира познаваемого и мира сверхъестественного. Вебер сравнивает тип современного интеллигентского отношения к религии или к универсуму с позицией пророка-учителя в буддизме или джайнизме. Результат деятельности буддистского проповедника во многом результат рефлексии, как и у интеллигента. Но буддистский учитель или индийский гуру мыслят в живом общении с учениками, а интеллигент, как правило, оторван от них. При этом происходит дифференциация современного интеллигента на два типа - ученого-мыслителя и политического лидера.

Если процесс веберовской рационализации, как отмечает М.Вейенберг, "связан с постепенным подчинением всего социального поведения постоянному религиозно-этическому контролю" (17, с. 294), то наступление рациональной этики встречает и сопротивление, каждый раз порождая особые типы поведения и неожиданные результаты. В социологии Вебера подробно описаны возникающие в противоречивом процессе рационализации идеальные типы поведения: "ритуальное поведение", "традиционное поведение", "самоусовершенствование" и "спасение", равно как и их конкретные разновидности (17, с. 295-304). Так, в типе ритуального поведения "огристый экстаз" не является отклонением от нормы,

но, например, "профетический экстаз" его отрицает. В Индии возникает тип поведения особого рода: комбинация физической и психической гигиены с регламентацией действия и мышления. Характерно, отмечает Вебер, что подобное поведение имеет место и у иезуитов.

В типологии Вебера выделены типы поведения аскета и революционера, совпадающие по многим показателям. Им противопоставлено поведение мистика. В частности, аскету-революционеру, как считает немецкий социолог, присуща уверенность, что благо находится в зависимости от рационального решения. Вейенберг отмечает, что оппозиция аскет-мистик есть яркий пример создания идеального типа. Именно эта оппозиция положена в основу веберовского сравнительного анализа социально-исторической и экономической роли различных религий. В этом смысле характерно сравнение идеальных типов ислама и кальвинизма. Предопределение в каждой из этих религий — один из центральных догматов. Но в исламе смерть в "святой войне" есть несомненный признак райского будущего. Остальная же жизнь мусульманина покоится на традиционных и магических началах. Элемент бессознательного фатализма весьма велик. Предопределение в кальвинизме носит повседневный характер. Успех в делах — симптом богоизбранности, стремление к успеху — жизненная напряженность, "призыв" является основной ценностью (17, с. 304).

Анализируя специфичность рационализации на Западе, Вебер подчеркивает, что основной тенденцией западной религии был аскетизм, в то время как Востоку присуще мистическое созерцание. Различие это не абсолютно, существует множество аспектов в западных и восточных религиях, где аскетизм и мистицизм переплетаются (17, с. 305).

Вейенберг вычленяет пять качественных черт западной рационализации религии у Вебера (17, с. 306-308).

1. Активная мистика связана с синтезом мистики и аскезы. Отрицание пантеизма и пассивного ожидания благодати, спасения приобретает форму постоянной потребности в самооправдании (самоанализ). Для Запада характерно то обстоятельство, что рост индивидуализма не сочетается с отрицанием мира.

2. Принцип несомненности "тварного мира", "отдаленности" его от совершенства творца *finitum non est coequis in finitum* (конечное не может быть подлинным приближением бесконечного).

3. Принцип божественной субординации и определенности. Подчинение аморфной безличной власти бога не могло породить столь явную религиозную рационализацию.

4. Раннее христианство унаследовало юридический характер римского "mentalite". Практический римский рационализм вошел в его плоть и кровь. Этот рационализм содействовал догматической систематизации классического средневековья. Труд как гигиеническое средство аскетического поведения есть одна из характеристик монашеских орденов Запада.

5. Бюрократическая организация в отличие от расплывчатого разнопланового мира восточных религий.

Эти пять признаков являются качественными особенностями западной религии, следовательно, западной цивилизации. Идеальные типы религиозного поведения сопоставляются Вебером в глобальном масштабе.

Буддизм — это предел мистики, отказ от мира. Средневековое монашество и пуританизм отвергли магию, систематизировали средства к спасению, но только пуританизм переворотил аскезу в долг и призвание и победил народно-культурные тенденции, что не смогли сделать другие религии.

Вейенберг отмечает, что пуританизм у Вебера в определенном смысле сходен с конфуцианством. В конфуцианстве действительно можно найти черты рационализма и практицизма. Но конфуцианец обожествляет статичный порядок. Его умиротворяют стройность и законченность иерархии. Протестант же испытывает вечный призыв к совершенству. Вебер, как подчеркивает Вейенберг, посвятил ряд страниц иудаизму (17, с. 312–316). Иудаизм знает расцвет и профетизма и религиозной этики. Именно в иудаизме наиболее отчетливо выразилась тема спасения и этика доказательств, отрицательное отношение к магии. Известно влияние Ветхого завета на пуританизм.

Но особенно интересовала Вебера проблема связи еврейской религии и капитализма, поскольку в литературе того

времени развитие капитализма нередко связывали с ролью еврейского банковского капитала. Два ведущих экономиста и социолога своего времени В.Зомбарт и К.Вебер стояли в этом вопросе на разных позициях. Первый считал, что дух капитализма сформировался в среде иудейских коммерсантов. Вебер не переставал говорить, что современный капитализм обладает специфической формой, которая противостоит традиционной еврейской. "Специфическая новизна современной хозяйственной системы, — говорит Вебер, — (рациональная организация труда, промышленные методы на современном предприятии) не несет в себе специфического еврейского влияния" (16, с. 473—474). Напротив, присутствие двойной морали, поддержка единоверцев и неприязнь к гоям, в том числе экономическая, мешала бы рационализации экономической жизни; Пуритане же ввели в жизненный обиход фиксирование честности в делах.

Иудаизм рассеяния и талмудический иудаизм были обращены целиком к миру, но в противоположность конфуцианству, которое видело в мире гармонию, они ждали мессианского переворота социальной жизни. Иудейский мессианизм придал данному религиозному мышлению замкнутый характер. Иудейская религия, отмечает Вебер, характеризуется не мистическим отрешением от мира, но аскезой, которая лишь спроецирована на личность, не активным аскетизмом, свойственным протестантской этике, а чрезвычайно развитым ритуализмом. Ритуальный закон контролирует почти каждый жизненный шаг иудея. По мнению Вебера, иудейский закон не обладает тем же потенциалом психологической мобилизации личности, что и протестантская этика. "Идеал благочестия евреев исключает ремесло крестьянина и мирится с ремеслом купца" (17, с. 476). Но в то же время, если в иудейской религии процветание в делах рассматривается как симптом божественного благочестия, то оно не имеет связи между идеей предопределения и идеей самовыражения внутри профессии, как в пуританизме. Идеал благочестия иудея более узок — стать толкователем закона. Влияние закона и "интеллектуальное заучивание закона есть жизненная методика иудеев и их рационализм" (17, с. 477). Талмудический афоризм — "не

изменяется человек, а обычай" – символ жизненной ценности иудеев.

И этот же закон оставляет без внимания пункт взаимоотношений иудеев и неиудеев. Поскольку закон дается только избранному народу, несчастье гоев интерпретируется как последствие неприятия скрижалей закона. Поэтому главная линия поведения, внушаемая талмудом, – не деловая активность, а ожидание прихода мессии.

Так передана веберовская социология религии бельгийским социологом Вейенбергом.

Не приходится спорить с тем, что веберовский анализ различных религий и сопоставление социального поведения верующих преследуют цель показать, что пуританизм является уникальным моментом в истории религий. Пуританская "светская аскеза" создает, по его мнению, новую "ментальность", преобразующую профессиональную работу и ценностную установку этой работы. Отсюда возникает психология "призвания" к труду. Другие виды религии, проходя определенные ступени рационализации, не достигли стадии "активной рационализации" окружающего. Его больше всего интересует уникальность "протестантской этики" и особенно, если верить Вейенбергу, формирование ее иррациональных компонентов, связанных с понятием "призвание".

Советский ученый А.И.Неусыхин, анализируя творчество М.Вебера, суммирует его взгляды на данную проблему. По мнению М.Вебера, пишет А.И.Неусыхин, чистый капиталистический дух связан с иррациональной мотивировкой, которой капиталист мог бы обосновать смысл своей бесконечной погони за наживой, а именно – что он не может жить без своего дела и постоянной работы. "Идеально-типический" капиталистический предприниматель не имеет, собственно говоря, почти никакого личного удовлетворения, кроме иррационального ощущения хорошо исполненного призвания" (6, с. 432).

А.И.Неусыхин характеризует "основное ядро" кальвинистской религии следующим образом: "кальвинистский бог – трансцендентное существо, абсолютно свободное в своей воле, которая понятна людям лишь настолько, насколько он этого хотел" (6, с. 433). Не все сотворенное людьми само по се-

бе несовершенно. Богу угодна лишь деятельность, направленная к усовершенствованию того, что является делом рук людских, но не самые ее результаты. Богу угодно устройство рукотворного, но это устройство должно происходить методично, систематически и притом носить чисто деловой и безличный характер.

Далее А.И.Неусыхин пишет, характеризуя образ капиталистического труда в концепции М.Вебера: "работа хорошо выполнила свою первую функцию - служить оградой от земных вожделений, она зажала в железные тиски аскетического долга личное потребление. Но, пожалуй, еще важнее была вторая ее функция, ибо работа как самоцель развязала руки безграничному производству ради производства" (6, с. 439). Экономический космос создан богом во славу божию, и поэтому, поскольку принимаются во внимание и посторонние цели, бог хочет благополучия целого, безличной выгоды. Но с годами, продолжает излагать А.И.Неусыхин мысль Вебера, религиозные корни утилитаризма стали постепенно отмирать, а параллельно с этим отмиранием безличный, абстрактный характер приобретательской деятельности все более становится одним из принципов капиталистического производства.

А.И.Неусыхин отмечает, что несмотря на ярко выраженный антимарксизм Вебера, его концепция вызревала под большим влиянием Маркса.

1. Сам интерес к проблеме капиталистического духа связан с представлением Маркса о капитализме как об исторически сложившемся своеобразном строе хозяйства, не имеющем полных аналогий в прошлом.

2. Неусыхин отмечает, что Маркс неоднократно подчеркивал на страницах "Капитала", что протестантизм был формой капиталистического строя мышления (6, с. 446-447).

3. Сопоставляя мысли Маркса, изложенные в главе "Капитала" "Товарный фетишизм", со взглядами М.Вебера, он устанавливает "разительное соответствие" между выводом Маркса о безличности и сверхличности людских отношений в капиталистическом обществе и заключением Вебера о сверхличном характере пуританского индивидуализма в религии и хозяйстве. "Маркс ставит аскетизм в связь с приматом про-

изводства над потреблением. И сама идея Вебера о безличности накопления на заре капитализма – разве она не представляет собой модификацию идеи Маркса о безличности капитала, как общественной категории” (6, с. 448).

В связи с изложенным А.И.Неусыхин подчеркивает противоречие во взглядах Вебера, которые подметил еще Е.Трельч: “Макс Вебер заявил, что он методологически примыкает к Риккерту, а это означает отказ от всякого диалектического и органо-логического понимания развития... Но в его практически исследовательской работе преобладает интеллектуальное воззрение больших социологических коллективов и обширных взаимозависимостей развития. В этом пункте на него оказал, по-видимому, глубокое и длительное влияние именно Маркс” (цит. по. 6, с. 458).

В буржуазной литературе наибольший интерес вызвала концепция Вебера о протестантизме и его значении в процессе формирования капиталистических отношений. Интересной публикацией может считаться антология “Протестантизм и капитализм”, подготовленная П.Бенаром, в которой он выступает как сторонник взглядов М.Вебера. Свои взгляды Бенар изложил в обширном введении к тестам наиболее авторитетных сторонников и противников концепции М.Вебера, П.Бенар перечисляет пять направлений, по которым развивается дискуссия, связанная с проблемами протестантской этики:

- 1) реформация и английская революция;
- 2) апологетика протестантизма (протестантская этика – импульс развития науки);
- 3) эволюция “духа капитализма” и ее взаимосвязь с иными этическими нормами (Япония во время сёгуната Тогукава);
- 4) попытка ввести протестантскую этику в рамки мотивационной психологии (школа Д.Маклеланда);
- 5) социологические зондажи, анализ образа жизни различных социальных групп, религиозных общин.

На самом деле, как явствует из позиции Бенара, дискуссия вокруг темы “Вебер и общественное развитие” может

быть сведена к одному вопросу: уникально ли развитие европейского капитализма как "образа жизни"? Другими словами, вызревает ли "капиталистический дух" только на основе проникновения в толщу массового сознания идей Кальвина (Бакстера), или этот "дух" может развиваться разными путями в своеобразных формах в разных обществах.

Аргументация оппонентов Вебера против центрального пункта его учения о развитии — концепции уникальности "протестантской этики" — представляется П.Бенару неубедительной.

Один из главных противников Вебера — английский историк Г.Робертсон. В центре его внимания веберовское понятие "призвание". По мнению Робертсона, Вебер рассматривает это понятие как нечто статичное, не наполняющееся с течением времени новым содержанием. Вебер, пишет Робертсон, не вполне учитывает именно влияние капитализма на протестантскую этику. Увлекаясь идеей "протестантской этики", Вебер, например, не принял во внимание трактаты иезуитов и янсенистов, современников Р.Бакстера. Прошел он и мимо того, что иезуиты в своих "руководствах по деловой жизни" проявили себя более "законченными" капиталистами, чем пресвитериане. Кроме того, Робертсон считает этику пуритан амбивалентной, о чем, по его мнению, свидетельствует, например, трактат пуританского проповедника Бюнейна, пропитанный духом ненависти к капитализму. В этом пункте Бенар, правда, возражает Робертсону устами Т.Парсонса. По мнению последнего, католицизм проявляет лишь терпимость к капитализму, между тем как протестантизм видит в нем положительное жизненное начало, и это положительное жизненное начало выступает как этический императив.

А.Сэйю в истории экономической жизни Женевы также ставит под сомнение воздействие протестантской этики на развитие капиталистического духа в швейцарском городе. Женевские кальвинисты XVI в., как считает Сэйю, были в основном ремесленниками, строго придерживавшимися цеховых правил. Развитие же собственно капиталистических отношений

в Женеве сопровождалось скорее ослаблением, а не усилением ригористического начала в кальвинизме. Среди женевских теологов многие склонялись к рационализации религии, а в среде процветающих коммерсантов большинство отличалось приверженностью к "модной" французской философии. Все вышеизложенное побуждает Сэйю сделать вывод, что реальная историческая картина экономической жизни в Женеве не соответствует веберовской трактовке роли "протестантской этики".

Историк кальвинизма А. Биелье со своей стороны не видит фактических оснований для того, чтобы проводить линию развития от кальвинизма XVI в. до взглядов В. Франклина. Кальвин проповедовал отнюдь не стремление к "честному обогащению" или "молчаливое презрение к бедности". Напротив, он признавал необходимость помощи беднякам как первый долг христианина. "Нет ничего более противоположного кальвиновскому взгляду на труд, нежели прославление активности ради активности. Только Бог... должен руководить поиском цели жизни и повседневной надежды верующего. Кальвин просто боролся против утверждения, будто труд - первоначальное начало жизни. Считающий работу главным занятием для Кальвина опасный идолопоклонник", - заявляет Биелье (цит. по 11, с. 287-288).

Наиболее бескомпромиссный противник Вебера К. Саммуэльсон считает, что приверженность к той или иной религии вообще не играет роли в социальной ориентации индивида. Опираясь на статистику, Саммуэльсон утверждает, что, например, среди учащихся, как и среди деловых людей, нет признаков влияния протестантизма на социальное поведение (данные взяты по земле Баден). Психолог Д. Маклелланд противопоставляет религиозно-социологической идее "протестантской этики" научно-психологическое объяснение "достиженческой" ориентации как психологической мотивации. "Протестантская этика" - лишь частный случай мотивационной установки. Массовое чувство, подобное pietistским настроениям пуритан, считает американский социопсихолог, может проявляться и в другой религиозной окраске или даже существовать без нее. Но характерно, что потребность в достиже-

нии цели возникает у более или менее широких социальных групп разных обществ в период, которому предшествует фаза активного экономического развития. Маклелланд иллюстрирует этот тезис примерами из истории древних Афин, Испании ХУІ в., Англии середины ХУІ в. и последней трети ХУІІІ в. Он считает, что чувство "внутреннего призыва к целесообразному действию" возникает, как правило, у человека в семье, где мать активна на первых стадиях воспитания, а отец неавторитарен и тактичен в воспитании подростка, особенно в отношении трудовой деятельности.

"Невозможно определить, в протестантских или католических семьях сильнее вызывает потребность к осуществлению цели", - пишет Маклелланд (цит. по 11, с.290). Исследования показывают, что в лютеранских семьях, как правило, отец более авторитарен, чем в католических, но существует и другой определитель-характер самого религиозного воспитания (личностный или ритуальный). Протестантская и католическая церкви имеют каждая внутри себя множество религиозных подгрупп, различных по своей манере воспитания.

Известный английский историк Р.Тоуни также не согласен с концепцией "протестантской этики". По его мнению, капиталистические отношения были развитыми во Фландрии, Италии и Южной Германии еще в ХУ в. История свидетельствует о том, пишет Тоуни, что капитализм может возникать под покровом разнообразных идеологических форм, таких, как итальянский гуманизм, макиавеллизм и т.п.

Г.Люти противопоставляет концепции "протестантской этики" концепцию роли "меньшинства" в создании буржуазного стиля жизни. Протестанты выступали как меньшинство в своей стране или как собиратели деловых меньшинств (Голландия, Северная Америка), Парсы в Индии, китайцы в Индонезии также являются подобным "деловым меньшинством". Таким образом, не реформация, а контрреформация, способствовавшая эмиграции делового меньшинства, оказалась существенным фактором в развитии капиталистических отношений в протестантских странах. (цит. по 11, с.387).

Экономический историк В.Вертхайм сообщает результаты проверки схемы Вебера на примере истории Голландии и стран Востока.

Быстрый взлет деловой активности голландской буржуазии и почти такой же быстрый спад на протяжении одного века — ХУП, превращение голландских промышленников и купцов в буржуа-рантье объясняется в "Протестантской этике" Вебера тем, что нидерландские купцы не были пуританами, а принадлежали к либеральной арминиаанской ветви кальвинизма (последователи теолога Арминия Лейденского). Арминяне, как утверждал Вебер, не принимали ортодоксально-кальвинистскую доктрину предопределения, поэтому у них не было стимула напряженно и методически доказывать себе свою богоизбранность.

Факты, собранные Вертхаймом, с его точки зрения, противоречат умозаключениям Вебера. Бурный рост голландской торговли связан именно с деятельностью двух поколений "либеральных кальвинистов". Вертхайм не находит у Вебера ответа на вопрос, почему поколение голландских купцов конца ХУП в. изменило свой стиль жизни. Другим опровержением концепции исключительности протестантской этики является феномен экономического развития Японии. Ссылаясь на работу японоведа Р.Белла, Вертхайм отмечает, что индустриализации в Японии, начавшаяся в эпоху Мэйдзи, осуществлялась не за счет накопления капитала у частных лиц, а благодаря деятельности правительства. "Р.Белла пытается, — подчеркивает Вертхайм, — доказать, что религия Токугава содержит много положительных условий для вызревания идеологии, которая в период Мэйдзи могла содействовать глубоким экономическим переменам. Главной силой промышленной революции была государственная власть. Пионерами нового экономического духа были аристократы-функционеры, принадлежащие к социальному слою самураев, но отнюдь не коммерсанты" (цит. по 11, с.389).

Белла анализирует этические принципы самурайского кодекса чести и приходит к выводу, что здесь сплетается стремление к аккуратному, точному руководству, к широкомасштабной практике с чувством постоянного возвеличения империи. "Корреляция между японской промышленной бюрократией и религией Токугава создала уникальные стимулы для экономического роста в Японии" (там же).

История экономики Нидерландов, продолжает Вертхайм, показывает, что в Голландии в период процветания торговых компаний главную роль в хозяйственной жизни страны играли администраторы, тесно связанные с торговым капиталом. Эти администраторы, в абсолютном большинстве умеренные кальвинисты, проявили завидное трудолюбие, сравнимое с деловитостью английских пуритан. Вертхайм считает, что связь капиталистических кругов с правительством — один из важнейших элементов экономического роста. Он приводит примеры из истории Германии эпохи "грюндерства" и показывает, какую огромную роль в индустриализации Германии сыграли "Рейхсбанк" (государственный банк) и прусская бюрократия.

Еще один пример Вертхайм приводит из истории Индонезии. Историки религии этой страны, анализируя учения различных мусульманских сект, приходят к выводу, что наиболее близкими к пуританам являются члены секты "сантри", распространенной на восточной Яве. Представители этой религиозной группы, как правило, мелкие торговцы и ремесленники, но не они создают базу для кадров современной буржуазии Индонезии. Носителем буржуазной идеологии стал слой яванских феодалов "прийари". Эти феодалы в связи с относительно быстрым экономическим ростом страны изменили свою социальную сущность. Многие представители "прийари" в последнее время получили образование в Европе и стали активно участвовать в деловой жизни. Причем клановый уклад упомянутого феодального слоя оказался в быстром потоке социальных перемен ферментом, содействующим образованию "современной" бюрократической буржуазии.

Сам П.Бенар считает, что противники Вебера лишь уточняют некоторые факты. Но дело в том, что Вебер подразумевает под "протестантской этикой" отнюдь не комплекс фактов, а идеальный тип, который просто приобретает новые контуры при сопоставлении с явлениями.

С критикой критиков Вебера можно согласиться в том отношении, что "протестантской этике" как концепции первоначального возникновения капитализма не совсем обоснованно противопоставлять факты его вторичного развития под влия-

янием уже сложившихся в других обществах капиталистических отношений или же прямой империалистической экспансии,

Однако концепция Вебера уязвима именно в своей методологической предпосылке реконструирования идеально-типического.

В работе советского историка Л.Ю.Слезкина "У истоков американской истории" подробно излагается ранняя история Новой Англии. На основании большого числа первоисточников автор показал крах "пуританской утопии" в Массачусете. Много места уделено в книге религии и идеологии пуритан; автор показал, что пуританское движение было многослойным и динамичным. Сущность его раскрывается скорее в изучении различных противоречивых умонастроений, постоянно менявшихся в результате религиозной борьбы и тесно связанной с ростом социальных противоречий в новой колонии.

Концентрация типических черт протестантизма в идеальном типе Вебера представляется абстрактной и статичной при сравнении с живой историей.

Если принцип "земного призвания" и способствовал мобилизации деловой активности в колонии, то главные ее условия лежали в объективных требованиях первоначального накопления. "В условиях, когда не было не только дешевой рабочей силы, но и ее вообще недоставало, хозяева были кровно заинтересованы в твердости контракта" (7, с.83).

Так обстоит дело с веберовской социологией религии, задуманной как попытка проникнуть в тайны развития общества и прежде всего найти особое объяснение возникновению и становлению европейского капитализма.

Но судьбы капитализма продолжают волновать Вебера и после того, как он, как ему казалось, нашел их истоки в "протестантской этике". Вебер не мог не видеть, что даже если капитализм возник из "протестантской этики", то в современных условиях она не играет решающую роль в его развитии. Поэтому он пробует применить свою идеально-типическую методологию, понятия этики, рационализации, бюрократии, харизмы уже не к анализу происхождения "духа капитализма", а к анализу (и прогнозу) широкого спектра хозяйственных, политических, правовых и административных отноше-

ний, составляющих амальгаму социально-экономической исторической реальности Западной Европы.

Этому, как отмечает Вейенберг, посвящено веберовское "Хозяйство и общество".

Вебер начинает с феодализма, который он стремится заново понять и переоценить. Западный феодализм, в представлении Вебера, пронизан особой этикой, особой этической убежденностью. Кристаллизуясь в "кодексе чести", она прежде всего способствует единению феодальной знати. Но этика "верности и благодарности" проникает и в глубины всей хозяйственной жизни, пронизывает все нормы, традиции, отношения. "Все, что по нашим понятиям поглощалось феодальным государством, — служба, общественный строй, — пишет Вебер, — было на самом деле системой сугубо личных отношений: крестьянин — феодал, сеньор — вассал" (16, т.2, с.761). Такие представления нашего бюрократического времени, как "объективный порядок вещей", "безличная общая цель", "исполнительская деловитость", вообще отсутствовали. Тенденция феодальной власти состояла не в рационализации, а в "стереотипизации". Разделение труда носило не качественный, а количественный характер разделения прав. Вебер, как свидетельствуют его тексты, считал невозможным передать уникальность феодального общества в представлениях современности. Живые люди, "господа с оружием в руках", творя власть и защиту, каждый на свой лад воплощали и осуществляли превращения социального хаоса в порядок. Их переплетающиеся связи объединяли средневековый мир в одну общность. Лишь в результате сложного уравнения феодальных сил возникает сословное государство, принцип которого — принцип чести. По своей сущности рыцарская мораль чести враждебна "деловому духу", который в ее представлении объективирует и обезличивает отношения между людьми. Впрочем, бюрократия феодального государства, как и всякая, в том числе и античная бюрократия, также утилитарна, лишена игрового элемента, как и буржуазия. Подчеркивая эту веберовскую характеристику буржуазно-бюрократического социального типа, Вейенберг показывает далее, как Вебер мыслит себе переход от харизматически окрашенного феодализ-

ма к бюрократически окрашенному буржуазному образу. Понятие харизмы Вебера в основном связано с действием личности. Харизматическая личность, принимая на себя ответственность за события, может игнорировать значительную часть жизненных факторов. Она, как правило, не считается, например, с экономическим фактором. Харизматическая власть в крайнем выражении не знает проблем прибыли, а руководствуется принципом добычи и даяния. "Харизма живет в мире, не будучи этим миром" (16, т.2, с.833). Вебер считает, что харизматическая власть ставит всегда перед собой неразрешимую проблему, стремясь освободиться от императивов повседневности. Но последняя парализует ее движение. Харизма обрастает аппаратом власти (17, с.329-330)!

В дальнейшем харизма сосуществует с бюрократией. В частности, техническое развитие, не исключая харизму, обязательно предполагает бюрократию с такими ее качествами, как "точность, быстрота, ясность, формализм, последовательность, секретность, стремление к унификации" (16, т.2, с.717). Постепенно бюрократический стиль проникает во все сферы человеческой жизни, включая экономику. Но перспектива рационального планового хозяйства Вебера не радует, в частности потому, что прогресс рационализации он считает в конечном счете иррациональным. Рациональность есть система, и для своей реализации она должна охватить весь универсум. Между тем бюрократия способна рационализировать лишь отдельные сферы бытия. Это противоречие влечет за собой неминуемый кризис. Оптимальное равновесие харизмы и рациональности было заключено в английском протестантизме. В дальнейшем чем более рационализируется жизнь, тем более нарастают в ней иррациональные моменты.

Так, развитая капиталистическая экономика, по Веберу, включает в себя иррациональное ценообразование, иррациональные взаимоотношения между рабочими и капиталистами.

Результат быстро растущей рационализации - постоянно увеличивающаяся дисциплина труда и процесс нового кастообразования. Человек превращается в профессионала, происходит "китайское ожесточение духа" - специализация уничтожает возможность личной свободы. Поэтому в отличие от катеде-

социалистов, Вебер не рассматривал диктатуру технократов как благо. Для него технократы вырастают в модернизированных "манدارинов" или в египетских жрецов.

Но Вебер отрицает и рациональность социализма. Он отрицал главное в марксизме – диктатуру пролетариата. По его мнению, возможна лишь одна диктатура – диктатура чиновников (17, с.349).

Вейенберг отмечает, что страх Вебера перед растущим "миром бюрократических предписаний" связан с его пристрастием к традициям буржуазной свободы прежних эпох. Свобода неотъемлема от индивидуального выбора, на который постоянно наступает рационализация. Возникает конфликт между двумя ценностными понятиями. Эта антиномия Вебером не решена (17, с.355).

Большое внимание в "Хозяйстве и обществе" уделено социологии развития права (17, с.352–363). Вебер намечает ряд стадий в развитии права как важнейшего элемента социального развития, связывая их с уже знакомыми нам идеально-типическими характеристиками:

- 1) открытое "харизматическое" право; его носители – пророки;
- 2) эмпирическое правотворчество феодальных сеньоров;
- 3) право центральной духовной и светской власти, которое она может делегировать отдельным лицам и институтам;
- 4) систематическая кодификация, основанная на профессиональной юриспруденции и опирающаяся на формально-логические методы, совершенствование юридической процедуры.

Исторически характерно для права развитие именно его формальной стороны. Оно происходит на всех четырех стадиях, но особенно на последней. Но как раз развитие рационально-логического аспекта в праве приводит к его последующей иррационализации.

Вебер пробует подкрепить этот тезис анализом истории западноевропейского права. В передаче Вейенберга, Вебер придавал особое значение тому, что западная цивилизация оказалась единственной, которой известно отделение теократии от светского права. Каноническое право развивается, заимствуя многое из римского права и, в свою очередь, высту-

пает как рациональная модель для светского права. Подобный синтез продолжался на протяжении всего средневековья. В континентальной Европе монополия толкования правовых норм принадлежала университетам. В Англии главную роль в этом процессе играли юристы-практики. Как правило, между традиционной юридической нормой и жизненным явлением существует противоречие. Это несовпадение и даже порой противопоставление права жизни содействовало развитию "прецедентного" права в Англии.

Впрочем, если университет в Англии играл роль "рационального разработчика" права, а не догматика, то в континентальной Европе намечалась скорее тенденция к абстрактной правовой логике. Вебер при этом, по мнению Вейенберга, достаточно явно симпатизирует подвижному английскому праву, которое было быстро адаптировано капитализмом¹⁾. В результате синтеза королевского, городского и канонического права, продолжает Вебер, возникает такой феномен, который получил название "естественного права". В отождествлении естественного с правовым в признании права естественным законом Вебер видит проявление роста бюрократии и формальной рационализации, хотя и подчеркивает многосложность естественного права (в отличие от римского права, формировавшегося из единого центра правовой мысли).

Вообще Вебер различает "формальное" и "материальное" право. Первое — продукт чистой логической дедукции. Второе — хаотически-индуктивно и подчиняется множеству факторов. Внутри каждой из описанных ранее форм права, замечает Вебер, можно обнаружить и "формальный" и "материальный" элементы. Между формальным и материальным правом существует извечный конфликт. Материальное право в средние века поддерживалось феодальными сеньорами, а формальное — юристами и бюрократами.

¹⁾ На наш взгляд, это связано и с тем, что принципы формирования прецедентного права имеют нечто общее с веберовским методом конструирования идеальных типов. — Прим авт.

"Естественное право", означая синтез разных форм средневекового права, означало также синтез материального и формального права, определивший его дальнейшее развитие. Буржуазное право, развиваясь, "вырождается". Оно утрачивает харизматические черты, пропитывается скептицизмом, эволюция теорий разрушает аксиоматику естественного права. Так, правовой позитивизм привел к потере правом внеопытной основы и к растеканию его по узким классификациям. В конечном счете право стало выразителем интересов общественных групп. В итоге право принимает текучий, непостоянный характер. Как пишет Вейенберг, комментаторы Вебера здесь прослеживают противоречие между тональностью веберовского текста и его принципом ценностного нейтралитета. Вебер, по мнению Вейенберга, явно не сочувствует позитивистскому подходу к праву (17, с.227). Это особенно сказывается в утверждении Вебера о том, что синтез материального и формального начал в праве достигает якобы своего апогея в социалистической теории, которая как путь развития открыто всуждается Вебером.

Работа Вейенберга оставляет впечатление, что современность вообще давит на Вебера. Далекое не вызывает у него приятия, а близкое тяготит. Больше всего тяготит Вебера рост иррационального момента в связи с ростом рационального. "Поскольку искусство игры современного толкователя правовой системы по своей природе не рационально, иррациональный момент наступает по мере рационализации техники права" (16, с.651). Прогресс техники права разрушает сакральное его качество, и монументальный иррационализм заменяется "иррациональным ползучим эмпиризмом".

Основная мысль Вебера заключается в том, что главная черта развития западного общества - "снятие чар" - "ent-zäuberung". Это процесс ослабления "сакрального", отмирания магии и прогрессивного затухания харизмы, достигающий своей кульминации с развитием современной науки. Однако современный человек, подчеркивает Вебер, на самом деле знает о себе и о своей среде обитания не намного больше, чем первобытный человек, который хотя и не обладал возможностью объяснить естественные явления, но был; по его мнению, бо-

лее уверен в своем существовании, чем его цивилизованный потомок. "Жизненное кредо современного человека сводится к тому, что для обладания миром следует отбросить всякую таинственную силу; тайны мироздания открываются разуму при помощи науки" (17, с.365). Но "расколдование" мира изменяет и облик науки. Ее представления как бы лишаются иррациональной плоти, "иссушаются". Наука, лишенная тайны, превращается в сумму технических знаний. Отныне наука не ведет от низшего бытия к высшему. Она позволяет лишь отчетливее представлять различные элементы "вечной аксиологической дискуссии". Чисто позитивистская наука оказывается беззащитной перед критикой религии, "поскольку буржуазное понимание прогресса в общем безразлично к существованию конкретного индивида" (17, с.365), — так интерпретирует мысль Вебера М.Вейенберг.

Следующее специфическое качество западной цивилизации, по Веберу, — предвидение и активность (секуляризированное наследство этики предопределения) — также амбивалентно. Рационализация ведет к реализации, к позитивному принципу. Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы иметь власть над природой и людьми. Но такая рационализация социального поведения ведет на самом деле к увеличению возможности порабощения одних людей другими. Вебер, замечает Вейенберг, писал эти слова под впечатлением внедрения рациональных методов управления в Германии в эпоху первой мировой войны (17, с.365).

Амбивалентна и свойственная западной культуре объективация, опредмечивание человеческих отношений. Пуританизм, бюрократия, капитализм и формальное право породили обезличивание отношений между людьми. Рациональная целесообразность противостоит эмоциональности и чувственности. Этот процесс объективизации и овеществления проявляется в сужении театра действия для основных актеров капиталистического общества — рабочих и капиталистов. Данная ситуация автоматически приводит к обострению классовой борьбы, которая, по его мнению, порождается самим механизмом рынка, господством вещей над людьми.

(Для Вебера классовая борьба не движущая сила истории, а вторичное явление).

Четвертым специфическим качеством западного общества Вебер считает дисциплину. "Западная дисциплина" органически связана с присущим европейской традиции предрасположением человека к подчинению и приказу. Пуританизму была свойственна дисциплина призвания — подчинение времени воле. Современная дисциплина приводит к тому, отмечает Вебер, что время все менее зависит от воли индивида. Его свобода ограничивается.

Непрерывность также является качественной чертой современного западного бытия. Современное общество постоянно развивается, движется в определенном направлении. В этом его отличие от статичных цивилизаций древности и средних веков. Но непрерывность развития связана с убыстряющейся бюрократизацией государственного аппарата.

Последняя черта западной цивилизации — растущая потребность в систематизации явлений. В области религии и права она проявляется весьма активно. Но особенно динамичен процесс систематизации в науке. Этот процесс проявляется во всех сторонах растущего бюрократического бытия.

Рационализация, заключает Вебер, и есть усиление всех этих шести качеств западного развития "снятия" чар" или расчета в целях предвидения, объективации, дисциплины, непрерывности, систематичности.

Основное направление развития — переход от "сообщества", в основе которого просто лежат человеческие отношения (*gemeinschaft*), к "обществу", основанному на конструировании отношений (*gesellschaft*). Индивидам данного общества он представляется практически бесконечным. "В основе *gemeinschaft* лежит традиция, проникнутая чувством. В основе *gesellschaft* — рациональный расчет и практический интерес" (17, с.367). Переход от традиционного общества к социализированному порождает необходимые для последнего формы организации: предприятия, ассоциации, институты. (Вебер обращает внимание на происхождение этих форм организации: ассоциация и институт — секуляризованные и церковные образования. Католицизм институцио-

нален, а пуританизм держится на принципе ассоциации. Эта основная тенденция не исключает второстепенных новообразований).

Уничтожается традиция, уничтожается харизма, но, отмечает Вебер, они не просто разрушаются и исчезают. Они существуют, не столь заметные, будничные. Харизма как бы вырастает в повседневное существование. Может ли она возникнуть в своей полной силе в рациональном обществе? Ключевым вопросом для Вебера — не будет ли она всегда разбиваться о холодную стену науки. "Мы здесь касаемся деликатного пункта мысли социолога, — пишет Вейенберг, — отношения Вебера к такому явлению, как харизма. Революционная роль, которую Вебер предназначал харизме в историческом становлении общества, была связана с признанием творческой свободы как черты харизматического поведения. Носитель харизмы в истории всегда в конфликте с традиционной будничностью" (17, с.371). Вейенберг отмечает, что в работах Вебера можно проследить ностальгию по тем временам, когда человек мог поднять народ, благодаря дару пророка и вождя. В последних выступлениях Вебера заметна горечь ощущения современной эпохи, как эпохи эпигонства бюрократизма и интенсивной специализации. Но, с другой стороны, отмечает Вейенберг, у Вебера есть серьезное предположение, что интеллект и рационализация могут породить новую харизму. Ведь одной из причин появления новых пророков явилось смутное осознание необходимости их появления. Такое интеллектуализированное ожидание можно найти в "сверхчеловеке" Ницше. В этой связи Вебер обращается к анализу тенденции современного интеллектуализма. Сочетание специализации и аскетизма, отмечает он, стало невыносимым для многочисленных интеллигентов, которые обнаруживают все нарастающее стремление к уходу в иррациональный мир. Иррациональное начало проникает во все сферы интеллектуальной деятельности: религию, искусство, юридический процесс. Теперь интеллигент ищет в собственном переживании творческую силу и связь с природой. Это, по мнению Вебера, следствие краха иллюзий рационализма. Но напряженные поиски себя сопровождаются поиском сильной личности.

Вебер высказывает понимание стремления молодого поколения к харизме. Поскольку рационализированная научная дисциплина непривлекательна для молодежи, она ищет в профессоре пророка. Однако нигилистическое отношение современных "интеллектуалов" к науке все же тревожило Вебера. В своих последних лекциях он призывал молодежь к строгой научной честности, к ответственности в оценке реальной ситуации. Прежде чем осуждать науку, ее надо знать (17, с.372). Подчеркивая это обстоятельство, Вейенберг отмечает противоречивость личности Вебера, проявившуюся, в частности, в его различном отношении к науке и к политике. "Не уступал ли он там тому злу, которое здесь критиковал, ведь в политике он апеллировал к харизматической личности", — замечает Вейенберг, (17, с.372).

Не связана ли тема натиска рационализации и конфликта между харизмой, традицией и рациональностью с декларативным подходом философа истории, хотя подобная декларативность, казалось бы, исключается самим веберовским принципом ценностного нейтралитета? "Из рассуждений Вебера можно заключить, — пишет бельгийский социолог, — что в отношении трех основных понятий его социологии каждый раз на первый план выходит рационализация и, стало быть, речь идет об однолинейной направленной эволюции" (17, с.372). Между тем, хотя харизма и традиция ведут к рационализации, но главным свойством рационализации оказывается неуправляемость. Определяя ее как "рациональный волюнтаризм", Вейенберг замечает, что сам Вебер крайне осторожен в своих конечных выводах. Видеть в его размышлениях философию истории можно лишь при известном упрощении и вульгаризации взглядов немецкого социолога. И нельзя, считает Вейенберг, приписывать Веберу представления о поступательности и линейности развития — из традиционного в харизматическое, из харизматического в рациональное. Скорее можно говорить о веберовском плюрализме толкования процесса. Одним из типичных проявлений этого плюрализма подхода Вебера к историческому процессу был антиномический баланс харизмы и

рационализации: "Все движение происходит в столкновении между харизмой, традицией, рационализацией; история эволюционирует не в ритме двух времен, а в ритме трех времен" (17, с.373). Все три ведущие категории Вебера - идеальные типы. Но надо отметить, что рационализация как идеальный тип применима только к истории Европы ХУП-ХУШ вв. Западноевропейские вебероведы во многом, но далеко не во всем, сходятся в оценке Вебера и его наследства. Для ведущего западногерманского исследователя веберовской социологии Вольфганга Моммзена (12; 13), как и для Вейенберга, проблема Вебера - это прежде всего проблема отношения к научному, с одной стороны, и философскому - с другой, истолкованию истории.

Всякое "научное" истолкование общего хода истории, объявил Вебер, есть не что иное, как подстановка земной (terrestrial) религии на место потерявшего свои чары религиозного мировоззрения. Наука профессиональна и не может выйти за рамки частичных фактов и экспериментов. Как только она это делает, она превращается в опирающуюся на "внутренний мир" субъективную оценочную систему, из которой рождаются такие псевдонаучные представления, как "прогресс", "уничтожение господства человека над человеком" и т.п. "Научное" объяснение общего хода истории противоречит самой природе "науки".

Изложив эти тезисы Вебера, В.Моммзен задается "рискованной", как он заявляет, задачей показать, что "система" Вебера "при всей ее кажущейся прагматичности и оценочной нейтральности опиралась на определенную историко-философскую теорию" (13, с.25). Страстная борьба Вебера против псевдонаучного, как он считал, стремления "объяснить историю" имеет своим источником не только выработанную им методологию оценочного нейтралитета, выраженную в категориях "идеальных типов", "рационализации" и др. "Если Вебер восстал против исторических теорий, которые он считал ненаучными, то он сделал это не только как защитник концепции объективного научного знания, опирающегося на четкое разграничение между оценочными суждениями и экспериментальным поиском как на высший принцип научной доо-

товерности. Он сделал это также как наследник немецкого идеализма, и не в последнюю очередь – как ученик Ницше”, – пишет В.Моммзен (13, с.28).

Онтологические теории, продолжает В.Моммзен, рассматривавшие в качестве главной движущей силы исторического процесса сверхличностные факторы и опиравшиеся на представление о развитии как развертывании различных ипостасей “мирового духа”, будь то теория осознанной свободы, или диалектики экономических отношений производства, или эманации национального духа, или же морфологической и биологической эволюции людей и т.п. – все эти теории были несовместимы с представлением о личности, с “идеей личности” как центрального пункта мышления М.Вебера. Поиск смысла, “означение”, “осмысление” мира в веберовском представлении является всегда выражением личностного решения, означает выбор “между богами”, избрание “демона”, управляющего нитями индивидуальной жизни. И ни наука, ни теория, релевантная философии истории, не могут заменить этот выбор.

Интеллектуальная позиция Вебера, утверждает Моммзен, возникла в атмосфере современной ему “философии истории”. Не история, а личность господствует в конкретном мире в силу своей способности осуществить духовный выбор, примкнуть к передовым, с ее точки зрения, идеям и, объединившись со сторонниками, повдигать на социальную реальность в духе этих идей – таков был дух этой критики. И именно такой свободный выбор сделал, по мнению Моммзена, Вебер, примкнув к Ницше с его моралью решимости, абсолютной свободы личности в выборе ценностей, в каком бы явном противоречии они ни находились с традиционными ценностями общества. Идеи Ницше оказали существенное влияние на веберовскую “личностную” концепцию, поскольку она исходит из того, что нормативные идеи становятся обязательными для индивида лишь в силу его свободного выбора.

Однако, и Моммзен усиленно подчеркивает это, Вебер далек от культа иррациональности. Личность в его глазах базируется на определенном “постоянстве внутренних связей, соотносенных с определенными “ценностями” и определенным

конечным жизненно важным выбором", но отнюдь не на сиюминутных настроениях, не связанных с устойчивым опытом. Личности присущ феномен интеллектуальной ясности, связанный со стремлением делать постоянный ясный выбор между различными комбинациями ценностей в каждый данный момент. Именно этот рациональный выбор отличает человека, позволяя ему подняться над темной, "инстинктивной и растительной" стороной его жизни. И наука должна помогать человеку в обретении ясности понимания конечного смысла его действий, показывая взаимосвязь между различными способами реализации своих идей, но показывая ему при этом и возможности применения других идей.

В.Моммзэн прослеживает далее, как основная, в его интерпретации, линия Вебера - человек решает, а разум (наука) помогает делать ясный с точки зрения последствий, ценностно окрашенный выбор - проявляется в различных аспектах и способах предпринятой Вебером попытки проникновения в историю (история и социология религии, история и социология хозяйственной жизни, история и социология политики).

Во всех этих попытках Вебер, в отличие от Ницше, всегда стремился отстраниться от определенной ценностной субъективности. Однако в то же время он подчеркивал, например, свое особое отношение к протестантской этике. "Никто из нас уже не может принадлежать к секте квакеров и баптистов и т.д., прежде всего потому, что время "сект" и других групп этого порядка ушло. Но, с другой стороны, наша нация не совсем порвала с религиозным аскетизмом или с какой-либо близкой формой поведения" (13, с.33).

Вебера, несомненно, привлекает проблема напряжения между религиозной моралью и естественным качеством земного грешного человека. Нравственная дисциплина пуританизма для него является необходимой стадией развития этого напряжения. Пуританизм может найти внутреннее примирение только в непрерывной нравственно-окрашенной земной активности. Но, к сожалению, для Вебера парадокс истории состоит в том, что вызывающая творческое напряжение харизма усиливает свою противоположность - рационализацию, в которой творческий поэтический момент предельно приглушен.

Поэтому, подчеркивает Моммзен, Вебер в исторической перспективе видит жизненное пространство, заполненное рационализацией, создающей условия для превращения человека, полного творческого напряжения, в адаптивного индивида, подчиненного универсализации. И в этом он приближается к Ницше. Мысль Вебера о возможной судьбе грядущего общества сливается с приводимым В.Моммзеном пророчеством Я.Буркхардта: "Ницше в будущем будет положен определенный предел, но вместе с тем в перспективе жизни угрожает единообразный ритм" (13, с.30). Но если Вебер отрицает "прогресс" в развитии, то он одновременно отрицает ницшеанскую модель героя и толпы, которая растворяется в личности вождя.

Моммзен старается обосновать тезис о некоей срединной позиции Вебера между Ницше и позитивистским взглядом на мир. "Макс Вебер, — пишет В.Моммзен, — отказывался отвечать на вопрос о смысле истории. Однако он основывал свои научные труды на определенной концепции культурного развития, стержнем которой считал исторический факт повседневной борьбы творческой личности с силами рационализации" (13, с.47). Хотя он и боялся, что личность будет поглощена рационализацией, но все же не искал спасения в примитивном культе иррациональности. Он принимал рационализацию как неизбежность. Но именно в рациональном мире личность как никогда должна утверждать и отстаивать свою индивидуальность, применяя к общению с этим миром наиболее адекватные средства. Принципы индивидуальности и рациональности, по Веберу, суть великие диалектические противоположности. Рациональный способ существования является сущностной характеристикой личности. Но, не уставал подчеркивать Вебер, существует извечный антагонизм между идеалом личной ответственности и результатами рационализации, особенно усиливающимися в современном мире труда с его бюрократией и дисциплиной. И этот конфликт для него составляет главную тему мировой истории.

"Боязнь нового "рабства будущего", но в то же время уверенность в том, что человечество, раз вступившее на путь рационализации всех аспектов жизни, не сможет повернуть

назад, определили в значительной степени социально-политические идеалы Вебера" (13, с.47). Его попытки разрешить с помощью конструирования политической системы основное противоречие современного общества (между индивидуальной ответственностью и рациональной обезличкой) В.Моммзен расценивает как позицию "либерального аристократа, стремящегося сблизить полярно противоположные силы" (13, с.48). С этим связаны веберовские идеи вождистской плебисцитарной демократии, соединения естественного авторитета харизмы с эффективностью бюрократии в целях сохранения открытого общества. "Это была позиция героического пессимизма", — пишет в заключение В.Моммзен (13, с.48).

Давая общую оценку Веберу, А.Г.Здравомыслов отмечает: "Это человек гуманистической культуры, трагически переживающий мысль, что ни для одного из своих идеалов он, пожалуй, уже не может найти "научного" обоснования и в то же время исключаящий саму возможность обосновать их каким-либо способом" (3, с.229).

Вебер, пишет английский марксист Д.Люис, искренне признает ограниченность перспективы своей эпохи (5, с.174). То, что Вебер понимает как расширение принципа рационализации, является выражением кризиса капиталистической цивилизации. Кризис капитализма был глубоким личным кризисом Вебера. Он не мог выйти из заколдованного круга противоречий. Характерным проявлением противоречивости взглядов Вебера было его отношение к Марксу. Он не принимал революционной тебрии марксизма, но не мог не уважать Маркса как ученого. В книге Вейенберга описывается следующий эпизод из жизни Вебера. В феврале 1919 г. Вебер встретился в открытом диспуте с Освальдом Шпенглером, автором книги "Закат Европы". Когда Шпенглер начал критиковать Маркса, Вебер вспылал. Он заявил, что предвидения Маркса подтверждаются весьма точно историей, в то время как выводы Шпенглера остаются весьма расплывчатыми и туманными. Вебер сказал, что он не видит строгих научных критериев, которые обосновывали бы концепцию Шпенглера о расцвете и упадке культур. И хотя пессимизм Шпенглера совпадал с общей пессимистической

оценкой перспектив развития Вебера, субъективный подход Шпенглера к истории вызывал у него раздражение как у ученого, стремившегося подчинить всю свою научную деятельность познанию истины. Но это отношение Вебера к Марксу отнюдь не означает, что немецкий социолог может рассматриваться как марксист. Вебер — идеалистически мыслящий буржуазный ученый, противостоящий марксизму.

"Сложность воззрений Вебера, неоднозначность толкования многих проблем, содержащихся в его произведениях, требуют постоянного внимания к его творчеству и выяснения принципиальной несовместимости марксизма-ленинизма, с одной стороны, и веберизма — с другой" (4, с.380).

Список литературы

1. Вебер М. Исследования по методологии науки / Пер. Левиной М.И. — М.: ИНИОН АН СССР, 1980. — Ч. 1. 202 с.
2. Гайденок П.П. Макс Вебер о методологии социальных наук. — В кн.: Вебер М. Исследования по методологии науки / Пер. Левиной М.И.; АН СССР. ИНИОН. М., 1980, с.7-53.
3. Здравомыслов А.Г. Рец. на кн.: Д.Льюис. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера. М.: Прогресс, 1981. — Обществ. науки, М., 1982, № 5, с.226-230.
4. Здравомыслов А.Г. Социология Макса Вебера и современная идеологическая борьба. — В кн.: Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма. М., 1980, с.374-401.
5. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Здравомыслова А.Г. — М.: Прогресс, 1981. — 200 с.
6. Неусыхин А.И. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки. — В кн.: Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974, с.413-471.
7. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории: Массачусетс. — Мериленд, 1630-1642/ АН СССР. Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 1980. — 343 с

8. Aron R. La philosophie critique de l'histoire: Essai sur une theorie allemande de l'histoire. - P.: Vrin, 1950. - 324 p. (Bibl. d'histoire de philosophie).
9. Bendix R. Max Weber: An intellectual portrait. - Garden City (N.Y.): Doubleday, 1960. - 480 p. - Bibliogr.: p.9-12.
10. Bendix R. Max Weber et la sociologie contemporaine. - Rev. intern. des sciences sociales, P., 1965, vol.17, N 1, p.9-22.
11. Besnard P. Protestantisme et capitalisme: La controverse post-weberienne (Freund, Sombart, Tawney g.a.). - P.: Colin, 1970. - 427 p. - (Col. U2. Ser. Sociologie; 106). - Bibliogr.: p.406-426.
12. Mommsen W. The age of bureaucracy: Perspectives in the political sociology of Max Weber. - Oxford: Blackwell, 1974. - XVI, 124 p. - (Explorations in interpretative sociology). - Bibliogr.: p.116-124.
13. Mommsen W. La sociologie politique de Max Weber et sa philosophie de l'histoire universelle. - Rev. intern. des sciences sociales, P., 1965, vol.17, N 1, p.23-48.
14. Parsons T. Evaluation et objectivite dans le domaine des sciences sociales: une interpretation des travaux de Max Weber. - Ibid., p.49-70.
15. Prades J.A. La sociologie de la religion chez Max Weber: Essai d'analysis et de critique de la methode. - Louvain: Nauwelaerts; Paris : Béatrice-Nauwelaerts, 1966. - 292 p. - (Université, cathol. de Louvain Fac. des sciences econ. et sociales. Nouv. ser.; 8).
16. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie / Hrsg. von Winckelmann J. - Köln, Berlin: Kiepenheue & Witsch, 1964, - Bd 1-2.

17, Weyembergh M. Le volontarisme rationnel de Max Weber. - Bruxelles, 1972. - XXXII, 518 p. - (Académie royale de Belgique. Mémoires de la Classe des lettres. Coll. in-8e-2e sér; T. 61. Fasc. 1). - Bibliogr.: p.489-509.

А.Б.Капля

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ Т. ПАРСОНСА В ТРАКТОВКЕ ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Начальный этап осмысления феномена модернизации в буржуазной социологии проходил под знаком наивных технологических представлений, согласно которым достаточно полное заимствование экономически отсталыми нациями технических средств у более развитых стран сможет сравнительно "автоматически" вывести их на современный уровень развития. Не свободными от этих представлений оказались и более поздние "конвергенционные" теории развития. Они, правда, содержали мысль о заимствовании помимо техники ценностей и способов социальной организации, но отнюдь не отказывались от идеи однолинейного развития, при котором одни страны отстают от других, но в целом все они движутся по одному пути (22). Вместе с тем стала укреплять свои позиции школа "культуры и личности", подчеркивавшая разнообразие культурных типов человеческих обществ и приходившая к выводу о несводимости путей их эволюции к единому процессу. Попытки синтезировать эти крайние точки зрения были связаны с разработкой системного подхода к общественным явлениям, при котором и технологическим процессам и культурно-символическим явлениям отводилось бы надлежащее место среди факторов, совокупно определяющих на разных уровнях изменения: тех или иных общественных структур, направленность этих изменений, а также возникающие в процессе изменений переходные (неуравновешенные) состояния систем

Среди таких попыток в буржуазной теоретической социологии ведущее место принадлежит общей теории действия Т.Парсонса¹⁾. В своих работах американский социолог отстраивался от представлений о человеческой реальности (если воспользоваться диалектическим термином - о "человеческой" форме движения) как о системе, исторически выделившейся из внечеловеческого, биологического и физического, мира и обладающей свойствами "открытой" системы, обменивающейся со средой и поддерживающей свои границы по отношению к этой среде. Среди этих свойств важнейшее - способность человека кодировать реальность с помощью символических систем, главной из которых является язык. Остальные свойства - "социальность", "личностность" и "биологичность" - также специфичны для человеческого действия, хотя и находят себе аналоги в животном мире. Соответственно этим свойствам система человеческого действия подразделяется на четыре подсистемы²⁾ - культуру, социальную систему, личность и организм, - выполняющих четыре основные для любой самосохраняющейся системы функции - сохранения идентичности системы, интеграции, целедостижения и адаптации. Каждая из вышеуказанных подсистем в свою очередь делится на такие же функциональные подсистемы. Парсонс считал, что сама система человеческого действия как система высшего порядка не претерпевает изменений в смысле превращения в другую (нечеловеческую) систему. Она лишь поддерживает свои границы. Но это поддержание границ осуществляется за счет протекающих внутри нее, на других более дробных "нижележащих" уровнях, бесконечных процессов изменений, структурной перестройки, возникновения новых механизмов взаимосвязи между подсистемами и т.п., т.е.

1) См.Седов Л.А. Парсонс Толкотт. - В кн.: Большая сов. энциклопедия. 3-е изд., М., 1975, т. 19, с.675-676.

2) В дальнейшем рассматриваемые как самостоятельные (хотя и взаимосвязанные) системы. - Прим. ред.

процессов изменения, которые и являются предметом парсонсовской теории изменения. Поэтому представления о равновесии, об устойчивости определенных структурных компонентов сопрягаются в теории Парсонса с представлениями об изменении и развитии. Парсонсовские системы входят одна в другую, и структурные изменения в системах одного уровня представляют собой часть процессов поддержания равновесия в системах другого, более высокого ранга, объемлющих или включающих в себя первые. Таким образом, анализ любого конкретного общественного процесса зависит от того, что принимается за точку отсчета, изменения какой системы имеются в виду, что выбирается в качестве показателей ее стабильности и т.п. Только после такого соотнесения с определенным уровнем анализа становится возможным различать изменения в системе и изменения системы, отделять процессы, поддерживающие границы системы и не влекущие за собой структурной реорганизации компонентов системы (нормальные взаимообмены), от процессов поддержания границ системы, влекущих такую перестройку (например, структурная дифференциация) и от процессов, вовсе меняющих данную систему и ведущих к превращению ее в систему другого типа¹⁾.

Однако, вплоть до середины 60-х годов Парсонс почти не уделял внимания вопросам развития, полагая, что "общая теория процессов изменения социальных систем невозможна на современном уровне знаний" (13, с.486). Это его утверждение основывалось на убежденности в том, что созданию теорий об изменении объекта должно предшествовать исчерпывающее теоретическое знание о его функционировании.

Лишь в 60-е годы Парсонс считал свою теоретическую конструкцию достаточно фундаментальной, чтобы приступить к анализу проблем развития общества и культуры. Между тем

1) См. вступительную статью, с. 19-22.

в американской общественной науке к этому времени начала разворачиваться полемика по вопросам развития, которая обострилась в последующие годы и в ходе которой возникли различные "системные" и "антисистемные" теоретические концепции. Один из вариантов исторически конкретизированного системного анализа был предложен американским историком И. Уоллерстайном (28). Исследуя процессы становления современной капиталистической системы, Уоллерстайн отверг возможность постижения социоэкономических процессов изменения (культура вообще находится за пределами его внимания) на уровне отдельно взятых стран (за исключением сравнительно замкнутых "примитивных" обществ). В его конструкции страны, выполняют роль элементов более широких мировых систем двух типов: централизованно-редистрибутивной системы мировых империй, основанной на связях чисто политического характера; и относительно децентрализованной (капиталистической) системы государств, основанной на свободных связях рыночного типа, но включающей политически зависимую периферию. В своем глобальном построении Уоллерстайн не пользуется парсонсовским понятийным аппаратом, и, оставаясь по-прежнему экономическим историком, мало озабочен абстрактными вопросами строения общества "вообще". Его подход как бы вводит конкретные механизмы модернизации в общую историческую проблематику глобального развития, исключая перспективу его исследования в рамках "суверенных" государств на основе поиска здесь внутренних источников спонтанного и автономного развития.

Нельзя не отметить, однако, и существования в американской социологии развития довольно сильного "антисистемного" течения. Основываясь на трактовке системного подхода как исходящего исключительно из модели равновесных систем и подчеркивая то эмпирическое обстоятельство, что реальные общества никогда не демонстрируют той согласованности и последовательности, которую им приписывает модель стремящейся к равновесию системы, представители этого течения предложили или вовсе отказаться от системной стратегии построения теории, или отодвинуть ее на задний план.

Так, известный американский политический социолог Р.Бендикс, отмечая, что все общества представляют собой "разного рода амальгамы традиционности и современности, при которых любое развитие представляется частичным", заявил: "Будущим историкам, вероятно, покажется немного смешным, а еще больше трогательным то, что главной теоретической перспективой нашего времени была органическая концепция общества, основанная на идее равновесия" (5, с.301). Примечательно, что и Парсонс, и Бендикс при этом признают себя последователями М.Вебера. Однако методологическая направленность их теорий оказывается как бы противоположной. Парсонс доводит веберовскую идею рационализации до уровня абстрактно-целесообразных систем. Направление Бендикса ставит под вопрос полезность рассмотрения обществ как систем. "Предлагаемая здесь интерпретация Вебера... (задумана как) альтернатива любым системным моделям общества, будь то функционалистские, марксистские или и то и другое вместе" (8, с.56).

Декларируя размежевание с системным функционализмом Парсонса и с марксизмом, Бендикс и его наиболее видный единомышленник С.Липсет создают, как им представляется, "внесистемную" концепцию социальной динамики, опирающуюся на понятие постоянно себя воспроизводящего конфликта и конфликтующих интересов, определяемых в конечном счете классовым сознанием. Любое общество в их изображении предстает как конгломерат борющихся групп. При анализе политического развития модернизирующихся обществ подчеркивается (не отрицаемая, впрочем, и системным направлением) "возможность расхождений и противоречий между такими элементами современного общественного строя, как свобода, равенство и (экономический) рост" (6, с.245). В конечном счете отрицание этим направлением системности объекта исследования общества ведет к невозможности ответа на вопрос "развитие чего?" и тем самым к отрицанию общественно-исторического развития как направленного процесса, что все-таки заложено "в девелопментализме" (1, с.232).

Еще одна попытка создать модель единого социального и исторического развития содержится в книге американского

социолога Ирвинга Зейтлина (30), который стремится "объединить" Вебера с Марксом. Модель эта исходит из выдвижения на первый план трех "наиболее стратегических сфер": экономической, политической и военной, — из того, кто, как и на каких этапах контролирует средства производства, средства управления и средства принуждения. Что касается крайне радикальных социологов, то зачислив Маркса, Вебера и Парсонса в группу "конформных ортодоксов", они предлагают искать совсем новые пути осмысления реальности меняющегося мира (2). Между тем как сам Парсонс, так и его последователи, невзирая на критику, продолжали и продолжают разрабатывать общую теорию действия в направлении проблематики развития.

Ближе всего к формулированию положений, непосредственно касающихся проблем развития и влияющих на теорию модернизации, Т. Парсонс подошел в работе "Эволюционные универсалии общества" (18). Эта работа была подвергнута операционализации и эмпирической проверке ее положений в исследовании американских социологов Г. Бака и Э. Джекобсона (6). Парсонс абстрактно выделял четыре "универсалии" или организационных устройства, которые необходимы любой социальной системе — 1) систему коммуникаций, 2) какую-то форму родственной организации, 3) какую-то форму религии и 4) пусть рудиментарную, но технологию, — и шесть "универсалий", которые должны последовательно возникать в ходе ее развития (7, с. 343). Первый признак развития — 5) система стратификации, за ней следуют: 6) культурная легитимизация этой стратификации, 7) бюрократическая организация, 8) деньги и рынок; вслед за этим 9) обобщенные универсалистские нормы и, наконец, 10) "демократические ассоциации". В этих этапах общественного развития или свойствах общественной системы на разных этапах Парсонс впервые попытался объединить, и притом на весьма абстрактном уровне, эволюционистский и структурно-функциональный подходы. Что касается Бака и Джекобсона, то они поставили перед собой задачу проверить пригодность парсоновских универсалий для анализа структуры развития современных обществ, группировки их в типы по степени модернизованности и по

характеру структурных помех, влияющих на процессы модернизации. Для этого ими были разработаны пятибалльная система оценки развитости каждой из переменных "универсалий" и система индикаторов, позволяющих определить соответствующий балл для каждой "универсалии" в каждой из 50 отобранных для анализа стран. Выявление групп стран, достигших примерно одинакового уровня и вместе с тем установление проблем, стоящих на пути модернизации, производилось путем операций с полученной таким образом шкалограммой. "Как мы можем заключить, — пишут исследователи, — нам удалось продемонстрировать, что модернизация, индустриализация или социальное изменение — понятия, имеющие одно измерение. Таким образом подтверждается наше первоначальное суждение о том, что основные институты социальной системы связаны между собой или взаимопроникают друг в друга в структурно-функциональном смысле.

Далее, мы можем заявить, вместе с Парсонсом, что социальное изменение имеет определенную структуру или последовательность. Не без трепета мы заключаем даже, что Парсонсу удалось выделить последовательность эволюционных стадий, через которую проходит большинство обществ" (6, с.349).

На следующем этапе работы со шкалограммой авторы отошли от формальной строго структурно-функциональной схемы для того, чтобы заняться количественно-качественным анализом генетического типа развития. Для этого они сгруппировали страны по пяти уровням развития и внутри этих групп варьировали последовательность универсалий таким образом, чтобы свести до минимума шкаловые отклонения. "В результате оказалось возможным распознать те универсалии, которые облегчают или задерживают социальное изменение для каждого из уровней". (Группировка стран производилась путем модальной¹⁾ оценки всех десяти переменных — "универсалий".) (6, с.349).

Дальнейшие рассуждения основывались на предположении, что сбалансированность "универсалий" означает возможность

1) Т.е. качественно-количественной, — Прим. ред.

дальнейшего "бесконфликтного" развития. Отставание одной или нескольких универсалий от общего уровня интерпретировалось как существование дезэквилибриума, сдерживающего дальнейшее развитие, а опережающее развитие универсалий — дезэквилибриум, подталкивающий процесс развития в сторону достижения нового равновесия на следующем более высоком уровне.

Авторы полагают, что любое состояние равновесия рано или поздно нарушается в одном из этих двух вариантов. Не сбрасывают они со счетов и возможности того, что слишком большое опережение в развитии одной или более универсалий может оказаться и сдерживающим фактором, в той мере, в какой ограниченные ресурсы могут направляться в эти переразвитые сферы в ущерб остальным.

Помимо множества частных наблюдений для каждого из уровней развития, авторы выявили определенную циклическую закономерность чередования стадий равновесия и неравновесия.

В целом, как считают авторы, исследование показало, что, по крайней мере, один фрагмент парсонсовской теории социальных изменений поддается операционализации и способен к порождению интересных результатов даже на эмпирическом уровне. Что же касается других ее составляющих, то, как станет ясно ниже, они оказались не столь податливы в смысле непосредственной экспериментальной обработки, хотя и используются в качестве общеметодологических ориентиров при построении теорий "среднего уровня", в том числе для организации теоретического знания относительно множества разнообразных явлений, подпадающих под общее название "модернизации". В частности, Бак и Джекобсон не коснулись важного для полемики вокруг "модернизации" вопроса о том, осуществляется ли формирование обществом "универсалий" спонтанно (эндогенно) или же под воздействием извне (экзогенно) и как тот или иной путь развития (эндогенный или экзогенный) влияет на качественную природу и периодичность достигаемого на определенных этапах "развития" равновесия. И эти вопросы нашли отражение в дальнейшей дис-

куссии вокруг взглядов Т. Парсонса на развитие. Отражением этой дискуссии является выпущенный в 1974-1976 гг. двухтомник "Разработки общей теории социальных наук", изданный в честь Т. Парсонса. Нет ничего более далекого от истины, пишет автор предисловия ко второму тому этого издания Э. Эфрат (9), чем утверждение некоторых критиков Парсонса о том, что в его теории изменение невозможно или необъяснимо. Наоборот, изменение и стабильность в его теории - это две стороны одной медали.

Прежде, чем рассуждать об изменениях социальных систем, необходимо располагать теорией социальной структуры и теорией протекающих в социальной системе мотивационных процессов. Надо четко представлять себе, "что" изменяется, какой стабильный компонент системы и в какой степени изменяется - структура, функция, подсистема, или, иначе, "культура", "личность", "организация" и т.п.

Но из всех процессов изменения главное внимание Парсонс и большинство других "теоретиков действия" обращают на процесс изменения нормативного строя, управляющего отношениями между единицами социальной системы, что вытекает из общего понимания Парсонсом социальной системы как "конфигурации институционализированной нормативной культуры". И если в целом система социального действия как "человеческая" система в процессе развития претерпевает лишь внутренние структурно-функциональные изменения, оставаясь стабильной в смысле своего "человеческого" типа, то это не означает, что более конкретные общественные системы по мере накопления возмущений не могут перестраиваться и трансформироваться в системы другого "культурного" типа, пишет Э. Эфрат.

Анализируя источники изменения, Парсонс проводит главное различие между источниками экзогенными и эндогенными по отношению к системе действия данного уровня. Отчасти это связано с сознательным заимствованием им теоретического "принципа инерции", согласно которому системы остаются в неизменном состоянии, пока не подвергнутся воздействию какого-либо внешнего или внутреннего возмущающего фактора. Усматриваемое здесь иногда противоречие с

представлениями о системах действия как об открытых системах, находящихся под постоянной угрозой энтропийных тенденций, Э.Эфрат считает кажущимся, так как инерция, по Парсонсу, — не механическое понятие, а представление о поддержании границ системы с помощью процессов обмена со средой, меняющих свою интенсивность и свой характер в границах определенных параметров. При этом в моделях Персона "системы и подсистемы действия выступают как экзогенные по отношению друг к другу и являются друг для друга наиболее близким и непосредственным окружением; так, на уровне системы человеческого действия в целом, с точки зрения социальной системы, ее окружением одного с нею уровня являются системы культуры, личности и биологическая (организмическая)" (9, с.664).

Согласно этой схеме, природная (физическая) среда взаимодействует с социальной системой не непосредственно, а через эти подсистемы. В свою очередь, для нормативной подсистемы социальной системы ("социетальной общности") непосредственным окружением выступают экономическая, политическая и ценностная подсистемы, а культура, личность и т.п. взаимодействуют с ней через их посредство. Если же дополнить эту картину моделью кибернетической иерархии, взаимосвязь систем будет выглядеть еще сложнее; в иерархии контроля подсистема Ц (целестремления), например, будет взаимодействовать с подсистемами А (адаптации) и И (интегративной) непосредственно, а с Л ("ла-тентной", или подсистемой сохранения идентичности системы) косвенно.

Методологические следствия этих взаимодополняющих представлений для анализа изменения в целом и тем более модернизации, как отмечает Э.Эфрат, до сих пор детально не рассматривались. Но они содержат в себе немалые возможности, хотя и связаны с определенными трудностями. Все это и является предметом дискуссионных статей парсонсовского двухтомника, комментарию которых он, Эфрат, и посвящает свое обширное предисловие. Одним из главных катализаторов "изменения в системах" и "изменения систем"

Парсонс считает напряженность, понимаемую, как нарушение равновесия во взаимодействии между двумя или более элементами системы. Наиболее полная типология напряженности, как указывает Эфрат, дана в книге Н.Смелсера "Теория коллективного поведения" (26). Некоторыми наиболее общими основными проявлениями или источниками напряженности могут быть неудовлетворительное функционирование элемента или структуры, помехи на пути достижения системой или подсистемой своих целей или удовлетворения своих ожиданий; конфликт соперничающих структур или групп, беспорядок в распределении ресурсов, недостаточная институционализация или конкретизация ценностей, противоречия и непоследовательности в структурных компонентах системы. Конкретное применение идеи напряженности для анализа процесса внутренней дифференциации можно найти в работе Р.Баума (3).

Японский социолог Кениши Томинаго (27.), продолжает Эфрат, напротив, подвергает сомнению правомерность анализа изменений как следствия внутреннего напряжения "социальной системы" (в ее специфически парсонсовской трактовке. - Ред.). К.Томинаго логически сопоставляет ситуацию "стационарного цикла", когда взаимодействия внутри системы находятся в равновесном состоянии, не порождая эндогенных факторов изменения, и ситуацию "развития" (подчеркивая, при этом, что "стационарный цикл" - идеальная аналитическая конструкция, так как исторически даже доиндустриальные общества, в которых взаимодействия между подсистемами сравнительно мало интенсивны и хорошо сбалансированы, все-таки претерпевают и процессы развития). Если представить развитие как логическое следствие действия внешнего (экзогенного) по отношению к социальной системе фактора, то дело обстоит довольно просто. При попытке же найти движущую силу изменения внутри системы, само понятие "источника изменения", как утверждает К.Томинаго, становится бессодержательным, поскольку изменение здесь по определению является свойством самой системы, а не результатом какого-нибудь отдельно распознаваемого фактора. Обе модели - экзогенная и эндогенная, в интерпретации Томинаго,

содержат ряд существенных недостатков: первая тяготеет к некритическому одностороннему детерминизму, вторая, "в рамках структурно-функциональной схемы, ведет к заключению, что изменения носят циклический характер или ограничены короткими промежутками времени" (27, с.690).

На самом деле критически анализируя в качестве экзогенных моделей, пользующихся идеей внешнего "самореализующегося переменного фактора, теорию Маркса (экзогенный по отношению к социальной системе фактор - производительные силы) и теорию японского социолога Ясумы Такады (экзогенный фактор - рост населения), Томинаго отдает предпочтение, как видно из опубликованной в двухтомнике его статьи, экзогенной модели с той, однако, оговоркой, что стратегическая переменная должна выбираться не априорно, а в зависимости от направления самого анализа, и "не рассматриваться как сугубо самодвижущаяся", а анализироваться "в обратной связи с системой" (27, с.690). Сам он в качестве такой стратегической переменной для изучения индустриализации в Японии избирает технику.

Томинаго утверждает, что социальные мыслители, искавшие ответ на вопрос о том, почему развивается техника, в особенностях человеческой природы, не сумели дать адекватного объяснения. Томинаго отказывается от постановки таких "первопричинных вопросов", он принимает технический прогресс за данное эмпирическое обобщение, но считает "совершенно не переменным условием необходимость учитывать обратное воздействие системы на технический прогресс" (с.290). Следует отметить, что Томинаго в своих рассуждениях совершенно безосновательно приписывает исключительную "экзогенность" марксистской модели общественного развития, в которой производительные силы якобы играют роль "демиурга". Марксизм рассматривает производительные силы как систему, одним из элементов которой является человек. Следовательно, обратная связь от социальной системы несколько не исключается из рассмотрения: одной из главных движущих пружин развития производительных сил марк-

сизм признает классовую борьбу, социальные революции и творчество масс.

Что касается Э.Эффрата, то он возражает тезису Томинаго относительно неспособности парсонсовской "эндогенной" модели выйти за рамки цикла или краткосрочных изменений. "Такие конструкции теории действия, как генерализация ценностей, включенность, дифференциация и рост адаптивности, могут помочь преодолеть отмечаемые им ограничения, поскольку в них фиксируются достаточно существенные внутрискруктурные изменения, которые в свою очередь могут породить дальнейшие внутренние перемены" (Р, с.679).

По мысли Э.Эффрата, одной только напряженности недостаточно для совершения изменения, и ее нельзя понимать как главную "причину" изменения. Напряженность лишь приводит в движение процессы, исход которых зависит от множества факторов.

Основной теоретической нитью статьи Эффрата является анализ заложенной в теории Парсонса и разрабатываемой его последователями "трехплоскостной" схемы социальных изменений. Упорядочение факторов изменения, согласно этой схеме, возможно по крайней мере в трех плоскостях: предметно-целевой (substantive) - в терминах схемы четырех функций (АЦИЛ); кибернетической - в терминах иерархии контроля и физических условий; и временной - в терминах "добавленной стоимости" (value added)¹⁾ Такой подход выявляет присущую теории Парсонса установку на функциональную взаимосвязь систем (подсистем), как бы вложенных (причем многократно) друг в друга, чем и определяются процессы развития. Томинаго как раз дает пример такого системного анализа: "Он указывает не только на способы, которыми факторы (концептуализированные в терминах АЦИЛ) могут способствовать различным аспектам роста и развития

¹⁾ Value added (термин буржуазной политэкономии) - "добавленная стоимость", стоимость, возникающая в процессе растянутой во времени обработки исходного предмета (материала). Подробнее см. с. 213. - Прим.авт.

системы, но также и на то, как неравновесия и несовместимости в структурах могут остановить развитие или направить его в поисках путей разрешения напряженности по особым каналам (таким, как, например, тоталитаризм)" (9, с.665), отмечает Эфрат.

Детальное рассмотрение факторов изменения в кибернетических терминах представлено в двухтомнике в статье И.Лоубсера "Действие и опыт" (11) и в упоминавшейся уже книге Н.Смелсера (26). "Эта модель подчеркивает, — замечает по этому поводу Э.Эфрат, — что, как правило, элементы высокого информационного уровня осуществляют через процессы конкретизации и обобщения управление и регулирование деятельности элементов, занимающих низкое информационное, но высокое энергетическое положение...

Обсуждая проблемы кибернетического управления... мы говорим о факторах, которые направляют энергию, о компонентах, которые формируют различные исходы и т.п., а не о единственной причине или об определенном факторе" (9, с. 666).

Аналоги или модели такого информационного контроля лучше всего разработаны в языке или логике, где "компоненты высокого уровня, такие, как грамматические правила или основные логические посыпки, управляют и формируют через процессы конкретизации более специфические языковые и логические высказывания" (там же).

Несмотря на то обстоятельство, что кибернетическая модель подчеркивает относительно большую важность "нормативных" факторов по сравнению с "материальными интересами" элементов системы, являясь в своем роде "культур-детерминистской", Т.Парсонс неоднократно подчеркивал, что его позиция не должна восприниматься как идеалистическая (9, с. 666), — считает нужным заявить Э.Эфрат.

Теория действия признает относительную самостоятельность каждого уровня системы, его независимую вариабильность, наличие своих особых потребностей и контрольных механизмов, что показано Ш.Эйзенштадтом (10). Эйзенштадт, как отмечает Эфрат, видит слабость ранних работ по модернизации в том, что они мыслили различия между

традиционными и современными обществами и между различными современными обществами в терминах количественной разницы в основных структурных и социодемографических показателях модернизации. Позже, когда, по мнению Эйзенштадта, рухнули надежды на конвергенцию старых "модернизированных" обществ и обществ вновь модернизирующихся, стало подчеркиваться культурно-символическое многообразие современных обществ в духе теорий "культуры и личности". Эйзенштадт же стремится найти среднюю линию, исходя из того, что "культурные коды могут сохранять автономность по отношению к другим системным изменениям и могут влиять на оформление структур независимо от других изменений"¹⁾ (9, с. 666). И это, по мысли Э.Эффрата, не противоречит тому, что нижестоящие в кибернетической иерархии уровни влияют на вышестоящие. Так, Н.Смелсер (26) особенно удачно, по мнению автора, показал, как напряжения на уровнях энергетических условий передаются на верхние этажи иерархии контроля и ускоряют совершающиеся там процессы реорганизации. Он же дал наиболее детальную, по мнению Э.Эффрата, разработку уровней конкретизации социальных ценностей, показав, как более общие нормативные компоненты структуры регулируют социальное действие на более низких уровнях. Изменения на более низких уровнях подразумевают стабильность на более высоких регулятивных "этажах". Автор согласен с формулировкой американского социолога Леона Мейхью, согласно которой "история есть последовательная институционализация ценностей" (цит. по: 12, с. 42).

По Л.Мейхью, при этом действуют следующие механизмы: когда члены общественной системы наталкиваются на какие-либо проблемы, они обращаются к более высоким (обобщенным) уровням структуры. Таким образом осуществляется последовательно объединение все более крупных коллективов и возникают новые институциональные варианты, точнее отражающие ценности данного общества. Эту переда-

¹⁾ Более детальный анализ взглядов Ш.Эйзенштадта см. на с.227-240 настоящего издания. - Прим. ред.

чу проблем и напряженностей с уровня на уровень, вплоть до ее решения, Н.Смелсер назвал генерализацией, а Э.Эфрат обобщает эти идеи в формуле: "Наиболее серьезные напряженности достигают высших уровней, и с высших уровней задаются наиболее крупными изменениями" (9, с. 668). Кроме того, и сами лежащие на высшем уровне ценностные и ориентационные компоненты по своему содержанию могут способствовать изменениям или тормозить их. Так, в теории действия ориентационный комплекс, называемый "инструментальным активизмом" и подразумевающий ориентацию на активное преобразование среды, лежит в основе исторического развития западных обществ¹⁾.

Организацию факторов изменения во временной плоскости, продолжает Э.Эфрат, наиболее убедительным образом осуществил также Н.Смелсер. Действительно, по Смелсеру, изменение совершается только тогда, когда для этого на каждой предшествующей стадии создается определенная комбинация факторов, подобно тому, как в производстве только при условии соблюдения определенной последовательности операций, "добавляющих стоимость" к полученному на предшествующем этапе, возможно получение конечного продукта (26, с. 13-14).

Особенно важным в этом подходе Э.Эфрат считает выявление различий между оценкой события, как "подготавливающего" фактор будущего развития, и актуализацией этого события как детерминанта. Так, при изготовлении автомобиля краска может быть произведена задолго до того, как она будет пущена в дело для получения конечного продукта. Как один из "конечных продуктов" таких последовательных стадий исторического процесса Эфрат рассматривает современные "модернизированные" общества.

1) И так теория действия обнаруживает свою ориентацию на западный мир. - Прим. ред.

Одним из наиболее универсальных эволюционных процессов теории действия считает "структурную дифференциацию". Эфрат определяет ее как изменение внутри системы от состояния, при котором определенные действия или функции выполняются одним элементом, к ситуации, когда эти отдельные функции начинают выполняться двумя или более сравнительно самостоятельными и отличными друг от друга элементами и при этом более эффективно и производительно.

Э. Эфрат подчеркивает, что процессу дифференциации подвержены все системы действия любого уровня. Это может быть социальная система с ее ролевой структурой, группами и организациями, а могут быть системы верований и символические системы, если речь идет об уровне культуры: мотивы и комплексы на уровне личности. Даже сама система человеческого действия в целом претерпевает постепенную дифференциацию составляющих ее подсистем — организма, личности, социальной системы и культуры — друг от друга и от окружающей "нечеловеческой" среды. При этом дифференциация не считается чем-то необратимым, поскольку в ответ на напряженности в системе или в результате адаптивных усилий системы может происходить и де-дифференциация. Тем не менее дифференциация остается одним из главных направлений развития, поскольку она дает наиболее эффективные ответы и адаптивные решения во многих случаях напряженности в системе или нарушений ее функционирования.

Дифференциация самыми различными способами увеличивает адаптивную способность системы. На уровне институтов социальной системы она порождает и санкционирует специализацию в определенных родах деятельности. Она "разводит" конфликтующие ожидания и ориентации. Так, скажем, в процессе модернизации, когда деловое предприятие дифференцируется от семьи владельца, ценностные ориентации на аффективность, партикуляризм, аскрипцию и диффузность действуют в семейном контексте, деятельность же фирмы протекает на основе ориентационных принципов аффективной

нейтральности, универсализма, достижительности и точности¹⁾).

Э.Эфрат напоминает, что вместе с тем дифференциация порождает определенные интегративные проблемы, поскольку "чрезмерная" или слишком быстрая дифференциация является источником отчуждения или "романтической реакции". "Парсонс сформулировал некоторые из условий или перестроек, необходимых для успешной дифференциации: это — создание благоприятных условий через высвобождение ресурсов от аскриптивных пут, включение отдифференцировавшихся элементов в коллективные структуры более высокого уровня, повышение уровня обобщенности норм, расширение или генерализация ценностей, узаконивающих новые функциональные элементы" (9, с. 676).

Другими словами, если системе суждено достичь относительной стабильности и продолжать развиваться, "должны получить дальнейшее развитие и механизмы интеграции. Ряд явлений может быть отнесен к числу тех, что имеют дело с интегративными проблемами: развитие более всеохватывающей идеологии, более универсалистской правовой системы, добровольных ассоциаций, распространение прав и привилегий на все более широкие слои общества, повышение уровня обобщенности средств обмена" (9, с. 672). Эти

1) Аффективность — быстро возникающая повышенная реакция на события, действия и т.п., партикуляризм — неравное отношение к "своим" и "чужим", аскрипция — приписывание качеств и свойств без критического их соотнесения с реальностью; диффузность — расплывчатость представлений о предмете, действии и т.п.

В действительности, с точки зрения по крайней мере некоторых "девелопменталистов", при модернизации дело обстоит значительно сложнее, поскольку оба типа ориентаций смешиваются и противоборствуют как в "семейной", так и в "деловой" сфере, равно как и во всех остальных сферах деятельности членов модернизирующегося общества. — Прим.ред.

“решения” делают жизнеспособными все более масштабные и дифференцированные системы и облегчают возникновение новых более сложных уровней организации.

Это представление совпадает с эволюционной теорией в изложении Леона Мейхью, который “стремится видеть в этапах эволюции новые уровни консолидации отношений между агрегациями, а в спорах о характере обществ на каждом из этапов — дискуссию относительно того, насколько различные общества и культуры обеспечивают проблемы интеграции и инкорпорации” (9, с. 672), т.е. насколько им удастся преодолеть конфликты и удовлетворить своих членов.

Модель структурной дифференциации, разработанную Н.Смелсером для уровня социальной системы, “можно обобщить для любого уровня системы действия” (9, с.673), — заключает Эффрат и не без пафоса заявляет, что такого рода модели выбивают всякую почву из-под обвинений теории действия в отсутствии в ней анализа изменений и в статичности. Эти обвинения “связаны с незнанием значительной части работ Парсонса... и работ других теоретиков действия, таких, как Смелсер и Белла” (9, с. 676).

Э.Эффрат отвергает и обвинения теории в том, что она игнорирует конфликты, так как признание внутренних напряжений, играющих роль постоянных стимулов изменения, заложено в самом представлении о них как об “открытых системах”.

Попытки критико-аналитического применения методологических посылок теории Парсонса к проблематике модернизации отражены в статьях К.Томинаго (27), Д.Рюшемейера (23; 24), Ш.Эйзенштадта (10) и Р.Робертсона (21).

В статье Робертсона показано, как некоторые, преимущественно политические факторы могут служить и препятствиями и двигателями интеграции системы на более высоком, чем ранее, уровне (речь идет о создании сверхнациональной системы отношений). В статье профессора социологии в университете Брауна Д.Рюшемейера “Частичная модернизация” (23) разбираются проблемы соуществования элементов различных эволюционных стадий в рамках конкретных общественных систем и указываются источники и механизмы, обес-

печивающие, казалось бы, конфликтным и нестабильным образованиям довольно длительное и устойчивое существование, задерживающее и трансформирующее процесс модернизации¹⁾).

В статье Д. Рюшмейера "Идеология и модернизация" (24) речь идет о применении в конкретном анализе роли ценностей парсонсовской кибернетической "иерархии контроля". Статья писалась параллельно с эмпирическим исследованием ценностных конфликтов в ходе модернизации в Германии, которое финансировалось Фондом Форда и Немецким исследовательским обществом (ФРГ).

Автор начинает с определения модернизации, отдавая себе полный отчет в том, что даже проблемы дефиниции этого явления остаются по сей день в высшей степени спорными и сложными. Он пишет: "Из новейших определений наиболее приемлемыми представляются те, что основываются на разработанном Максом Вебером понятии рационализации социальной и культурной жизни. Они помещают модернизацию в контекст социальной эволюции и соединяют представления о возрастающей "адаптивной способности", "которая есть не что иное, как перевод веберовской рациональности на язык системных представлений с рассмотрением специфических черт, отличающих высший уровень развития адаптивности от ранее достигнутых уровней" (24, с. 737). Согласно представлениям парсонсовской теории человеческого действия увеличение генерализованной адаптивной способности системы является и всеобщим направлением эволюционного процесса, и главным критерием ее продвинутости по пути эволюции, ее развитости.

Социокультурная рационализация, как ее понимают Макс Вебер и его последователи, подразумевает не только рассмотрение, оценку и выбор средств для данных целей, но и критическое переосмысление самих целей и ценностей — их последствий и их взаимозависимости и совместимости.

В процессе модернизации сами ценности становятся все более объектом рационального рассмотрения и отбора, хотя,

1) См. с. 72–80 настоящего издания. — Прим. ред.

конечно, этот отбор возможен только в том случае, если какие-то конечные ценностные ориентации принимаются не как производные, а как изначально данные.

Отсюда важная роль в процессе модернизации идеологий — систем, в которых эмпирический анализ неотделим от оценочных суждений. Современные идеологии включают в себя и критическую оценку целей и ценностей, и основу для их отбора (в виде либо абсолютных ценностей, либо ценностных ориентаций самого общего вида) для тех случаев, когда рушатся не ставившиеся ранее под вопрос предписания традиций.

Следует не упускать при этом из виду, что "даже современные идеологии обычно отправляются от непроверяемых ценностных посылок", что абсолютные ценности и наиболее общие ценностные ориентации "управляют широким спектром более конкретных ценностных выборов в соответствии с меняющимися условиями" (24, с. 753). Представление о том, что "эти наиболее дистанционно управляющие культурные коды, ценности высшего уровня и конечные ориентации религиозного, типа отличаются наибольшей устойчивостью, выглядит более правильным, чем мнение об этих элементах культуры как о легко изменяющихся отражениях лежащих в их основе более "реальных" социальных условий" (24, с. 744). В парсонсовской схеме "кибернетической иерархии" систем и подсистем человеческого действия система культуры занимает место управляющего устройства.

Культурные конфигурации не сами по себе непосредственно определяют изменения в социальной системе или системе личности, а образуют системным образом взаимосвязанные программы, "информационно" обеспечивающие процессы в социуме и личности путем определения границ, направлений и критериев различения приемлемого от неприемлемого.

Такая "отдаленность" культурных (и среди них идеологических) регуляторов от нижележащих уровней ведет, по заключению автора, к тому, что "во всех сколько-нибудь сложных обществах мы обнаруживаем разделение труда в том, что касается идеологических занятий и авторитетов...

На каждом этапе общественной эволюции специализация в культурных вопросах приобретает все большую важность, и ее развитие, ее реорганизация и распространение является одной из важнейших проблем модернизации" (24, с. 739).

Среди идеологических явлений, сопутствующих процессу модернизации, полезно различать особый тип идеологии — "радикальную" идеологию, имея в виду не политический, а изначальный смысл этого слова. "Радикальные" идеологи "пытаются провести тотальный анализ и реконструкцию всех основных сторон общества и цивилизации; они не принимают как безусловные ценности и представления о действительности, пребывавшие в латентном состоянии, а принимаются за их пересмотр" (24, с. 742). Вместе с тем, и это чрезвычайно важно, самые общие ценностные, а также познавательные установки сохраняются в латентном виде и в радикальных идеологиях. Существуют, по-видимому, особые социальные и психологические механизмы, которые не допускают полного выхода за пределы латентных установок. Здесь кроется объяснение того факта, что люди, наиболее причастные к радикальным идеологиям, глубоко вторгающимся в латентные области, "ищут тесного сплочения в солидарные группы для получения в них и эмоциональной поддержки и интеллектуального оправдания" (24, с. 742).

Одним из вышеуказанных механизмов Рюшемейеру представляется отсутствие широкого общественного доверия к новым радикальным идеям и проблемам. При устойчивости состояния социальной системы этим доверием облекаются более умеренные профессионалы. Основная же масса людей в их повседневной жизни, по мнению Рюшемейера, вообще далека от идеологии, принимая за само собой разумеющееся, что их поступки, суждения и ориентации соответствуют друг другу и обладают смыслом с точки зрения того, что находится за пределами их рефлексии и относится к области сокровенного или священного.

Вопрос о том, как образуются "очаги доверия", позволяющие транслировать идеологические решения от различных центров идеологической деятельности к периферии, имеет огромную теоретическую значимость. В процессе модерниза-

ции происходит ломка веками накопленных традиций, которую, несмотря на значительные вариации и эволюции, оставались относительно стабильными и находились в соответствии со структурами общественной и индивидуальной жизни. Возникающие современные структуры, расширяя горизонты и социальные контакты и порождая надежды на лучшее будущее, в случае "обществ-последователей" часто могут и не содержать институционализированных альтернативных элементов вместо разрушаемых традиционных способов жизни и ориентации. "Эти альтернативные элементы должны были бы характеризоваться разнообразием типов аффилиаций, множественностью и потенциальной диссонансностью референтных групп, преимущественно предметно-конкретными, универсалистскими и достиженческими ориентациями" (24, с. 744). При отсутствии этих элементов люди оказываются перед лицом неопределенности выбора ролей и аффилиаций и неясности будущего и часто хватаются за незрелые противоречивые решения своих идеологических проблем.

Автор считает, что особую чувствительность к идеологическим проблемам в этих условиях проявляют образованные меньшинства "стран-последователей" (по мнению известного американского социолога Рейнхарда Бендикса, их роль сопоставима по важности с ролью рабочих и капиталистов в модернизированной Европе). Это объясняется препятствиями, встречаемыми ими как носителями целей модернизации, несоответствиями темпов развития масштабам роста образованного слоя, конфликтами с более укорененными культурными элитами, испытывающими угрозу со стороны новых элитарных групп. Эти группы охотно заимствуют элементы идеологии развитых стран, в то же время оставаясь укорененными в местной культуре. "Наиболее вероятным исходом в этих условиях является некая синкретическая разновидность мысли, в которой заимствование и перетолкование иностранных компонентов связывается с местными проблемами и идеологическими тенденциями" (24, с. 746).

Рюшмейер приводит некоторые регулярно повторяющиеся, по его мнению, идеологические сюжеты, характерные для стран "запоздавшей модернизации", которые могут чер-

пать готовые модели из стран, рассматриваемых ими как "референтные общества", и которые "предпринимают попытку модернизации в условиях иностранного влияния, помощи и, возможно, угрозы" (24, с. 746).

Прежде всего это национализм всех разновидностей, который может быть понят как идеологический ответ на порождаемую модернизацией потребность в новых принципах формирования общественных коллективов и социальной идентификации. Он может дать почву тем, кто утратил прежние объекты приверженности, и дать им идейный смысл существования. Таким образом с его помощью решаются проблемы социальной интеграции, и ведущее место этих проблем в процессе модернизации "тем очевиднее, чем скорее мы примем, а я думаю, что мы вправе это сделать, что старые формы социальной интеграции особенно уязвимы при столкновении с современными социальными формами и что определенная модернизация и дифференциация на уровне ролей и организаций может, хотя и с трудом, но все же совершаться без каких-то детализированных идеологических оправданий; правда, дисциплина и ориентация на исполнение трудовых обязанностей занимают, как правило, важное место в любой системе модернизирующего идеологического воспитания" (24, с. 747).

Однако национализм дает ответы не на все даже только интегративные вопросы, связанные с модернизацией, не говоря уж об идеологических проблемах, порождаемых другими функциональными потребностями. "Два смежных источника идеологической озабоченности, связанных с проблемной областью интеграции, — это переходные формы системы стратификации и требования новых мобилизованных модернизацией слоев дать им доступ в сферы политической и культурной жизни, прежде открытые только привилегированному меньшинству" (24, с. 747-748). Одним из ответов на эту ситуацию является идеология радикального социализма. Однако, заявляет Рюшемейер, и консервативная критика новых порядков со стороны традиционных элит имеет определенное сходство с социалистической критикой.

Наконец, в современных развивающихся странах можно

найти в самых различных соотношениях и сочетаниях все разновидности толкования демократического способа правления, какие наблюдались и в идеологическом развитии Европы. Они так или иначе увязываются с теми или иными идеологическими позициями в соответствии с различными шансами на политический успех и своей внутренней логической последовательностью (24, с. 748). Пожалуй, самым слабым успехом пользуется концепция демократии, основывающейся на решениях индивидов, свободно объединяющихся друг с другом для достижения общих целей. Это вполне соответствует низкому уровню мобилизации людей в политическую жизнь и еще более низкому уровню их интеграции в более гибкие организационные структуры.

Результатом того, что все эти идеологические контрверсии вращаются вокруг проблем интеграции, является тот факт, что и самые актуальные политические вопросы "решаются с позиций интегративных проблем, выше расположенных в "кибернетической иерархии" социокультурных систем" (24, с. 749). Вместе с тем влияние интегративных проблем преобладает над вопросами конечного смысла бытия, что, на первый взгляд, противоречит методологическим установкам теории действия, но на деле вполне объяснимо латентным характером этих социокультурных элементов высшего уровня. Так, краткосрочные идеологии, стремящиеся обрести широкую поддержку, обычно лишь очень смутно касаются проблем высшего уровня, и их положения формулируются на основе методологических ориентаций, относящихся главным образом к проблематике интеграции общества. При этом "наследуемая система социокультурных кодов высшего уровня", вероятно может сохраняться нетронутой и даже регулировать радикальные преобразования постулатов бытия и ценностных ориентаций на более низких уровнях. Однако более вероятно, что она теряет часть актуальности и претерпевает "фундаментальные возмущения" (24, с. 754). Тем не менее "вопросы религиозного характера остаются, хотя и преимущественно в латентном виде, даже тогда, когда старые представления теряют почву, а интегративные проблемы настолько захватывают центр идеологического

влияния, что религиозные ответы сливаются с идеями, находящимися в сфере интеграции или получают выражение на их языке" (24, с. 752).

Суммируя все положения теории действия по поводу изменения и несколько упрощая картину, упоминавшийся уже Э.Эфрат заключает, что в ней "можно видеть определенную смесь четырех основных подходов — эволюционной теории, равновесной модели, кибернетической теории и волюнтаристских взглядов" (29, с. 662). "Современная эволюционная теория концентрирует наше внимание на вопросах, связанных с самыми общими направлениями развития, модели равновесия — на тенденциях систем к сохранению постоянства и механизмах, которые этому мешают, кибернетическая теория привносит свои представления о причинности, а волюнтаристский взгляд подчеркивает целенаправленность действия" (9, с. 663). Видимо, этим объясняется, что значительная часть буржуазных теоретиков рассматривает теорию действия как наиболее полную концептуальную схему, притязающую на объяснение всех сложных взаимосвязей процессов социокультурного развития или, по меньшей мере, на то, чтобы дать "карту и компас" для путешествия по безбрежному морю человеческой реальности.

Концептуальный аппарат и методология теории действия, как пытаются показать последователи Парсонса, может с успехом применяться для конструирования обобщенных объяснительных моделей таких процессов, как модернизация, индустриализация, рационализация, профессионализация, а вместе с ними и проблем общественного развития в целом. В действительности, однако, ключевые вопросы социально-экономического развития, мирового революционного процесса, классовой борьбы и социалистического будущего человечества, научно сформулированные Марксом и разрешаемые в ходе современной общественно-исторической практики, фактически игнорируются этой теорией на том уровне абстракций, который продиктован методологией Т.Парсонса.

1. Бельский Г. Кризис западноцентристских концепций "модернизации" и "социологии развития" освободившихся стран. - В кн.: Исследования социологических проблем развивающихся стран, М., 1978, с.219-235.
2. Atkinson D. Orthodox consensus and radical alternative; A study of sociological theory. - L.; Heinemann books, 1971. - IX, 307 p.
3. Baum R. Introduction to "Generalized media in action". - In: Explorations in general theory in social science; Essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by Loubser J.C. et al. N.Y., 1976, vol.2, p.448-469.
4. Bellah R.N. Tokugawa religion; The values of preindustrial Japan. - Glencoe (Ill.); Free press, 1957. - IX, 249 p.
5. Bendix R. Nation-building and citizenship; Studies of our changing social order. - N.Y. etc.; Wiley, 1964. - XII, 314 p.
6. Bendix R. Tradition and modernity reconsidered. - Comparative studies in soc. a. history, L.; N.Y., 1967, vol.9, N 1, p.210-345.
7. Buck G.L., Jacobson A.L. Social evolution and structuralfunctional analysis; an empirical test. - Amer. sociol. rev., N.Y., 1968, vol.33, N 3, p.343-355.
8. Collins R. A comparative approach to political sociology. - In: State and society; A reader in comparative polit. sociology / Ed by Bendix R. et al. Berkeley etc., 1973, p.43-57.
9. Effrat E. Introduction to social change and development. - In: Explorations in general theory in social science ; Essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by Loubser J. et al. N.Y., 1976, vol.2, p.662-680.

10. Eisenstadt S.N. On historical continuity and social change in modernization. - *Ibid.*, p.788-797.
11. Loubser J. The value problem in social science in developmental perspective. - *Ibid.*, vol.1, p.75-89.
12. Mayhew L. Society; Institutions and activity.- Glencoe (Ill.); Scott, Foresman, 1971. - 256 p.
13. Parsons T. The social system. - Glencoe (Ill.); Free press, 1952. - XVIII, 575 p.
14. Parsons T. Democracy and the social structure in Pre-Nazi Germany. - In: Parsons T. Essays in sociological theory. Rev. ed. Glencoe (Ill.); London, 1964, p.226-237.
15. Parsons T. Some sociological aspects of the fascist movements. - *Ibid.*, p.237-247.
16. Parsons T. Some considerations on the theory of social change. - *Rural sociology, Ithaca etc.*, 1961, vol.26, N 2, p.219-239.
17. Parsons T. An outline of the social system.- In: Theories of society; Foundations of mod. sociol. theory / Ed. by Parsons T. et al. Glencoe (Ill.), 1961, vol.1, p.70-79.
18. Parsons T. Evolutionary universals in society. - *Amer. sociol. rev.*, N.Y., 1964, vol.29, N 3, p.339-357.
19. Parsons T. Societies; evolutionary and comparative perspectives. - Englewood Cliffs (N.J.); Prentice-Hall, 1966. - VIII, 120 p. - (Foundations of mod. sociology ser.). - *Bibliogr.*: p.116-117.
20. Parsons T. The system of modern societies.- Englewood Cliffs (N.J.); Prentice-Hall, 1971.- VIII, 152 p. - (Foundations of mod. sociology ser.).
21. Robertson R. Societal attributes and international relations. - In: Explorations in general

- theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by Loubser J.C. et al. N.Y., 1976, vol.2, p.713-735.
22. Rostow W.W. The stages of economic growth; A non-communist manifesto. - Cambridge: Univ. press, 1960. - X, 179 p.
 23. Rueschemeyer D. Partial modernization. - In: Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott parsons / Ed. by Loubser J.C. et al. N.Y., 1976, vol.2, p.756-772.
 24. Rueschemeyer D. Ideology and modernization. - Ibid., p.736-755.
 25. Smelser N.J. Social change in the industrial revolution: An application of theory to the Lancashire cotton industry 1770-1840. - L.: Routledge a. Kegan Paul, 1959.-- XII, 440 p.
 26. Smelser N. Theory of collective behavior. - L.: Routledge a. Kegan Paul, 1962. - XI, 436, 13 p. - (Intern. library of sociology a. social reconstruction). - Bibliogr.: p.388-427.
 27. Tominaga K. Growth, developement and structural change of the social system. - In: Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by Loubser J.C. et al. N.Y., 1976, vol.2, p.681-712.
 28. Wallerstein L.M. The modern world system. - N.Y. etc.: Acad. press, 1974-1980. - Vol.1-2,
 29. White W. Beyond conformity. - N.Y.: Free-press, 1961. - 230 p.
 30. Zeitlin L.M. Rethinking sociology: A critique of contemporary theory. - N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1973. - VII, 263 p.

Л.А.Седов

КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ДИНАМИКА ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ В РАБОТАХ Ш.ЭЙЗЕНШТАДТА

Противоречивые процессы, связанные с развитием стран, освободившихся от колониальной зависимости, вызвали среди буржуазных ученых потребность в пересмотре устоявшихся представлений о генезисе и эволюции западного капитализма и об универсальности данной модели развития.

В частности, критическая ревизия предпосылок и теоретических положений эволюционного функционализма (Т. Парсонс), совпав по времени с "веберовским ренессансом", привела на протяжении 70-х годов к образованию широкой и неоднородной сферы, обозначенной как "сравнительно-историческое исследование цивилизаций". Одной из попыток в этом направлении являются работы Ш.Н. Эйзенштадта, выдвигнувшего во второй половине 70-х годов задачу создания новой исследовательской "парадигмы" в этой области¹⁾ и формулирующего ее принципиальные моменты в своих публикациях последнего времени, которые и анализируются в настоящем обзоре.

¹⁾ См.: Eisenstadt S.N. The changing vision of modernisation and development. - In: Communication and change: The last ten years and the next. Honolulu, 1978, p.31-44 и дискуссию по поводу этой статьи в том же сборнике. - Прим. авт.;

Переформулирование проблематики исследований социального развития ведется им в двух направлениях. С одной стороны, внимание фокусируется не на технических средствах достижения целей, а на структурных и культурных предпосылках возникновения самих проблем преобразований общества, причем интерес сосредоточивается на факторах "долговременного" действия. С другой стороны, подчеркивается историческая уникальность процесса преобразований, который трактуется как связанный лишь с определенным периодом истории, как изменчивый и многообразный в пределах этого периода. Соответственно, фокусом исследования становятся "инициаторы" изменений — группы, культурные ориентации которых диктуют им динамическое видение общества. С противоречивыми процессами институционализации ценностей этих групп в социальной структуре общества и связывает Эйзенштадт всю общественно-историческую динамику в ее структурной сложности и культурном разнообразии. Отрезком мировой истории, на протяжении которого формируется такого рода мировоззренческий, а вслед за ним социальный динамизм, по Эйзенштадту, является яaspersовское "осевое время"¹). Здесь, в нескольких ведущих цивилизациях — Древнем Израиле, Древней Греции, частично — Персии (зороастризм), Китае периода древних империй, индустской, буддистской и исламской цивилизациях — формулируется концепция "фундаментального напряжения между запредельным и мирским порядками, между трансцендентальным и имманентным, находящая свое выражение в разделении властей и институтов" (3, с. 6). Подобная концепция коренным образом отличается от видения мира, преобладавшего в различных формах "языческой" религии, основополагающими для которого он считает представления о гомологии, или переплетении, этих порядков и, соответственно, об одинаковой ценности прошлого, настоящего и будущего.

1) Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. — Zürich, 1949, S.15-106.

На символическом уровне концепция разрыва между повседневным и запредельным привела к проблематизации "сочленения" космического порядка и человеческого удела, породила проблематику "спасения".

На институциональном уровне в цивилизациях описываемого типа наблюдаются "стремления пересоздать личность, экономический и социополитический порядок в соответствии с ценностями, определенными этим трансцендентальным видением и принципами высшего — этического или метафизического — порядка" (3, с. 9). Соответственно, сами основы человеческого существования, личность и социокультурный порядок становятся предметом размышления "не в терминах данности или границах практических требований повседневной жизни, а в качестве идеальной модели" (3, с. 10). И важным аспектом подобной "символической проблематизации" выступает формулирование базовых предпосылок данной культурной традиции в абстрактных, а не конкретных терминах, причем и они ставятся под вопрос в соответствии с этим же принципом последовательной интеллектуальной рационализации (1, с. 848–849).

Носители этих духовных тенденций формируют "культурные группы, претендующие на относительную автономию от широкой "аскриптивной" массы. Это пророки и священники в иудаизме, философы и софисты в Греции, "образованные" в Китае, брахманы в индуизме, санкхья в буддизме, улемы в исламской цивилизации. Вокруг этих групп формируются более широкие интеллектуальные общности, а "просачивание" их идей в различные секторы институциональной структуры общества ведет к изменению критериев групповой принадлежности, легитимности тех или иных институтов, к конкуренции этих групп и институтов. Острота этой конкуренции, по мнению Эйзенштадта, прямо зависит от степени инкорпорирования трансцендентного видения в рамках того или иного института. Все это создает "символическую ситуацию, которая обеспечивает возможность возникновения ересей и сект, выступающих, в свою очередь, факторами изменения" (3, с. 8).

Претензии различных групп на право разрешения фундаментальной антиномии между идеалом и повседневностью в религиозном, метафизическом или этическом плане ведут к плюрализму частичных программ спасения, и к "постоянному сомнению в возможности спасения, которое оказывается конститутивным для этих цивилизаций" (З, с. 13). Каждая из подобных элитных групп притязает на особую роль в установлении социального и культурного порядка, на реконструкцию религиозных (культурных), национальных, и др. сообществ, сообразно своему видению. При этом основанием претензий на самостоятельность и власть служит не функциональная специализация и техническая компетенция в рамках "разделения общественного труда" (как у Э.Дюркгейма), а вера в истинность своего мировоззрения. Институционализация концепции разрыва между идеальным и повседневным порядками связана, по Эйзенштадту, с осознанием политической сферы как фокуса разрешения этой фундаментальной антиномии. (Аналогичный процесс можно наблюдать в военной и образовательной сферах, также формулирующих свои идеологии под влиянием трансцендентального видения). Соответственно, это порождает тенденции к той или иной иерархической организации различных сообществ — религиозного, политического, этнического и т.д. Причем проблематика конструирования подобного порядка сама становится фокусом политических и идеологических конфликтов. Задача идеологической легитимации политической власти получает свое выражение в виде концепции ответственности правителей перед более высокой, запредельной инстанцией, с одной стороны, и перед культурными (религиозными или идеологическими) элитами — с другой. Этот процесс трансформирует структурные и символические аспекты действия других элит, также выдвигающих претензии на собственное место в конструировании культурного и социального порядка. Результатом выступают, с одной стороны, претензии внеполитических групп на активное участие в политической сфере, с другой же — самоопределение политических элит как автономных носителей идеальных моделей миропорядка и спасения. Происходит идеологизация критериев легитимности политическо-

го порядка и выдвижение наряду с "традиционными", аскриптивными атрибутами самоопределения более "открытых" (харизматических или рациональных) критериев. Соответственно духовно-культурным ориентациям ведущих элитных групп формируется идеологическая политика, а также формы контроля над распределением ресурсов в обществе (контроль над доступом к основным институциональным рынкам, границы этих рынков, обмен ресурсов между ними, референтные ориентации основных социальных групп).

К числу важнейших особенностей институционализации и символической артикуляции политического процесса, получивших наиболее полное выражение в монотеистических цивилизациях, относится тенденция к развитию автономной сферы права, относительно независимой как от власти обычая, так и от прямого политического регулирования. "Правовые рамки и типы деятельности становятся в этих условиях одной из наиболее центральных и отчетливых областей, в которых осуществляется артикуляция базовых предпосылок политического и социального порядка и его укоренения в базовых культурных ориентациях" (2, с. 173). Понятия прав и обязанностей входят в основные концепции политической идентичности и легитимности социально-политического строя, а в ряде традиций (иудаизм, ислам) выступают рамками определения членства в религиозном и культурном сообществе и базовыми компонентами коллективной идентичности.

Основные характеристики описываемой исторической ситуации суммируются в наборе переменных, которые Эйзенштадт считает значимыми для типологизации социального изменения. В качестве таких переменных выделяются:

- 1) культурные ориентации;
- 2) типы политико-экологической обстановки (композиция основных внутренних и внешних рынков);
- 3) некоторые аспекты структуры отношений между центрами, а также центром и периферией общества;
- 4) структура образующихся социальных иерархий и слоев;
- 5) природа основных сообществ;
- 6) базовые характеристики ведущих элит или создателей институций.

Способы и уровень влияния этих элит на институциональную структуру общества зависят от их способности использовать "открытые"

ресурсы, например те, которые не "закреплены" за аскриптивными общностями – семьей, общиной, гильдией. Элиты могут использовать эти ресурсы для структурирования новых институциональных центров, иерархий и сообществ. Важную роль здесь играет развитие разного рода рынков, более широких, чем рамки аскриптивных общностей, а также формирование альтернативных концепций социального, политического и культурного порядка, которые отличны от существующих и общепринятых не просто тем, что "переворачивают" существующий порядок (как "ритуалы переворачивания" в традиционных обществах), но и обеспечивают возможность выхода за его пределы.

Различные типы связи между культурными ориентациями и социальной (институциональной) структурой коррелируют с разными формами социального изменения в исторических обществах, различающихся типом правления. Среди последних Эйзенштадт выделяет империи и феодалные монархии; города-государства и племенные федерации; патримониальные общества,

1. Империи и феодалные монархии обеспечивают "согласованный" тип изменений, так как в них фиксируется предельная отчетливость центра общества, по отношению к которому периферия задана как в высокой мере проницаемая для коммуникаций "поверх" аскриптивных общностей и связей. В структуре общества обособляются политический и, до некоторой степени, культурно-религиозный центры – фокусы харизматических элементов социополитического и космокультурного порядков, в которых сосредоточиваются, хранятся и кодифицируются компоненты "больших" традиций (в отличие от локальных "малых"). Здесь складывается и воспроизводится развитая культурная система координат, в символическом и организационном плане свободная от политических, этнических, национальных и других рамок действия (ее представляют "большие" религии). Для этих осевых цивилизаций характерно осознание разрыва между трансцендентальным и мирским порядками, равно как и необходимости их сочленения, формулируемого в терминах внутримирского пути к спасению. Последнее сопровождается высокой сте-

пению приверженности различных секторов населения к космическому и социальному порядку и относительной самостоятельностью доступа по крайней мере некоторых групп к его центральным атрибутам. Элитные группы, имеющие доступ к центру и доступные друг для друга, используют в подобной ситуации автономную базу ресурсов. Соответственно, для них характерна относительно высокая степень согласованности как процессов, так и последствий изменения в главных институциональных сферах. Структурная перестройка основных сообществ (политических, религиозных, национальных) и изменения в них, равно как и в рамках базовых институтов (экономических, религиозных, системе социальной стратификации), имеют тенденцию сопровождаться высокой степенью реструктуризации самой политической системы общества. В этих условиях отмечается сильная связь между изменениями в основаниях доступа к власти и ее символическим атрибутам, с одной стороны, и между различными движениями протеста и политической борьбы в центре — с другой.

В ходе политической борьбы имеет место высокий уровень организации и идеологической артикуляции спорных проблем и предлагаемых подходов.

Вариации в пределах этого типа социальных изменений определяются степенью согласованности между трансформациями в основных институциональных сферах, с одной стороны, и в рамках движений протеста и конфликта — с другой, и степенью непрерывности воспроизводства данного политического строя (в случае нарушения этой непрерывности, дифференцирующей характеристикой выступает природа предполагаемого результата: подразумевает ли он уничтожение или трансформацию режима и в какой мере это обеспечивается насильственными средствами).

Китайская империя. Внутримирская по своим ориентациям конфуцианско-даосско-буддистско-легистская традиция делает упор прежде всего на культивацию социополитического и культурного порядков как основных фокусов космической гармонии. Долг и деятельность координируются в пределах существующих групп (семья, род, императорская служба), причем под-

черкивается связь между исполнением и предельными критериями индивидуальной ответственности. Политико-культурный центр выступает единственным распределителем макро-социального престижа и почестей, автономные же статусные ориентации групп допускаются лишь на локальном уровне. Основной слой элиты, "образованные", обладающие монополией на доступ к центру, соединяют активность с артикуляцией моделей культурного порядка. Организационные рамки слоя идентичны государственной бюрократии, однако, поскольку "образованные" рекрутируются из различных слоев, включая крестьянство, они сохраняют относительно тесные отношения солидарности с большинством социальных групп, включая первичные сообщества (существенно отличаясь в этом от идентичного слоя в России).

Соответственно, здесь фиксируется, в рамках данного типа, низкий уровень согласованного социального изменения: протест не находит проявления на новых уровнях культурных ориентаций и политических требований. В подобных условиях разрушение непрерывности воспроизводства правящего режима имеет своим следствием насильственные перевороты.

Российская империя. В послемонгольском варианте развития христианской цивилизации достигнута высокая степень сегрегации внутри- и внемирских ориентаций. Последние выделены в частную и религиозную сферы, социополитическая же область характеризуется сочетанием ориентаций того и другого типа. При этом в центре наблюдается высокая степень подчинения культурного порядка политическому и низкий уровень автономного доступа основных слоев к принципиальным атрибутам социального и политического порядка. Политическая сфера является фактической монополией правящих элит, область экономики рассматривается как менее центральная и потому располагает некоторой степенью автономии, не обеспечиваясь, однако, более общими значениями, сформулированными в терминах базовых параметров культурной и религиозной сфер. Отделение доступа к атрибутам космического порядка и спасения (при сравнительно слабом посредничестве церкви) от символов политического

и социального порядков находит выражение в том, что основные движения протеста и религиозные ереси либо формулируют внемирские ориентации, либо отделены от политической сферы и борьбы в центре, оказывая лишь в отдельных случаях влияние на сферу экономики. Основным механизмом достижения центром своих целей заключается в жестком отделении политических элит (которые вместе с тем выступают и как культурные элиты) от экономических и образовательных, равно как и от носителей символов коллективной солидарности основных аскриптивных общностей. "Концепция ответственности правящих кругов никогда не приобретает институционального выражения, хотя составляет базовый идеологический ингредиент их политической культуры" (2, с. 175).

Соответственно, ориентация центра в послепетровский период на модернизацию дает начало долговременным процессам социального и экономического изменения при централизованном контроле над ним и последовательной минимизации сколько-нибудь автономных форм политического выражения как в идеологическом, так и в организационном аспекте. Иными словами, демонстрируется предельно низкий, как и в предыдущем случае, уровень согласованного изменения, процесс которого далее будет варьироваться в зависимости от стабильности политического порядка.

Феодальные монархии Западной Европы. Здесь наблюдается множество перекрывающих друг друга культурных внутри- и внемирских ориентаций и градаций, "символическая гетерогенность" (1, с. 859), с которой связано и специфическое структурно-организационное многообразие. Конstellация этих предпосылок с акцентом на автономию и связь космического, культурного и социального порядков задала основные институциональные характеристики обществ этого типа. К ним относятся: множество центров; пронизываемость периферии для центра и обратное ее влияние на центр; автономия групп и слоев, располагающих автономным доступом к центру, без права монополизации центра и т.п.

Эти характеристики коррелируют с высоким уровнем согласованности социального изменения, переструктуризации

политических режимов и других институциональных сфер, так же как и движений протеста, ересей и политической борьбы в их взаимовлиянии (как это имеет место позднее в европейских буржуазных революциях¹). Этот процесс институциональной перестройки не предполагает о обязательностью унифицированных культурных и социальных рамок. В сравнении с имперскими типами правления феодальные монархии Европы характеризуются меньшей стабильностью политического строя, постоянными изменениями в политической сфере и основных сообществах и постоянной переструктуриацией центров. Вместе с тем они обладают большей способностью к институциональной инновации "поперек" различных политических и национальных границ и центров.

2. Города-государства и племенные федерации ("частично согласованный" тип изменений). Эти общества (Греция, Рим, Палестина, исламские племенные союзы) характеризуются сильной внутримирской ориентацией в разрешении фундаментальной антиномии запредельного и мирского порядков и относительно высоким уровнем приверженности культурному и социальному порядку. Наблюдавшаяся здесь символическая и структурная дифференциация центра и периферии и их взаимовлияния не сопровождаются полной институционализацией этого процесса в специальных системах координат: большинство членов более широкой общности может, хотя и в ограниченной мере, принимать участие в деятельности центра. Совпадение членского состава центра и периферии имеет своим следствием слабое развитие автономных элит. Соответственно, здесь наблюдается высокий уровень взаимосвязи между различными процессами изменения, но лишь частичная и кратковременная институционализация согласованных изменений в основных институциональных сферах.

1) Eisenstadt S.N. *Revolutions and the transformation of societies*. - N.Y., 1978. - XVI, 348 p. Эта работа является предварительным изложением концепции, развитой в анализируемых публикациях. - Прим. авт.

3. Патримониальные общества ("рассогласованный" тип изменений)¹⁾. Базовые культурные ориентации в этих областях отмечены либо низким уровнем различения идеального и повседневного порядков, и, соответственно, их антиномичности, либо акцентом на внемирские устремления при относительно высокой осознанности трансцендентальной проблематики. В последнем случае социополитический и даже культурный порядок принимается как данность. Это сопровождается низким уровнем символической артикуляции различных сообществ и "классового" самосознания их основных элит, которые в большей мере включены в аскриптивные слои и группы и располагают низким уровнем автономии. Высокая степень статусной сегрегации коррелирует с сильной тенденцией к узкостатусным объединениям. Институционализацию процессов социального изменения здесь можно характеризовать как рассогласованную: даже при существенных изменениях в основаниях и границах политической сферы и других сообществ и институтов эти элементы демонстрируют тенденцию либо к относительно независимому друг от друга изменению, либо одни из них сохраняют высокую степень стабильности, тогда как в других можно наблюдать существенные изменения.

Соответственно, изменения в режиме правления имеют тенденцию обособливаться от процессов перестройки оснований доступа к центру в экономической и социальной сферах. В этих условиях серьезные изменения политического режима обычно комбинируются с династическим изменением или сменой правителя, влекущей за собой изменение иерархии различных фамилий, этнических и региональных групп, изменения в трактовке символов легитимности правителя и в политических ориентациях правящих кругов. Появление в таких случаях новых экономических и религиозных групп,

¹⁾ Специально об этом типе общества см.: Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neo-patrimonialism. - Beverly Hills; London, 1978, - 95 p.

как правило, не сопровождается изменением принципов доступа к политической власти, равно как и изменения в технологической и экономической сферах, косвенно способствуя падению патримониальных режимов, не обязательно должны быть связаны с подобными изменениями. Экономическая система пересекает политические границы и в ряде случаев переживает политические режимы. Между различными типами движений протеста и политической борьбой в центре, так же как между этими процессами и институциональной инновацией в экономической и культурной сферах фиксируется так или иначе слабая связь.

Наиболее существенные вариации в пределах этого типа наблюдаются в буддистской, индуистской и исламской цивилизациях.

Изложенная концепция относится к макросоциологическому уровню рассмотрения цивилизации или "типов" общества и ориентирована на сравнительное исследование изменений прежде всего в политической сфере. Такой подход имеет свои границы: выработка предельно общих рамок сопоставления принуждает к отвлечению от многообразия конкретных исторических обстоятельств и действующих в них групп, поскольку анализ в данном случае не ставит задач реконструировать ту или иную эмпирическую ситуацию исторического действия, мотивацию его агентов и контрагентов, процессы достижения ими взаимопонимания и разрешения возникающих конфликтов и т.п.

С другой стороны, преимущественно умозрительная направленность разработок задает приводимым эмпирическим материалам специфический статус "примеров"; они предназначены так или иначе продемонстрировать эвристическую плодотворность выдвигаемой схемы, прежде всего как средства упорядочения и систематизации данных. Последняя, однако, не решает задачи их теоретического истолкования. Схему Эйзенштадта: отличает исключительный формализм. Она принимает в качестве основных типологических переменных культурные ориентации и организационно-структурные аспек-

ты деятельности элитарных групп, обходит содержательные моменты, объясняющие социокультурные трансформации и связанные с "интересами" действующих лиц, в том числе — их материальными интересами. Тем самым в сферу детального рассмотрения почти не попадает реальная практика широких слоев, от которых зависят изменения в обществе, даже если они осуществляются под знаками чужих символов и эмблем. Иными словами, предложенная схема задает подчеркнута элитарное и даже "харизматическое" видение социокультурной динамики, но оставляет в стороне рутинные процессы, собственно деятельность социальных институтов и функционирование символики, ограничиваясь указанием преимущественно на их источники и, главным образом, стимулы. Все это заставляет усомниться в самом предмете теоретических размышлений Эйзенштадта: что исследуется, "процессы", изменений или только "идеологии изменения". Этот вопрос, в частности, приобретает особое значение, когда в качестве "идеологических" (символических) выступают инструментальные и исполнительные компоненты и типы действия — организационно-управленческая, технологическая деятельность и другие виды "социальных техник". Последнее характерно для ситуаций "задержанной" модернизации, осуществляемой по образцу более "развитых" обществ и по форме протекания, близкой к тому типу изменений, который описан Ш.Эйзенштадтом как "рассогласованный". Однако изучение этого явления требует гораздо более детального социологического и социально-экономического анализа, чем это позволяет теоретический подход Ш.Эйзенштадта.

Список литературы

1. Eisenstadt S.N. Cultural orientations, institutional and social change: Comparative analysis of traditional civilisations. — Amer. j. of sociology, Chicago, 1980, vol.85, N 4, p.840-869.

2. Eisenstadt S.N. Cultural traditions and political dynamics: The origins and modes of ideological politics. - Brit. j. of sociology. L., 1981, vol.32, N 2, p.155-181.
3. Eisenstadt S.N. Hétérodoxie, sectarisme et dynamique des civilisations. - Diogene, P., 1982, N 120, p.3-25.

Б.В.Дубин

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Сборник обзоров

- Технический редактор М.Л.Кнерцер
Корректор Н.К.Гусева

А-10348

Сдано в набор 4/Х-84 г.

Подписано к печати 7/Ш-85 г.

Формат 60x84/16

Печ.л. 15,0

Уч.-изд.л. 12,0

Тираж 2000 экз.

Заказ 2934

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/21
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр., 403

042(02)9

СПИСОК ОПЕЧАТОК

стр.	строка	напечатано	следует читать
9	5-6 сн.	стратегам	стратегем
171	3 св.	К. Вебер	М. Вебер
174	16 св.	тестам	текстам
185	17 сн.	приязи	неприязи

заказ 2934